

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Научный журнал

№ 1 (25)

2017 год

ЖУРНАЛ ЯВЛЯЕТСЯ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКОЙ ИНСТИТУТА ФУНДАМЕН-
ТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОЛИТИКЕ

Ответственность за содержание несут авторы публикаций

Редакционный совет:

А.Н. Ежов – президент ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск), почетный работник науки и техники РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России, академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор, *председатель редакционного совета*;

О.Г. Антонова – начальник Департамента образования Ивановской области;

В.В. Иванов – депутат Государственной Думы ФС РФ;

Н.Л. Ковалева – Уполномоченный по правам человека в Ивановской области;

С.Н. Князев – доктор юридических наук, профессор, ректор Международного университета «МИТСО» (г. Минск, Республика Беларусь);

А.С. Кузьмичев – председатель Ивановской городской Думы;

А. И. Малышкина – депутат Ивановской областной Думы, член Ивановского регионального штаба Общероссийского народного фронта, доктор медицинских наук, профессор;

Д.И. Полывинный – профессор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», доктор исторических наук, профессор;

М.П. Соболев – проректор по международным, межрегиональным отношениям и связям с общественностью ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск), член Международной федерации журналистов (Брюссель);

В.А. Шарнин – заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ в области образования, доктор химических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

А.А. Федотов – руководитель научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества, доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск) – *председатель редакционной коллегии, главный редактор*;

К.А. Полозова, директор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск) – *заместитель председателя редакционной коллегии*;

Т.П. Белова, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»;

Н.А. Голикова – директор издательства ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск);

В.П. Океанский – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Федотов Памяти архиепископа Амвросия (Щурова) 3

ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

А.Ю. Быков Право цифровой экономики – некоторые народнохозяйственные и политические риски 5

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е.В. Ширяева Идеи биологического бессмертия в контексте современной культуры 16

В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская Самобытность и идентичность: опасности технизации патриотического сознания 20

ИСТОРИЯ

С.К. Редков, Т.В. Нистратова Государственно-правовые реформы княгини Ольги 23

О.В. Пигорева Государственная политика в сфере образования по изучению религии в школе на рубеже XX–XXI веков в современной историографии 26

К.А. Юдин Немецкий кинематограф конца 1920-х – 1980-х гг.: опыт идейно-теоретического и историографического осмысления 31

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

А.Л. Дединкин, Т.А. Турлак Профессиональная ориентация: социологический анализ 43

Т.П. Белова, А.В. Рожкова Волонтерство как элемент гражданского общества: теоретико-методологические аспекты социологического изучения 46

С.С. Спановский Опыт эмпирической адаптации мультииндикаторной методики измерения социальной напряженности 52

И.Д. Сазонов Поиск национальной идеи как путь государственного возрождения 56

ПРАВО

Б.А. Спасенников И вновь о новой науке – сыскологи 59

Б.А. Спасенников, А.М. Фумм К вопросу о наказаниях в виде ссылки и каторжных работ в Российском государстве XVI – начала XX вв. 65

Н.С. Богачева, А.В. Миронов О состоянии невменяемости в уголовном праве России 70

Б.А. Спасенников О возрасте субъекта преступления, предусмотренного статьей 321 Уголовного кодекса России 75

О.Р. Леонтьева Проблемы оценки деятельности оперативных подразделений 80

С.Е. Мишуков Комментарий к статье 22 Уголовного кодекса Российской Федерации 85

Л.В. Медведкина Проблемы совершенствования медико-санитарной службы уголовно-исполнительной системы 89

М. С. Поройко Уголовный проступок в системе Российского уголовного законодательства: каким ему быть? 93

Р.С. Еременко Новации в юридическом образовании и правовом воспитании в России 101

ЭКОНОМИКА

Р.В. Колесов Мировая экономика в 2017 году: на пути к «новой нормальности» 106

К.Г. Катаниди Химическая промышленность России в условиях санкций: проблемы и возможности 110

А.В. Иевлев Анализ состояния энергетического оборудования в России в 2007 – 2014 годах 112

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Предлагаем Вам стать авторами журнала «*На пути к гражданскому обществу*».

Журнал как научное издание имеет социально-функциональное назначение – содействие научным исследованиям, научной работе, подведение результатов научных изысканий и достижений. В статьях публикуются разные точки зрения, не всегда совпадающие с мнением редакционного совета и редакционной коллегии. Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов для публикации. Рукописи, присланные в журнал, авторам не возвращаются. Авторский гонорар не выплачивается. Мы поместим научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по историческим, политологическим, социологическим, юридическим, экономическим, религиозно-аспектам российского и зарубежного опыта по следующим **направлениям**:

- ♦ государство;
- ♦ право;
- ♦ образование;
- ♦ политические партии и движения;
- ♦ социальная ответственность бизнеса;
- ♦ религиоведение;
- ♦ национальный вопрос;
- ♦ историософия и русская религиозная философия;
- ♦ политология;
- ♦ общественные организации;
- ♦ местное самоуправление;
- ♦ история;
- ♦ рецензии.

Периодичность выпуска – 4 номера журнала в год (возможен выпуск сдвоенных номеров). Издание журнала осуществляется на базе Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск) и Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества.

Объем научных статей 0,5 - 1 п.л., рецензий - до 0,3 п. л.

Правила оформления.

Материалы следует выполнять в редакторах «Microsoft Word». Шрифт Times New Roman, 14 пт, выравнивание текста по ширине, красная строка 1,5 см, поля 2,5 см с каждой стороны, полуторный интервал,

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках после цитаты. Сначала указывается номер источника, затем, после запятой, номер страницы [3, с. 36];

Сноски на несколько источников разделяются между собой точкой с запятой.

Нумерованный список литературы приводится в конце текста в алфавитном порядке. Литература на иностранных языках располагается в конце списка.

К статье следует приложить аннотацию и ключевые слова материала, черно-белую фотографию автора, сведения об авторе, которые включают фамилию, имя, отчество автора, его должность и место работы, ученую степень, телефон, e-mail.

По **всем вопросам**, связанным с публикацией можно обращаться *по электронной почте*:

aalfedotov@yandex.ru.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ивановской области

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ТУ37-00151 от 16 июня 2011 г.

Адрес редакции (издателя):

153032 г. Иваново, ул. Ташкентская, дом 90, литер А5

Телефон:

(4932)42-43-39, 42-43-38

Факс (4932) 42-43-39

e-mail: aalfedotov@yandex.ru

Формат 60x84/8

Бумага писчая.

Гарнитура « Таймс».

Печать офсетная.

Дата выхода в свет 26 апреля 2017 года.

Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд.л. 9,75.

Тираж 300 экз.

Цена свободная.

Ивановский филиал

ЧОУ ВО

«ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ»

153032, г. Иваново,

ул. Ташкентская, 90, литер 5 «А».

Тел./факс 42-43-39.

E-mail: ivanovomiu@yandex.ru.

Отпечатано с оригинала-макета

ОАО «Информатика»

153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, 90

ISSN 2223-1730

9 772223 173007

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала
«На пути к гражданскому обществу»,
доктор исторических наук, профессор
Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

Памяти архиепископа Амвросия (Щурова)

8 ноября в 5 часов утра после тяжелой продолжительной болезни скончался пребывавший на покое архиепископ Амвросий (Щуров).

В своих словах соболезнования Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил: «В тяжелые годы гонений на веру он решил посвятить свою жизнь служению Церкви и поступил в Московскую духовную семинарию, по окончании которой был рукоположен во диакона и иерея и совершал служение на Ивановской земле. Спустя годы Господь сопричислил его к сонму епископов. Без малого тридцать лет занимая Ивановскую кафедру, почивший владыка проявлял заботу о вверенном его попечению словесном стаде Христовом. За эти годы были восстановлены многие храмы и монастыри, увеличилось число пастырей, пасомых и принявших иноческие обеты».

Архиепископ Амвросий (Анатолий Павлович Щуров) родился 28 марта 1930 года в деревне Киселево Кашинского района Калининской (ныне Тверской) области в многодетной крестьянской семье. Как рассказывал мне о своем пути в Церковь сам Владыка Амвросий «Мне часто задавали вопрос: как же Вы стали верующим? И на него очень трудно ответить. Я думаю, что это особое водительство Божие, особый промысл Божий. Человек не своей волей приходит в этот мир, и живет он здесь водимый державной десницей Господней. Какое-то особое избранничество Божие я часто на себе замечал. Еще до крещения, у меня всегда было желание молиться. В то время было гонение на Церковь. В младенчестве меня не крестили и я принял Святое Крещение в возрасте 16 лет. Принимал его уже осознанно. Помню первую ночь перед тем, как идти к священнику, который должен был меня крестить, я просто не мог спать. Душа трепетала, это было необычайно волнительное состояние. Крещение мое совершилось на дому».

Когда после войны открылись духовные школы, юноша решил поступить в московскую семинарию. Поступал он в нее еще в Новодевичьем монастыре, а заниматься начал уже в стенах Троице-Сергиевой Лавры.

29 июня 1952 года он был рукоположен в сан священника архиепископом Ивановским и Кинешемским Венедиктом (Поляковым) и был назначен настоятелем Воскресенского храма села Толпыгино Приволжского района Ивановской области. А 17 декабря 1954 года тем же архиепископом Венедиктом был пострижен в монашество с именем Амвросий.

С ноября 1961 года по май 1962 года отец Амвросий был настоятелем Благовещенского храма в селе Воронцово Пучежского района Ивановской области, затем снова Воскресенского храма села Толпыгино. 26 июля 1965 года он был зачислен в клир Преображенского кафедрального собора г. Иваново, а 4 ноября 1966 года назначен настоятелем этого собора. В 1965 году митрополит Антоний наградил отца Амвросия наперсным крестом с украшениями, а в 1966 году возвел его в сан архимандрита.

Он не хотел быть архиереем; как вспоминал сам архиепископ Амвросий, его избрание для служения епископом произошло фактически вопреки его просьбам: «И тогда секретарь епархиального управления - протоиерей Николай Демьянович и сам Владыка Иов

(архиепископ Ивановский и Кинешемский в 1973-1977 годах) стали тянуть меня, чтобы я был здесь епископом. Я очень не соглашался. Святительское служение меня страшило. Владыка Иов тогда очень ослаб, его немного парализовало. А я буквально умолял его, говорил: «Владыка, побудьте. Мы все сделаем здесь, только бы Вы у нас были». Но Владыке с каждым днем становилось все хуже и хуже. Он слабел, а затем его парализовало. И пришлось его отсюда проводить к родственникам... А между тем Владыка и отец Николай отправили на меня характеристику и представление в Патриархию. И потом пришел мне указ - быть здесь епископом.»

Архиерейская хиротония архимандрита Амвросия во епископа Ивановского и Кинешемского состоялась 18 октября 1977 года, и почти 30 лет, до июля 2006 года, он был управляющим Ивановской епархией. Мягкий и добрый архиерей, архиепископ Амвросий иногда проводил и нелюбимые для многих исторические параллели; в 1990-е годы говорил об особой ответственности православного духовенства в тот сложный период жизни нашей страны. Так на епархиальном собрании 3 августа 1998 года, он сказал: «Быть священнослужителем, это значит не только одеть рясу, но всецело соответствовать своему назначению, внутренне принадлежать Богу, иначе священник не будет священником, если его сердце будет далеко отстоять от Христа Спасителя. Поэтому умоляю вас, чтобы вы не увлекались этим миром и не замещали им своего служения, чтобы вы всегда помнили, что вы священники Бога Вышнего и на вас смотрят люди испытующе и с большой надеждой. Ведь у нас на Руси сейчас не на кого больше смотреть, идет страшное громадное время междуцарствия. Это, пожалуй, потяжелее, чем время Лжедмитрия, о котором вы прекрасно знаете из истории. И остается только одна наша святая Русская Православная Церковь. Поэтому всегда соответствуйте своему назначению».

Когда в 1977 году епископ Амвросий был назначен на Ивановскую кафедру, в епархии было только 44 прихода. На момент, когда в 2006 году архиепископ Амвросий ушел на покой, в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии были духовная семинария, 12 монастырей, 188 приходов и монастырских подворий, 4 общеобразовательные православные школы, 3 монастырских детских приюта, один православный детский сад. Издавалась церковная литература церковно-исторической и духовно-просветительской тематики. В епархии проходили своё служение свыше 400 священников и 100 диаконов. Налажены взаимоотношения с органами государственной и муниципальной власти. По его инициативе было установлено празднование в честь Собора Ивановских святых.

За свои труды на благо Церкви и Родины Владыка Амвросий был награжден многими церковными и общественными орденами, государственными орденами «Дружбы», «Знак Почета», стал почетным гражданином города Иваново и Ивановской области. Три раза был временным членом Священного Синода.

Показательна оценка служения архиепископа Амвросия в словах соболезнования губернатора Ивановской области П.А. Конькова: «Будучи человеком талантливым и деятельным, он внес огромный вклад в просвещение граждан, укрепление межконфессиональных отношений, духовное развитие в регионе. Всю свою жизнь он проповедовал высокие ценности любви, милосердия, патриотизма, отзывчивости, помощи ближнему. При его непосредственном участии в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии происходили события, имевшие огромное значение не только для истории православной культуры, но и истории региона в целом. В Ивановской области возрождались и строились храмы, было открыто свыше ста новых приходов, более десяти монастырей, появились семинария, православные школы, шла активная издательская деятельность. Владыка Амвросий приехал в Ивановскую область в молодые годы и всю свою долгую, многотрудную жизнь посвятил пастырскому служению в одной епархии. Кончина архиепископа Амвросия – большая утрата для всех православных верующих Ивановской области. Мы скорбим о великой потере. Сегодня ушел человек, сочетавший в себе качества архиерея и черты истинного патриота, радующего за благополучие Родины. Владыка Амвросий навсегда останется в нашей памяти».

©Федотов А.А., 2017

ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

А. Ю. Быков

Руководитель Научно-образовательного центра
«Правовая защита бизнеса и предпринимательства»
Московского государственного юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Право цифровой экономики – некоторые народнохозяйственные и политические риски

В статье рассматриваются некоторые народнохозяйственные и политические риски, связанные с развитием цифровой экономики. Отмечается жизненная необходимость для России национальной кибергигиены. Делается вывод, что заполнить существующий сегодня в цифровой экономике правовой вакуум и устранить опасность возникновения беспредела может административно-правовая дорожная карта, которая на первом этапе реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в 2017 – 2019 годах заложит в государственной политике России такие системные и правовые подходы, которые в теории и на практике сделают обман в цифровой экономике нашей страны бессмысленным.

Ключевые слова: цифровая экономика, правовая безопасность, Российская Федерация, международное право, правовое регулирование, стратегия, угроза, собственность, контроль.

1. Правовая безопасность Российской Федерации

Правовая безопасность Российской Федерации складывается из внешней и внутренней правовой безопасности государства, экономики, общества и граждан.

При этом вопросы обеспечения правовой безопасности страны можно условно разделить на стратегические и тактические.

Вступление России в эпоху цифровой экономики, которое констатировала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, опубликованная на сайте Совета Безопасности РФ 13 декабря 2016 года[4], затронуло все аспекты правовой безопасности нашей страны.

В эпоху цифровой экономики при оценке уровня правовой безопасности Российской Федерации представляется необходимым учитывать правовую ситуацию в следующих сферах:

- международное право ЦЭ и практика его применения в РФ и для субъектов права РФ за рубежом;
- национальное право ЦЭ в РФ и практики его применения;
- работа уполномоченных органов государственного управления ЦЭ в РФ;
- государственные и частные аппаратные конструкции ЦЭ, в том числе архитектура облачных сервисов;
- применяемые программные продукты ЦЭ, в том числе в облачных сервисах;
- цифровые платформы бизнеса, общества и граждан в ЦЭ;
- федеральный и региональные информационные ресурсы по ЦЭ;
- специализированные форумы общения государственных чиновников, ученых и практикующих специалистов ЦЭ; *сегодня в начале пути стране как воздух нужен критический голос науки и профессионалов из Российского союза промышленников и предпринимателей, Ассоциации европей-*

ского бизнеса, Ассоциации юристов России, Объединения корпоративных юристов России, Союза ИТ директоров России, всех без исключения интегральных, отраслевых и региональных объединений предпринимателей страны.

- технические, правовые и управленческие образовательные системы для ЦЭ, предлагаемые такими центрами, как Национальный центр компетенций в области цифровой экономики МГУ им. М.В.Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, Университет ИТМО, Университет им. О.Е. Кутафина, МГИМО МИД РФ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II, Институт экономики роста им. Столыпина П.А., Институт развития интернета, Глобальная библиотека права цифровой экономики АНО Форт и др.

2. Международное право ЦЭ и практика его применения в РФ и для субъектов права РФ за рубежом.

На наших глазах выстраивается и самообновляется архитектура права цифровой экономики в США, Великобритании, Швеции, Китае, Японии, Евросоюзе, Южной Корее, Германии. Только продуманная концепция права может позволить правительствам создать здоровые и надежные аппаратные и программные решения для национальных цифровых экономик, а продуманные международные конвенции – для цифровой экономики всей планеты.

С учетом того, что международное право имеет приоритет над национальным правом, важен анализ того, в каком состоянии находится защита интересов российского бизнеса в ЦЭ за рубежом.

Не менее важен и тот аспект, что с учетом наступившей эры ЦЭ эффективность работы Федеральной налоговой службы, Федеральной антимонопольной службы и других федеральных учреждений в будущем в гораздо большей степени, чем до сих пор, будет зависеть от актуальности и качества международных конвенций, в которых участвует Российская Федерация.

В России применяется Конвенция ООН от 23 ноября 2005 года об использовании

электронных сообщений в международных договорах.

Иных международных конвенций, напрямую посвященных ЦЭ, пока нет, равно как нет двусторонних соглашений по ЦЭ, ратифицированных РФ и действующих на территории РФ.

Ряд широко применяемых сегодня конвенций, например, Нью-Йоркской конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, в эпоху цифровой экономики нуждаются в серьезной переработке.

Необходимо провести ревизию всех международных конвенций, в которых участвует Российская Федерация. Тут предстоит большая работа, в особенности для Министерства иностранных дел РФ, других федеральных ведомств и для юридической науки.

Глобальная библиотека права ЦЭ предлагает нам целый ряд национальных законов и подзаконных актов, резолюций парламентов, итоговых документов «Большой двадцатки» и ОЭСР, которые могут в ближайшее время лечь в основу международных конвенций по ЦЭ и двусторонних соглашений с участием РФ.

«Большая двадцатка» 5 сентября 2016 года отметила, что в ЦЭ важную роль имеет соблюдение законов о конкуренции и защите прав потребителей[9]. Следствием может стать принятие Международной Конвенции по борьбе с картелями.

В 2017 года G20 планирует принятие стратегических решений по ЦЭ.

6-7 апреля 2017 года на встрече в Дюссельдорфе министры цифровых экономик G20, Испании, Норвегии, Нидерландов и Сингапура приняли стратегическую декларацию «Строительство дигитализации для взаимосвязанного мира» (Shaping Digitalisation for an Interconnected World) [5].

У G20 и ОЭСР существует план действий по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и уходом от налогообложения (Base Erosion and Profit Shifting). Россия активно участвует в этой работе.

ОЭСР опубликовала уже 262 доклада по ЦЭ.

Параграф 10 «Дигитализация и правовые рамки» Доклада Генсека ОЭСР «Ключевые темы цифровой трансформации в G20»,

Берлин, 12 января 2017 года констатирует факт всеобщего отставания правового регулирования от темпов цифровой революции в мире [6].

Много внимания документ посвящает правовому регулированию защиты конкуренции. Однако авторы не пишут о том, что мощность современных гиперкомпьютеров достигается, в том числе, и такими программными решениями, которые носят *принудительно картельный характер*. Действующее антимонопольное право просто не сможет противостоять картельному союзу аппаратных и программных решений.

Как не вспомнить фразу Кристофа Мартина Виланда «за деревьями не видно леса», когда анализируешь, какое число тем охватили 262 доклада ОЭСР по ЦЭ, какое число направлений, уже подвергшихся изменениям в правовом регулировании в ЦЭ, перечисляет доклад Гендиректора ОЭСР от 12 января 2017 года. Это

- телекоммуникации (лицензирование спектров, всемирный доступ)
- защита личных данных
- защита критической информационной инфраструктуры
- цифровая идентичность (электронная подпись, электронное опознание)
- интеллектуальная собственность
- электронное правительство
- защита потребителей в электронной коммерции
- рециклирование электронных устройств
- онлайн безопасность людей и производства товаров
- торговля
- трудовые отношения
- налоги
- отраслевые законы (здравоохранение, энергетика, транспорт)

Упомянутый доклад Генерального директора ОЭСР констатирует отсутствие ясных подходов к правовому регулированию массово возникающих в ЦЭ конфликтных ситуаций. *Доклад предсказывает, что цифровая революция быстро сделает устаревшей всеобъемлющую правовую основу дигитализации.* Для движения вперед на данном фундаментальном направлении доклад предлагает найти баланс между двумя

путями. Путем создания некоего экспериментального пространства, в котором могли бы действовать законы. И путем введения саморегулирования в промышленности при декларировании неких принципов и кодексов поведения.

Позвольте специально для юридического цеха полностью процитировать мысль Генерального директора ОЭСР, изложенную на стр.140 его доклада для «Большой двадцатки» от 12 января 2017 года.

«Хотя некоторые вопросы, возникающие в связи с дигитализацией, несомненно, нуждаются в юридическом ответе, а правовая определенность имеет решающее значение для многих аспектов дигитализации, менее ясно, как следует решать другие вопросы. В современных условиях быстрых цифровых инноваций и с учетом широкого применения цифровых технологий в экономике и обществе, всеобъемлющая правовая основа для дигитализации, скорее всего, устареет довольно быстро. Предоставление экспериментального пространства для законодательства и рассмотрение саморегулирования в промышленности - это два варианта поиска путей обеспечения устойчивого баланса между дигитализацией невмешательства и жестким юридическим вмешательством. Кроме того, принципы высокого уровня могут служить руководством для политиков, деловых кругов и общества для ориентации и определения приоритетности решений на протяжении всего процесса дигитализации» [6].

В английском оригинале:

«While some issues raised by digitalisation clearly need a legal response and legal certainty is crucial for many aspects of digitalisation, it is less clear how other issues should be addressed. In today's environment of rapid digital innovation and given the wide application of digital technologies in the economy and society, a comprehensive legal framework for digitalisation would likely become obsolete rather quickly. Providing an experimental space for legislation and considering industry self-regulation are two options for finding ways to strike a sustainable balance between laissez-faire digitalisation and heavy-handed legal intervention. In addition, high-level principles can serve as a guide for policy makers, business and society to orient and prioritise decisions throughout the process of digitalisation.»

Постановка Генеральным директором ОЭСР вопроса о балансе этих двух путей представляется разумной. Однако, стабильный баланс может быть найден только в том случае, если два предлагаемых пути будут находиться не в одной плоскости, а подчинены друг другу. ***Саморегулирование должно быть разрешенным легальным сектором правового поля. Иначе оно может стать сектором беспредела, картелей и теневой экономики.***

О принципах высокого уровня и кодексах поведения в ЦЭ говорит не только ОЭСР. Европарламент, например, в резолюции о роботах и искусственном интеллекте от 16 февраля 2017 года предлагает дизайнерам и производителям роботов присягать на кодексе нравственных ценностей для роботов Исаака Азимова. В этой резолюции Еврокомиссии предложено учредить Агентство ЕС по роботам и искусственному интеллекту, ввести обязательное страхование ответственности роботов, создать специальный фонд для покрытия убытков, которые могут оказаться не застрахованными.

В целом в Евросоюзе цифровая экономика неуклонно сливается с реальной. Еврокомиссия планирует инвестировать 500 млрд. евро в серию хабов ЦЭ, где бизнес будет получать новые компетенции. Приоритетами ЕС является стандартизация в пяти областях: 5G, облачных технологиях, интернете вещей, информационных технологиях и кибербезопасности. Действует программа Единого европейского цифрового рынка. Все торговые реестры и государственные вестники стран ЕС о несостоятельности будут сведены в единый портал электронной юстиции.

Основные инициативы Евросоюза в ЦЭ – Индустриальная политика в эру глобализации (Industrial Policy for the Globalization Era), Цифровая повестка дня для Европы (Digital Agenda for Europe 2015), Инновационный союз (the Innovation Union); Акт о малом бизнесе Европы (The Small Business Act for Europe, 2008); Коммюнике Комиссии «Адаптация политики по электронному бизнесу в меняющейся среде: уроки инициативы Go Digital и задачи на будущее» (“Adapting e-business policies in a changing environment: the lessons of the Go Digital initiative and the challenges ahead”, 2003).

В цифровой экономике в мире в настоящее время лидируют США. За ними идут Южная Корея, Великобритания, Швеция, Финляндия, Япония, Китай, Германия, Франция, Испания и Индия. США лидируют в вопросе создания правовой базы для национальной ЦЭ, им в этом вопросе «в затылок дышат» Великобритания и Китай.

1 декабря 2016 года, в день утверждения Президентом РФ указом N 642 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации Комиссия по усилению национальной кибербезопасности США опубликовала свой 100 страничный доклад по безопасности и росту цифровой экономики в США.

В состав Комиссии по усилению кибербезопасности США, созданной 9 февраля 2016 года указом Президента США N 13718 как подразделение Министерства торговли США, входят, например, генерал Кейт Александер, бывший директор Агентства национальной безопасности США и бывший командующий Командования киберопераций Минобороны США, Самуэль Пальмисано, бывший гендиректор АйБиЭм, Петер Ли, директор корпорации Майкрософт, Айя Банга, президент Мастер Кард, Джозеф Салливан, директор по безопасности компании Юбер, то есть руководители американских корпораций, работающих по всей России.

Доклад от 1 декабря 2016 года показывает, что цифровая экономика США является частью системы кибербезопасности США. Именно так, а не наоборот. У Президента США есть специальный помощник по вопросам кибербезопасности. Он работает вместе с главным федеральным исполнительным директором по вопросам информации и главным федеральным исполнительным директором по вопросам информационной безопасности. Они руководят Фондом развития информационной безопасности, размер которого в 2016 году составил 3,1 млрд. долларов.

США полагают, что достигли достаточного уровня кибербезопасности своих федеральных ведомств и в настоящее время переносят акцент на обеспечение кибербезопасности своего бизнеса.

Президенту США Трампу рекомендовано назначить специального посла США по кибербезопасности, который бы отвечал за продвижение американских правовых и тех-

нологических стандартов в этой области во всем мире.

К началу 2017 года администрация США опиралась в своей работе по национальной кибербезопасности и цифровой экономике на мощную правовую базу, построенную за прошедшие 30 лет.

Еще 12 апреля 1984 года Конгресс США принял закон N 98-473, запрещающий пользование чужими компьютерами и компьютерными сетями без разрешения.

Заслуживают быть упомянутыми указ N 13010 президента Клинтона от 15 июля 1996 года «О защите критической инфраструктуры» [5]; Доклад от июля 1997 года «О мерах по защите критической инфраструктуры» [5]; Директива Президента «О защите критической инфраструктуры» от 4 августа 1998 года [5]; «Национальный план защиты информационных систем» 2000 года [5]; «Национальная стратегия безопасного киберпространства» президента Буша от февраля 2003 года [5]; Президентская директива по национальной безопасности N 7 от 17 декабря 2003 года «По определению, приоритизации и защите объектов критической инфраструктуры» [5]; «План защиты национальной инфраструктуры» 2006 года [5]; Президентская директива по национальной безопасности N 54 от января 2008 года «О политике кибербезопасности» [5].

Президент Обама принял свой «План защиты национальной инфраструктуры» 2009 года [5]. Обзор политики в киберпространстве от мая 2009 года [5]. В апреле 2011 года была принята «Национальная стратегия проверенных личностей в киберпространстве» [5]. В мае 2011 года – «Международная стратегия для киберпространства» [5]. В октябре 2011 года был принят указ Президента N 13587 «Структурные реформы по улучшению безопасности зашифрованных информационных сетей» [5]. 12 февраля 2013 года был принят указ N 13636 «Об усилении кибербезопасности критической инфраструктуры» [5]. В тот же день была принята президентская директива «Об усилении координации правительства и частного сектора в области кибербезопасности» [5]. В 2013 году был принят уже третий «План защиты национальной инфраструктуры» [5]. В феврале 2014 года была утверждена «Конструкция усиления кибербезопасности критической

инфраструктуры» [5]. Заслуживают также упоминания «Национальный план действий по кибербезопасности» от 9 февраля 2016 года [5] и Президентская директива N 41 от 26 июля 2016 года «О координации действий при инцидентах в киберпространстве Соединенных Штатов» [5].

Великобритания принимает «Билль о цифровой экономике» [5], реализует свою «Стратегию национальной кибербезопасности 2016-2021гг.» [5], частью которой является цифровая экономика страны. Правительство реализует «Стратегию цифровой экономики 2015-2018 годов» [5]. В Великобритании более 100 000 компаний - разработчиков программного обеспечения. Создан Национальный центр кибербезопасности с бюджетом в 1,9 млрд. фунтов на 5 лет. 16 февраля 2017 года при официальном открытии королевой Великобритании Елизаветой II Национального центра кибербезопасности канцлер казначейства Великобритании Филипп Хэммонд заявил, что за последний год 65% крупных компаний сообщили правительству о попытках взлома и попытках кибератак. Это только известные факты. А 90% британских компаний не имеют плана действий на случай кибернападения. Национальный центр кибербезопасности является частью Центра правительственной связи Великобритании, отвечающего за электронную разведку и безопасность. Его функцией является защита как правительственный учреждений, так и британского бизнеса от всех видов киберугроз [8].

В Китае активно действует государственная Канцелярия по интернет-информации. Среди всех мировых технологических компаний с капитализацией более \$1 млрд. по темпам роста капитализации все 50 первых мест занимают китайские компании. Гиганты национального ИКТ-комплекса Alibaba, Xiaomi, Tencent, Baidu, Lenovo, Huawei, ZTE и др., продолжают активно развиваться на инновационной основе, гибко реагируя на новые hi-tech-вызовы, соответственно диверсифицируя свой бизнес и расширяя его географию [14].

Федеральное министерство экономики и энергетики Германии издает ежегодный доклад по ЦЭ. Экономика Германии проходит через настоящую цифровую революцию, почитает себя, однако, отстающей от Китая,

Японии и Южной Кореи. 51% немецких компаний пользуются «интернетом вещей». В сфере ИКТ в Германии работает 1 млн. человек. Каждый работающий создает еще одно рабочее место в сфере обслуживания отрасли ИКТ. Оборот отрасли ИКТ в 2016 году составил 223 млрд. евро. Председатель СвДП Германии Стефан Линднер пообещал добиться создания федерального министерства цифровой экономики Германии, если его партия сможет войти в правительство Германии по итогам выборов в Бундестаг 24 сентября 2017 года.

В ноябре 2016 года премьер – министр Индии Нарендра Моди вывел из оборота банкноты достоинством 500 рупий (7 долларов США) и 1000 рупий (14 долларов США), составлявших вместе по стоимости 86% наличных денег страны. Индия подготовилась и перешла на безналичные расчеты. Это рассматривается экспертами как безвозвратный поворот страны к цифровой экономике.

В поставленном Всемирным экономическим форумом на первое место среди цифровых экономик мира Сингапуре действует Закон 1993 года «О запрете злоупотреблений компьютерами», Закон «Об электронных сделках» 2010 года, заменивший аналогичный закон 1998 года. В Сингапуре действует Агентство кибербезопасности, Комиссия по защите персональных данных.

3. В России многие важные стратегические и тактические вопросы правового регулирования цифровой экономики осознаны и очерчены.

Известна оценка, приводимая в докладе Бостон Консалтинг Групп 2016 года о цифровой экономике России о том, что в ближайшие 10-20 лет в мире в результате цифровой революции исчезнут 50% профессий. Цифровая экономика, таким образом, касается буквально каждого [10].

Успехи цифровой экономики в США, Китае, Японии, Великобритании, Сингапуре и других странах впечатляют. Цифровая экономика позволяет любому существующему бизнесу развивать большое количество принципиально новых бизнес-моделей. Об этом книга профессора Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция» [13]. Цифровая экономика имеет потенциал стать основой национальной безопасности России

и благосостояния ее граждан. Необходимо поставить цифровую экономику на правовые рельсы и сделать ее надежной для ведения бизнеса.

Документ Евразийской экономической комиссии «Платформа отраслевых экосистем цифровой экономики» предлагает подробно проработанный вариант архитектуры ЦЭ ЕАЭС на базе крупных игроков ИКТ рынка [11].

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента России N 642 от 1 декабря 2016 года, со смирением констатирует проблемы невосприимчивости нашей экономики и нашего общества к инновациям, существенного отставания эффективности российских исследовательских организаций со сравнениу со странами-лидерами, слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла, несогласованность приоритетов и инструментов научно-технологического развития Российской Федерации на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях, риск отставания России от стран - мировых технологических лидеров и обесценивания внутренних инвестиций в сферу науки и технологий и целый ряд других угроз для национальной безопасности и благосостояния страны [1].

39-й пункт Стратегии предусматривает создание на первом этапе реализации Стратегии (2017-2019 годы) организационных, финансовых и законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики и готовность Российской Федерации к большим вызовам.

Правительству Российской Федерации в Стратегии поручен, в том числе, мониторинг качества государственного регулирования и сервисного обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности. 5 декабря 2016 года Указом Президента N646 была принята Доктрина информационной безопасности РФ [2].

13 декабря 2016 года на сайте Совета Безопасности был опубликован проект Стратегии развития информационного общества в

Российской Федерации на 2017 – 2030 годы [4].

1 января 2017 года вступил в силу Федеральный закон N 244-ФЗ от 3 июля 2016 года «О внесении изменений в части первую и вторую налогового кодекса Российской Федерации», известный как «налог на Гугл». Он ввел в РФ устоявшуюся в мире практику взимания НДС при оказании электронных услуг иностранными компаниями.

5 марта 2017 года Председатель Правительства РФ поручил Минсвязи и Минэкономразвития рассмотреть вопрос применения технологии блокчейн в условиях российской экономики. По мнению ряда юристов, эта новация неминуемо потребует серьезных изменений в действующем законодательстве, поскольку средства шифрования будут теперь в обязательном порядке использоваться в проектировании, производстве, внешней и внутренней торговле электронными устройствами.

21 марта 2017 года Председатель Правительства РФ провел совещание о государственной инфраструктуре облачных вычислений.

3 апреля 2017 года Президент РФ издал Распоряжение N 96-рп «Об утверждении Положения о рабочей группе Экономического совета при Президенте Российской Федерации по направлению «Цифровая экономика». Рабочую группу возглавили два помощника Президента – Андрей Белоусов и Игорь Щеголев. В состав группы помимо сопредседателей вошли 26 экспертов высокого уровня [3].

Правительство РФ во исполнение указа Президента N 624 разрабатывает программу «Цифровая экономика». Бизнес и экспертное сообщество ждут доклад рабочей группы Правительства РФ «Цифровая экономика», который должен быть сдан 11 мая 2017 года.

Правовой режим информации в РФ в настоящее время также регулируется Федеральным законом от 27 07 2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях, и о защите информации» и Федеральным законом от 27 07 2006 года N 152-ФЗ «О персональных данных».

Важен проект Федерального закона N 47571-7 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

В Государственной Думе весной 2017 года приступил к работе Совет по цифровой экономике.

Минпромторг России завершает работу над «Стратегией развития электронной торговли на 2017-2018 годы и на период до 2015 года».

ФАС РФ заявляет о подготовке изменений в законодательство о защите конкуренции, которые бы отражали реалии цифровой экономики. Принят Базовый документ по сетевой нейтральности, подготовленный членами рабочей группы по сетевой нейтральности ФАС РФ.

Роспотребнадзор ведет работу над законом, устанавливающим наказание товарным агрегаторам за размещение недостоверной информации в сети интернет.

Аналитический центр при Правительстве РФ приводит следующий список государственных программ в области ЦЭ:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года;
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года;
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов;
- Прогноз научно-технологического развития до 2030 года;
- Стратегия научно-технологического развития Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года;
- Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»;
- План мероприятий («дорожная карта») «Развитие отрасли информационных технологий»;
- Концепция региональной информатизации;
- План мероприятий («дорожная карта») в области инжиниринга и промышленного дизайна»;
- План мероприятий («дорожная карта») по созданию единой федеральной межведомственной системы учета обучающихся по основным образовательным программам и

дополнительным образовательным программам»;

- Энергетическая стратегия России на период до 2030 года;

- План мероприятий («дорожная карта») «Повышение доступности энергетической инфраструктуры»;

- «Дорожные карты» Национальной технологической инициативы – «Хелснет», «Нейронет», «Аэронет», «Аэронет» и «Маринет»;

- План мероприятий («дорожная карта») «Развитие лазерных, оптических и оптоэлектронных технологий (фотоники)»;

- План мероприятий («дорожная карта») по развитию электронного взаимодействия на финансовом рынке;

- План мероприятий («дорожная карта») по повышению эффективности расходов на развитие автомобильных дорог общего пользования;

- Стратегия национальной безопасности;

- Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года;

- Концепция общественной безопасности Основы государственной политики в области обеспечения безопасности населения Российской Федерации и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов от угроз природного, техногенного характера и террористических актов на период до 2020 года [12].

Следует отметить, что стране еще предстоит прийти к единым понятиям в ЦЭ и дать каждому из этих понятий правовое определение. В ЦЭ недопустимо отсутствие системности, которое пока, к сожалению, характерно для правоотношений, вытекающих из более чем тысячи подзаконных актов, на основании которых в настоящее время функционируют федеральные и региональные информационные ресурсы.

4. Некоторые стратегические вопросы правового регулирования цифровой экономики.

Изучая путь, пройденный ведущими цифровыми экономиками мира за последние 30 лет, важно овладеть их понятийным инструментарием и стандартами, понять объявляемые акценты, познакомиться с архитекту-

рой и правовым регулированием в ЦЭ. Но не менее важно для России сегодня *глубоко разобраться с теми фундаментальными темами, которые в большинстве анализов, докладов, указов и законов мировых лидеров цифровой экономики затрагиваются лишь по касательной либо блещут своим отсутствием*. Обозначим некоторые из них.

Правоотношения «машина с машиной».

Время заключения контрактов на современных биржах между роботами сократилось до одной десятой секунды. Однако четкое правовое описание юридически значимых действий в отношениях между роботами есть далеко не всегда. Нет однозначного правового определения самих роботов. Обсуждаются варианты, что робот – это имущество, юридическое лицо, электронное лицо и другие. Признание роботов юридическими лицами может подогреть тему уголовной ответственности для юридических лиц.

В мире есть компании, продающие тысячи продуктов, предлагающие каждый из этих продуктов по десяткам и сотням вариантов стандартных контрактов, и при этом работающих с сотнями тысяч партнеров. Вариантность правоотношений в таких отраслях измеряется десятками и сотнями миллионов. Если не разработать и ввести понятные и лаконичные правовые нормы цифровой экономики, судьям можно будет только посочувствовать.

Угроза объектам критической инфраструктуры

В мировой ЦЭ существует понятие Критическая национальная инфраструктура. Электросети являются ее частью. Предлагаю каждому примерить конкретно на свой бизнес успешную атаку киберпреступников на украинские электросети 23 декабря 2015 года. Преступники за 6 месяцев до этой атаки разослали в офисы коммунальных электрических сетей Украины вредоносные электронные письма. Им удалось собрать такие данные, которые позволили им получить прямое дистанционное управление электрическими сетями и на несколько часов отключить 50 подстанций распределительных сетей.

Мы хорошо помним блэкаут в Москве 25 мая 2005 года. Десятки тысяч людей вы-

ходили из вагонов метро и по рельсам в темноте шли к станциям и далее поднимались на поверхность. Тогда только решительные действия Министерства обороны РФ предотвратили попадание канализационных вод в водопроводную систему Москвы, что могло привести к санитарной катастрофе с непредсказуемыми последствиями. Ясно, что преступники и террористы рвутся к организации подобных техногенных катастроф. Рвутся они и к оружию. Министр обороны Германии Урсула фон дер Ляйен, например, сообщила газете «Ди Вельт», что ее ведомство отражает 4500 кибератак ежедневно[7].

России жизненно необходима национальная кибергигиена. Уровень технических навыков и *электронной правовой грамотности* населения должен стремиться к 100%. Все сотрудники каждой компаний, в первую очередь из состава критической национальной инфраструктуры, должны проходить подготовку по кибербезопасности. Ошибка одного сотрудника может стоить любой компании полной потери бизнеса, а ее акционерам потери своих капиталовложений. Но следует помнить, что инсайдерское предательство представляет собой наибольшую угрозу и может по своим последствиям быть страшнее любой хакерской атаки. На первом месте по темпу прироста числа правонарушений в США сейчас находится «кража идентичности человека». Этот вид преступлений предельно опасен, пересекается со сферами терроризма и коррупции, и заслуживает специального обсуждения. Нужны меры уголовного преследования за новые виды правонарушений.

Сегодня взаимодействие правовых, налоговых и антимонопольных органов России в регулировании ими экономики осложнено постоянными новациями уголовного и другого законодательства и нестыковкой между программными продуктами, применяемыми различными ведомствами. По мере перехода экономики в цифру и резкого роста числа транзакций эти проблемы могут нарастать в геометрической прогрессии. При ухудшении делового климата гиперкомпьютеры позволят бизнесу уходить из-под контроля государственных органов в облачные юрисдикции.

Угроза всем видам частной собственности

На тему киберугроз в мире издано много книг, принято немало нормативных документов правительств, безусловно, лидируют США и Великобритания. Хакерство из протестного движения и вида интеллектуального спорта становится глобальной проблемой. Но дело не только в хакерах. *Всей цифровой экономике необходим нравственный юридический стиль мышления и правовое регулирование.* На программные угрозы необходимы системные программные ответы.

Опасность состоит прежде всего в том, что сегодня буквально каждый гражданин и буквально каждая компания в цифровой экономике каждой страны могут быть, сами того не ведая, неожиданно для себя разорены. Сегодня можно в одно мгновение потерять все, что имеешь, и нет той силы, которая могла бы найти преступника, наказать его и вернуть украденное. Государство сегодня имеет ресурсы помочь лишь единицам из многих тысяч обворованных электронными жуликами. Что будет, если задачу воровства злоумышленники поставят гиперкомпьютерам с искусственным интеллектом?

Для иллюстрации приведу самый банальный вариант из нашей действительности далеко не уровня цифровой экономики. Это когда, например, *в недвижимости вдруг официальные документы становятся недействительными, а ложные и подставные становятся действительными и законными, и затем подтверждаются судами. Такой уровень опасности сегодня в цифровой экономике существует практически повсеместно. Отсюда необходима фундаментальная юридическая защита российского бизнеса, как в России, так и за рубежом не ниже уровня новых угроз.*

Ровно год тому назад на Ялтинском экономическом форуме мы выдвинули концепцию принятия в России *конституционного закона «О правовой защите бизнеса в Российской Федерации»*. Эта инициатива вызвала интерес в деловых кругах страны. В данной теме сегодня с нами сотрудничает целый ряд уважаемых объединений предпринимателей и корпораций. Мы по крупицам составляем типологию случаев нарушения прав предпринимателей, благодарны за

материалы, которые нам присылают из различных отраслей и регионов.

Угроза потери государством контроля над экономикой.

В целом в цифровой экономике пока наблюдается полное отсутствие ответственности. Преступления есть, а наказать их очень трудно. Отсутствие правового регулирования провоцирует положение, когда преступления становятся нормой, практикой, и даже образом жизни. *Сегодня в России и во всем мире целые большие коллективы талантливых и честных людей трудятся в пока еще преступной системе, не понимая, что эта система преступна.* Это предельно опасно не только для России, но для всего вступившего в эру «четвертой промышленной революции» человечества. За несколько лет вся наша экономика станет цифровой. Государство должно решительно не допустить правовой беспредел в цифровой экономике именно сейчас, пока наша страна находится в самом начале пути. Иначе государство может потерять контроль над экономикой как своим важнейшим инструментом.

Кому выгодна потеря нашим государством контроля над экономикой России? Есть два варианта ответа на этот вопрос. В области экономики – тем, кто стремится к экономической колонизации России. В области политики – тем, кто стремится к смене политического строя в России.

Ураганный рост в цифровой экономике есть недвусмысленное штормовое предупреждение государству. Опасность представляет собой «синдром Понтия Пилата», когда чиновник хоть и понимает масштаб чрезвычайной ситуации, подвергающей опасности всех и вся, но действует по служебной инструкции иногда и «ледникового периода», строго в своем узком секторе ответственности. Сегодня в ЦЭ вызовы таковы, что остро востребованы стратегические аналитики и наделенные властью высококомпетентные интеграторы исполнительных решений. Нужна ответственность и сосредоточение на решении проблем. Предпочтительно проектное управление темами ЦЭ.

5. Выводы

Отставание в России в цифровой экономике, а известное исследование Бостон

Консалтинг Групп 2016 года разместило Россию на 39-ом месте среди цифровых экономик мира, для юристов – это не в последнюю очередь шанс избежать чужих ошибок.

По моему убеждению, заполнить существующий сегодня в цифровой экономике правовой вакуум и устранить опасность возникновения беспредела может административно-правовая дорожная карта, которая на первом этапе реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в 2017 – 2019 годах заложит в государственной политике России *такие системные и правовые подходы, которые в теории и на практике сделают обман в цифровой экономике нашей страны бессмысленным.*

Существует опасность того, что, если этого не сделать незамедлительно, то уже в ближайшие 5-7 лет существенная *часть бизнеса вынужденно уйдет в облачные юрисдикции и по парадигме «облако с облаком» станет недоступной для регуляторов, налоговой службы и силовых структур страны.* И наоборот, именно решительное установление государством твердого порядка в цифровой экономике может стать тем долгожданным среди предпринимателей рычагом, который зачистит порочную практику заказных дел, оздоровит в стране деловой климат, вернет ушедшие капиталы и привлечет новые.

В России необходимо создать цифровое министерство обороны, цифровое министерство промышленности, цифровое министерство экономики, цифровое министерство науки и образования, цифровую полицию, цифровую налоговую службу и цифровую антимонопольную службу. Эти и другие цифровые структуры правительства должны *а) аппаратно и б) программно надежно обеспечить кибербезопасность всей страны, в) право должно стать третьей несущей опорой кибербезопасности и цифровой экономики России.*

Сегодня достаточно посмотреть на число изменений в действующее законодательство, принимаемых каждый год, и судебных решений и комментариев по ним, чтобы увидеть право в роли служанки потребностей текущего дня. Это порождает недоверие к праву и государству. Даже профессора юридических ВУЗов не успевают за нововведе-

ниями. В Российской Империи на разработку новых законов нередко уходило не менее 20 лет. Такого срока у нас в эпоху цифровой экономики нет. Но вернуть уважение и доверие к праву необходимо.

Вопрос господствующего в стране менталитета не менее важен, чем дух и буква законов и практики судов, ибо все мы - люди. Менталитет хозяина должен вернуться в Россию, указав на дверь менталитету временщика. Только тогда мы сможем говорить о системе правовой безопасности Российской Федерации как якорю стабильности, фундаменте инноваций и экономического роста в стране. Цифровая экономика может быть плодотворной только на почве триединой платформы, в которой сольются лаконичное бизнес ориентированное правовое регулирование, грамотные аппаратные решения и пиковые достижения российских программистов.

Библиографический список:

Документы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения 15.01.2017 года).
2. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 15.01.2017 года).
3. Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.04.2017 г. № 96-рп «Об утверждении Положения о рабочей группе Экономического совета при Президенте Российской Федерации по направлению «Цифровая экономика» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41826> (дата обращения 10.04.2017 года).
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/136.html> (дата обращения 15.12.2016 года).

Электронные библиотеки:

5. Глобальная библиотека права цифровой экономики АНО Форт.

Исследования и публикации:

6. KEY ISSUES FOR DIGITAL TRANSFORMATION IN THE G20. Report prepared for a joint G20 German Presidency/ OECD conference BERLIN, GERMANY. 12 JANUARY 2017. <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/keyissues.pdf> (дата обращения 10 апреля 2017 года).
7. „Wir wehren 4500 Cyberangriffe am Tag ab“ <https://www.welt.de/politik/deutschland/article163733870/Wir-wehren-4500-Cyberangriffe-am-Tag-ab.html> (дата обращения 15.04.2017 года).
8. Елизавета II открыла центр кибербезопасности в Лондоне <http://www.kommersant.ru/doc/3219821> (дата обращения 16.02.2017 года).
9. Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики <http://kremlin.ru/supplement/5111> (дата обращения 18.04.2017 года).
10. Россия онлайн? ДОГНАТЬ НЕЛЬЗЯ ОТСТАТЬ <http://www.bcg.ru/documents/file210280.pdf> (дата обращения 10.01.2017 года).
11. Платформа отраслевых экосистем цифровой экономики http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/3.%20%D0%91%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%8F%D0%BD%20%D0%95.%D0%91._%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%20%D0%D0%B5%D0%BC.pdf (дата обращения 10.02.2017 года).
12. Цифровая экономика <http://ac.gov.ru/files/content/11704/cifrovaya-ekonomika-pushkin-v-1-6-dlya-mozgovogo-shturma-pdf.pdf> (дата обращения 10.04.2017 года).
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.
14. Шульцева В.К. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: "АССИМИЛЯЦИЯ! СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО!" Часть 1. ИМЭМО РАН, <http://www.lastmile.ru/journal/article/4702> (дата обращения 10.04.2017 года).

©Быков А.Ю., 2017

Е.В. Ширяева

**Кандидат философских наук, руководитель Ивановской
региональной общественной приемной
Председателя Партии «Единая Россия»
Д.А. Медведева в Ивановской области**

Идеи биологического бессмертия в контексте современной культуры

Рубеж XX–XXI веков можно рассматривать как новый этап поиска решения проблемы биологического бессмертия. Современное состояние развития научного знания создает дополнительные основания для существования, воспроизводства и развития этой идеи. Показывается, что основания идеи биологического бессмертия можно видеть и в бытии самой науки как особой области исторического существования человечества постиндустриальной эпохи. Данный феномен требует своего культурологического и философского осмысления.

Ключевые слова: бессмертие, культура, XX век, XXI век, крионика, нанотехнологии.

Рубеж XX–XXI веков можно рассматривать как новый этап поиска решения проблемы биологического бессмертия. На этом этапе происходит переход от предварительных догадок и гипотез к экспериментальному уровню. Сейчас, в начале XXI века, проблемой продления жизни и уяснения сущности и механизмов биологической смерти занимаются представители самых разных областей научного знания. В настоящее время предложены и экспериментально подтверждены на животных разнообразные методы продления жизни. Так американка К. Корнфельд из Вашингтонского университета предложила и успешно опробовала для решения этой задачи медикаментозный метод воздействия на нервную систему. Т. Рандо из Стэнфордского университета в Калифорнии обнаружил эффект омоложения в результате переливания крови мышца от более молодой особи. В 2000 году ученые из Медицинской школы Университета Мичиган в США за счет генетических модификаций создали мышца, прожившую более 4-х лет, тогда как обычные мышца этой разновидности живут 2 года. Исследователи изменили гипофиз, щитовидную и поджелудочную железы животного. В ре-

зультате мышца обладала высокой разносторонней активностью, хотя и была в три раза меньше обычных животных своей разновидностью и проявляла повышенную чувствительность к холоду.

Еще более впечатляющий результат (мышца прожила 1819 дней – почти 5 лет) был достигнут «отключением» гена-рецептора гормона роста биологом Э. Бартке из Медицинской школы Университета Южного Иллинойса (США).

Некоторые открытия в этой области были сделаны «попутно», в процессе решения других практических задач. Так в начале XXI века в процессе борьбы с актуальной для наших дней проблемой избыточного веса неожиданно был найден еще один метод продления жизни. Профессор Л. Гуаранте из Массачусетского технологического института (США) открыл ген, который через кодирование определенного белка регулирует обмен жиров в организме. Регулируя выработку этого белка, оказалось возможным не только повысить активность подопытных мышца и снизить их вес без каких-либо диет, но и продлить им жизнь в 1,5 раза. Еще один метод продления биологической активности орга-

низма – метод его стимуляции на основе открытия «белка молодости». В 2005 году японские ученые из института Рикэн и Агентства по стимулированию науки и техники нашли в клетках человеческого мозга белок, который защищает эти клетки от разрушения и продлевает их жизнь. На основе этого открытия в настоящее время ими исследуются методы борьбы с болезнями позднего возраста – такими, как атеросклероз, рак, болезнь Альцгеймера[1; с.29-32].

Специфический метод борьбы со старением открыли российские ученые из Санкт-Петербургского института биорегуляции и геронтологии СЗО Российской академии медицинских наук. В 2001 году они обнаружили белок, способный вступать в связи с теломерами и закрывать концы хромосом, не позволяя им сокращаться. Ученые создали синтетический белок эпиталон, который обеспечивает дополнительное деление клеток. Если контрольная группа клеток переставала делиться в 34-м поколении, то клетки, получающие эпиталон, сохраняли способность к делению даже в 44-м поколении[6, с. 127].

Известный советский и российский биохимик В. П. Скулачев, директор НИИ физико-химической биологии им. А. Н. Белозерского МГУ, в течение ряда лет разрабатывал теорию апоптоза – своеобразного «самоубийства клетки», совершаемого под воздействием повреждений, нанесенных свободными радикалами. Эту теорию он перенес с отдельной клетки на организм в целом. Он рассматривает закономерность умирания живого организма как выработанную эволюцией программу защиты генома от повреждений. По его мнению, программа самоуничтожения закономерна, так как генетически заложена в нас. Но познав эту закономерность и механизмы ее проявления, можно нивелировать, «отключить» действие данной программы. Как видим, эту теорию можно рассматривать как развитие и продолжение идей В. Ф. Купревича, которые теперь получили экспериментальное подтверждение и практическое применение. В лаборатории В. П. Скулачева удалось получить эффективный антиоксидант, действующий на уровне митохондрий. По предварительным результатам оказывается, что это вещество продлевает жизнь подопытных мышей, а также – предотвращает и лечит 12 старческих болезней у животных.

Особых успехов исследователи этого научного коллектива добились в лечении глазных заболеваний – катаракты и глаукомы. В настоящее время разработки коллектива, возглавляемого В. П. Скулачевым, используются при лечении не только животных, но и людей[5].

Помимо успехов медицины и геронтологии, на проблему бессмертия проливают новый свет и достижения биологической науки, расширение наших знаний о живых организмах – как растениях, так и животных. В конце XX – начале XXI века были обнаружены организмы, процессы старения в которых протекают чрезвычайно медленно. Это также вселяет оптимизм в энтузиастов идеи бессмертия и вечной молодости. Сегодня известно уже несколько десятков таких «пренебрежимо стареющих» организмов. Морские ежи считаются в науке максимальными долгожителями. Они живут по 200-300 лет, не обнаруживая признаков увядания организма. В позднем возрасте они сохраняют все основные функции, включая размножение. Другой представитель морской фауны, моллюск Маргаритифера умирает не от старческих изменений, а лишь от того, что продолжая расти, теряет способность передвигаться, а следовательно – и питаться. При этом Маргаритифера может передавать эту способность не стареть другим живым существам. Особи лососей, зараженные личинками этого моллюска, не погибают после нереста, как это обычно происходит с ними, а переживают до 5-6 жизненных циклов. Маргаритифера находится с лососем в состоянии симбиотической зависимости. Поэтому, закрепившись на жабрах лосося, она впрыскивает в него вещества, стабилизирующие гормональные и иммунные статусы, и не дает умереть в отведенный природой срок. Между тем еще в 80-е годы XX века ленинградский врач В. Дильман обратил внимание на то, что гормональные сдвиги при старении лососей и человека совпадают до деталей[1, с. 33]. Поэтому выводы о возможности аналогичным образом замедлить старение у людей вполне оправданны.

Отдельное крупное направление в поиске вечной жизни и путей воскрешения умерших представляет собой крионика[3]. Мысль о том, что человеческое тело можно замораживать для его сохранения и последу-

ющего возвращения к жизни была высказана еще в XVIII веке. Английский анатом Д. Хантер пытался обосновать ее доводами, имевшимися на тот момент в распоряжении науки. Однако своей кульминации эта идея достигла в 60-е годы XX века. Независимо друг от друга два американских энтузиаста идеи замораживания тел для воскрешения выпустили в свет свои книги со сходной тематикой и названиями. Возникновение крионики по преимуществу связано с исследовательской и общественной деятельностью Р. Эттинджера, профессора физики колледжа Хайленд Парк (штат Мичиган, США). Его книга «Перспективы бессмертия» вышла в 1964 году и до настоящего времени пользуется большой популярностью. Но еще в 1962 году другой американец, Э. Купер, частным образом опубликовал книгу весьма близкого содержания. Она называлась «Бессмертие: физическое, научное, сейчас». Эттинджер и Купер впоследствии познакомились и вместе с другими энтузиастами идеи стали активно пропагандировать ее среди самых широких масс. Вскоре они основали в Вашингтоне Общество продления жизни[1; с.49]. Уже в 1967 году Калифорнийское крионическое общество провело первое замораживание.

В настоящее время разнообразные научные изыскания по продлению жизни и молодости, по сохранению тела умершего для последующего его возвращения к жизни и т.п. проводятся в рамках трансгуманизма. Данное течение встречает противоречивые оценки и реакции в обществе. Его адепты в России, в большинстве своем, считают себя наследниками русских космистов, подчеркивают, что их цели и задачи несут в себе гуманистический, нравственный смысл. В то же время, их теория и практика подвергается сомнению и даже резкой критике, как со стороны ряда ученых, так и со стороны религиозных деятелей, простых верующих, граждан. Тем не менее, общества трансгуманизма существуют в большинстве стран. Свою практику замораживания тел для последующего воскрешения они осуществляют достаточно активно. Так в нашей стране крионической процедуре подверглись уже около двух десятков добровольцев.

Всплеск интереса к теме физического бессмертия вызвал случай из религиозной практики буддизма, наблюдавшийся в нашей

стране. В 2002 году было эксгумировано тело известного деятеля буддизма на территории Бурятии Даши-Доржо Итигэлова. В 1927 году он прекратил свою жизнедеятельность с выполнением всех правил, предписанных буддийским ритуалом, для перехода в нирвану. По утверждениям активистов буддистской общины, Итигэлов приказал извлечь себя из саркофага по прошествии 75 лет. В конце 2002 года восьмидесятилетний Амгалан Дабаевич Дабаев, житель села Гильбира, указал Хамбо-ламе Д. Аюшееву местонахождение Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэлова в местности Хухэ-Зурхэн. Виктор Звягин, заведующий отделением идентификации личности Российского центра судмедэкспертизы в своем отчете об этом событии написал следующее: «По разрешению высших буддистских властей Бурятии нам предоставили примерно 2 мг образцов – это волосы, частицы кожи, срезы двух ногтей. Инфракрасная спектрофотометрия показала, что белковые фракции имеют прижизненные характеристики – для сравнения мы брали аналогичные образцы у наших сотрудников. Трупного запаха ни при вскрытии саркофага, ни сейчас нет». Впоследствии и другие ученые и медики исследовали тело Итигэлова. Все они пришли к выводу, что многие физиологические параметры этого тела соответствуют характеристикам живого организма, а не трупа[2]. Этот случай еще раз напомнил, что современные знания о смерти, процессе умирания, физических и психических границах между состояниями жизни и смерти относительны, приближительны, неточны.

Косвенное отношение к теме бессмертия имеют и некоторые достижения медицины. Уже в последние десятилетия XX века медицина демонстрировала принципиально новые возможности, заставляющие пересмотреть понятия жизнь и смерть в их биологическом значении. Так в 1993 году в США был зафиксирован случай выживания 17-недельного плода в теле убитой выстрелом в голову матери. Выстрел прозвучал 19 апреля. Усилиями врачей этот ребенок прошел все положенные природой стадии своего развития и посредством кесарева сечения появился на свет в положенный срок, через три с половиной месяца, 3 августа. В этот же день от тела матери были отключены аппараты жизнеобеспечения[4; с.110].

По мнению В. А. Игнатьева, успехи современной науки делают практически «разрешимыми задачи неограниченного воспроизведения телесного, соматического облика людей после их кончины». Среди таких успехов исследователь особо выделяет достижения в области протеоники, работы по клонированию, работы по расшифровке генома человека, использование в данной области нанотехнологий, обнаружение «гена смерти» и «фермента бессмертия», открытие регенерирующей роли стволовых клеток.

Некоторые современные ученые преисполнены уверенности в скором достижении практического бессмертия как конкретной научной задачи. Так сотрудник Кембриджского университета, генетик и геронтолог Обри ди Грей выражает уверенность, что через 20 лет, благодаря достижениям его исследовательского коллектива люди перестанут умирать естественной смертью. Ди Грей является также основателем фонда Мафусаила – общественной организации, поддерживающей научные поиски методик продления жизни и молодости. Он также утверждает, что средняя продолжительность жизни в наиболее богатых и развитых странах вскоре достигнет тысячи лет и более. Ученый не предполагает буквального бессмертия, но считает, что умирать люди будут только в результате катастроф, несчастных случаев и т.п.: Он говорит: «Тогда мы все еще будем умирать, конечно – от невнимательного пересечения дороги, от укусов змей или нового типа гриппа, но не тем затянутым способом, которым большинство из нас умирает в настоящее время»[1; с.23].

Таким образом, основания идеи биологического бессмертия можно видеть и в бытии самой науки как особой области исторического существования человечества постин-

дустриальной эпохи; в ценностной системе человека начала третьего тысячелетия. Перечисленные научные достижения последних десятилетий XX века и начала XXI века позволяют утверждать, что идея человеческого бессмертия приобретает качественно новое значение в культуре. Современный этап развития научного знания создает дополнительные основания для существования, воспроизводства и развития этой идеи. Нельзя утверждать, что она из философской плоскости полностью перешла в разряд конкретных научных задач. Однако подобный аспект проблемы уже неустранимо существует и требует своего культурологического и философского осмысления.

Библиографический список:

1. Батин М. Лекарства от старости. Аргументы научного иммортализма.-2-е изд., доп. М. Издательство И.В. Балабанова. 2007. 64 с.
2. Виктор Зягин: "Изучение тела ламы - захватывающая научная задача" <http://izvestia.ru/news/297510> (дата обращения 14.08.2012 года)
3. Луи Рэ. Консервация жизни холодом. М.: Медгиз, 1962. 176 с.
4. Роганов С.В. Рецепции смерти в современной культуре.// Человек. 2007. №3. С.107 -116.
5. Скулачев В.П., Скулачев М.В., Фенюк Б. Жизнь без старости. М.: ЭКСМО, 2013 г. 256 с.
6. Anisimov V., Khavinson V. Pineal Peptides as Modulators of Aging. Aging Interventions and Therapies.

©Ширяева Е.В., 2017

В. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедр: иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России; истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета

Самобытность и идентичность: опасности технизации патриотического сознания

В статье противопоставлены самость и соответствие на предмет угрожающего цивилизационного уплощения патриотизма, связанного с пародийным нивелированием его высокой идеи через перекодирование в дежурный тренд.

Ключевые слова: самобытность, идентичность, самость, соответствие, культура, цивилизация, технократия, родина, человечность, образование, смысл.

«Лучшее в нас, - отмечал Ницше, - быть может, унаследовано от чувств прежних эпох, которые теперь уже вряд ли доступны нам непосредственно; солнце уже закатилось, но небо нашей жизни ещё пламенеет и сияет его лучами, хотя мы уже не видим его» [1, с. 357]. Нынешнее положение дел ещё более углубляет эту неодолимую пропасть: самые заманчивые признаки могут работать на понижение означиваемых ими качеств, превращая жизнь в смерть, а цветы – в винтики... Тому есть множество феноменальных примеров: косметичность – без космичности, даосизм – без Дао, христианство – без Христа; где-то в этом ряду залегает и патриотизм – без родины.

Если исходно самобытность включает в себя сияющую космичность самости, то на определённом этапе деградации её первобытной целостности возникает патологическая претензия на обособление с последующим противопоставлением локальности и тоталитета. Идентичность ещё хуже, ибо жёстко фиксирует некое протокольное соответствие, становится подрастётным признаком, способствует организации тотального управления, разумеется, всегда мнимого и, вопреки его замыслу, чреватого нарастающей неподконтрольностью и катастрофизмом.

«Рассматривать мир не с высоты, - отмечал О. Шпенглер, - как Эсхил, Платон, Данте, Гёте, а с точки зрения житейских

нужд и припирающей действительности — это я называю *заменой перспективы с птичьего полёта лягушачьей перспективой*. И именно таково нисхождение от культуры к цивилизации» [2, с. 541].

Сегодня может сложиться впечатление, что русская культура после своей «цветущей сложности» романтического XIX столетия проходит на вековом исходе второго тысячелетия от Рождества Христова критический надлом и вступает на путь цивилизации: здесь совпали бы К. Н. Леонтьев и Л. Н. Гумилёв — и даже Н. Я. Данилевский, писавший об относительной «молодости» России, полтора века спустя, пожалуй, пополнил бы именно этот ряд.

Однако именно шпенглеровское наследие как бы включает нам дополнительное освещение со своего угла, открывающее, с одной стороны, западное происхождение «российской» цивилизации, а с другой — восхитительное протокультурное младенчество самого русско-сибирского мистериального мира, которому суждено расцвести лишь «в мгlistой глубине третьего тысячелетия», а потому плодами его интегрально-евразийской цивилизации, вероятно, будут питаться тысячелетия последующие, если им вообще будет суждено пополнить сюжетную канву христианского календаря, что никак не исключал А. Дж. Тойнби [3].

Не подрывая статус российского автопрома, можно сказать, что патристическое сознание по природе своей должно быть гуманитарным, поскольку машина, конечно же, не может быть патриотом. А человеческое вдохновение, запечатленное в названии известного УАЗа, лучше всё-таки было бы передать кириллицей, а не латиницей, подобно тому, как и ЛАДА более сердечно передаётся, вопреки итальянской родословной автомобиля, всё-таки русскими, а не западноевропейскими буквами. Ещё в середине XIX века Илья Муромец славянофильства и русский Гераклит А. С. Хомяков однажды с горькой иронией отметил, что мы даже мышеловки своей не выдумали — нам только пошлости не занимать... И, кстати, именно Хомяков хорошо осознавал ту грустную очевидность, что наши вёсны будут уже без нас: «Невольно забываете вы, — писал он своему младшему другу и ученику Ю. Ф. Самарину, — что та борьба, в которую мы вступили, есть

только отрывок не только вековой, но и вечной борьбы, на которую осуждено человечество, и что в каждую эпоху победа правды отхватывает от лжи такие маленькие лехи, что современники их почти не замечают: только, нарастанием составляют они что-нибудь важное. Я скажу более: плохо дело, когда эпоха радуется какому-нибудь великому приобретению: того и смотри, следующим придётся дорого за него поплатиться. Только медленно и едва заметно творящееся полезно и жизненно; всё быстрое идёт к болезням...» [4, с. 91]. «Мы видим пахарей и сеятелей, а жатву трудно даже и представить себе. Всего вероятнее, что труд наш, а жатва будет всемирная» [4, с. 119]. «Мы не должны знать, — пишет Хомяков Самарину, — что никто из нас не доживёт до жатвы и что наш духовный и монашеский труд пашни, посева и полотья есть дело не только русское, но и всемирное. Эта мысль одна только может дать силу и постоянство» [5, с. 64].

Презентовавший хомяковскую историософию советскому читателю в четвёртом томе академической пятитомной «Истории эстетики» (1969 г.), крупнейший отечественный учёный-гуманитарий конца XX столетия А. В. Михайлов, будучи автором посмертно изданной девятисотстраничной книги «Языки культуры: Учебное пособие по культурологии» [6], в другом своём труде, однако, писал о невежественных культурологах и нечеловеческом устройстве, предпочтительнее которого на деле оказывается человеческое неустройство: «Новую систему быстро не построишь, и мы пожинаем и всегда будем пожинать всё новые плоды разрушения старой образовательной системы. А стремительное перекрашивание невежественных преподавателей атеизма в "культурологов" приведёт лишь к тем же результатам, что и всякий великий перелом, — в России ли, в Китае ли. Страшно подумать о том, что нам так никогда и не отвязаться от нечеловеческой системы жизнеустройства, которая так и будет продолжать побивать нас своими последствиями. Это и есть самоблокировка, когда общество, в какой-то своей части убедившись в необходимости знаний и культуры, видит, что, в сущности, некому учить, — слишком мало людей со знаниями, о чём бы ни шла речь» [7, с. 474 – 475].

Р. Генон, указывая на гибельность триумфального «царства количества», вспоминает арабскую пословицу, согласно которой существует много учений, но мало учёных; он великолепно показывает, что постоянные учёты и отчёты убивают любое маломальски значимое и качественное дело, подобно переписи живого населения или подсчёту птиц в курятнике [8, с. 148]. Возвращение образованию качественного «измерения» не может обойтись без глубокого осмысления метафизики этих, казалось бы, «народных предрассудков»...

Любовь к родине – сельская и природная по своему происхождению, космополитизм же – порождение разрастающихся городов и мировых столиц. Об этом написано много яркими авторами. Но важно понять, что в области формирования «патриотического сознания» и развития «гражданского общества» необходимо основываться и обосновываться всё-таки на *странностях живой жизни* – отнюдь не на голой рассудочности и её мёртвых моделях. Об этом свидетельствует и классика русской литературы:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

*Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...* [9, с. 207 – 208]

Этой теме посвящены наши прежние и новые исследовательские и методические разработки [10; 11; 12].

Библиографический список:

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990.
2. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
4. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков / Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях // Север. 1994. № 4.
5. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков / Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях // Север. 1994. № 3.
6. Михайлов А. В. Языки культуры: Учебное пособие по культурологии. М., 1997.
7. Михайлов А. В. Эстетика и оживление человека // Михайлов А. В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006.
8. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994.
9. Лермонтов М. Ю. Родина // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988.
10. Океанский В. П. Этика Закона и Благодарности в миропонимании А. С. Хомякова и в контексте нашего времени // На пути к гражданскому обществу: Научный журнал. 2011. № 3 – 4.
11. Океанский В. П. Сакральный космос россиеведения: Учебное пособие спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2016.
12. Океанский В. П. Русская словесная культура в контексте цивилизационной макроистории: Учебное пособие россиеведческого спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2017.

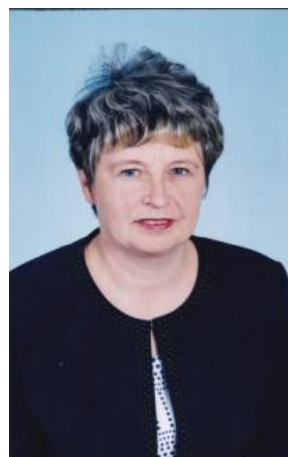
©Океанский В.П., Океанская Ж.Л., 2017

ИСТОРИЯ

С.К. Редков

Кандидат педагогических наук, доцент (ВАК), доцент кафедры истории и права Шуйского филиала Ивановского государственного университета

Т.В. Нистратова

Учитель истории Мурманской средней школы Рязанской области

Государственно-правовые реформы княгини Ольги

Статья посвящена историко-правовому осмыслению государственного устройства и создания правового поля в период правления княгини Ольги. Так же приводится оценка состояния государства и права в предшествующий период.

Анализ проведен на основании летописей, древних памятников русского права и исследований известных отечественных исследователей истории.

Ключевые слова: дохристианский период, правовая политика, полюдье, повоз, уроки, погосты, славяно-варяжские дружины, правовой обычай.

В дохристианский период стремление русских князей к правовой политике цивилизованного мира отразилось в характере правления княгини Ольги.

До правления княгини Ольги Русь представляла собой союз племен с формальным подчинением Великому князю. Русская государственность зарождалась в IX веке в землях Новгородских.

Согласно несторовой летописи новгородские старейшины во главе с Гостомыслом попросили властителя от варягов [2, с.40]. С этого момента начинается строительство государства и права по военно-племенному варяжскому образцу в северо-западных русских землях. Собственно, Русь и начинается в районе трех озер: Ильмень-озера, Ладоги и Белоозера. Русь Рюрика представляет собой

военный союз трех городов: Новгорода, Белозерска и Изборска.

Затем следует экспансия к южным берегам, через земли мери, веси, чуди, черемисов, косога к Черному морю. Славяне охотно подчинялись предводителям северных славяно-варяжских дружин, так как нуждались в защите от многочисленных врагов. Им легче было заплатить дань, чтобы обеспечить себе спокойное существование.

Киев же становится центром случайно, по пути следования варяжских дружин из Новгорода в Константинополь их предводителям понравилась небольшая крепость, удачно расположенная на берегу Днепра [2, с.43]. Сделав Киев престольным городом, варяжские дружинники, таким образом, в земле полян образовали вторую Русь.

Однако, Олег, родственник Рюрика и военначальник, в 882 году воссоединил северные и южные земли, покорив Киев, то есть, через двадцать лет после вокняжения Рюрика в Новгороде. Российская государственность развивалась стремительно.

Киев был удобным форпостом для походов в Болгарию и Византию.

Киев становится центром княжеской власти. Но северорусские и южнорусские земли соединялись землями покоренных народов, порой враждебных. Таковыми, например, являлись рязанские и муромские земли, заселенные в то время финскими племенами.

Поэтому, для того чтобы, поддерживать княжескую власть, князю приходилось самому участвовать в сборе дани. «Хождение в дань» представлял собой объезд князем с дружиной своих земель с целью собирания налогов [2, с.57].

Были распространены два способа получения дани: повоз и полюдье. Повоз представлял собой предоставление дани подвластными племенами на княжеский двор. Полюдье – административно-финансовая поездка князя по подвластным племенам.

Предпочтение отдавалось полюдью. Таким образом, князь не только пополнял свою казну, но и обозначал своим присутствием княжескую власть.

В походе за данью князь проводил всю зиму. Дань собиралась натурой, обычно мехами. В продолжение зимы дружина рубила деревья для строительства лодок, в которые весной грузили дань и сплавляли по рекам и озерам к Киеву [3, с.28].

Однако, сбор дани осуществлялся не по государственному праву, а по праву сильного, установленного варяжско-славянским правовым обычаем. Размер дани устанавливался по усмотрению князя.

««В год 6453. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем князь с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, - поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину

свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства»» [4, с.11].

Как видим из этого отрывка, сбор дани у своих подданных сопровождался насилием, представляя собой военный набег за добычей.

После гибели князя Игоря в 945 году Ольга отдает дань скандинавско-славянскому правовому обычаю – кровной мести.

Обычай кровной мести был нормой как варяжского, так и славянского права.

В.Н. Кандыба так пишет о родовой мести древних руссов: «Когда юноша вырастал, ему сообщали имя убийцы, и молодой воин скрытно и молча уходил на боевое задание, в результате он должен был убить врага или сам погибнуть. Если враг к тому времени умер или погиб, то месть переносилась на ближайших родственников его рода. И так воевали иногда до тех пор, пока в живых не оставалось никого до девятого колена. Древнерусская родовая месть не щадила ни женщин, ни детей» [1, с.9].

Естественно, что обычай кровной мести в обрaмленном виде вошел в первые правовые источники русских князей.

Так, в договоре Руси с Греками 912 года сказано: «О сем, аще кто убьеть или хрестьянина русин, или хрестьянинъ русина, да умрет, иде же аще сотворить убийство. Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сиречь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да иметь толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовит сотворивший убой и убежавъ, да держить ся тяжи, дондеже обрящеться, и да умереть» [5, с.5].

О кровной мести говорится и в договоре Руси с Греками 945 года: «Аще убьеть хрестьянинъ русина, или русинъ хрестьянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и» [5, с. 6].

Первые три мести Ольги представляют собой своеобразную тризну по убиенному мужу. Это погребальная ладья (первая месть), погребальный костер (вторая месть), погребальный курган (третья месть). О мести как о тризне говорится и в летописи: «Сказала же им Ольга, что де уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по муже своем» [5,

с.12]. Четвертая месть – это обычное усмирение взбунтовавшихся подданных с целью усиления дани.

«И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги» [4, с. 14].

Но, понимая пагубность нечеткой правовой политики, в своих княжеских уставах обозначила конкретные правовые нормы.

Вместо полюдья – административно-финансовой поездки князя по подвластным племенам - Ольга установила четкие размеры дани для земель, находившихся под властью Киева. Она установила «уроки» и «погосты». Уроки – установленный размер дани. Погосты – место сбора дани, как бы становились небольшими центрами княжеской власти. Смысл реформ княгини Ольги заключался в нормировании повинностей, централизации власти, ослаблении племенной власти.

«И пошла Ольга с сыном своим и дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов» [4, с. 14].

Собственно, с этого момента можно говорить о Киевской Руси, как о государстве.

В 955 году Ольга принимает христианство в Константинополе и становится крестной дочерью Византийского императора Константина Багрянородного. Это событие не только уравнивает Ольгу с другими европейскими правителями, но и обозначает признание российского государства.

Так, княгиней было отправлено посольство к германскому императору Оттону I.

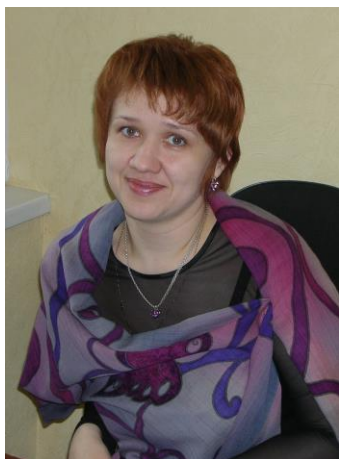
Однако, Ольга не переняла ни правовой культуры Византии, с ее восточной надменностью по отношению к подданным, как к рабам, ни государствоустройства западноевропейских королевств, основанного на вассальном служении сюзерену за земельные наделы.

Иными словами государственно-правовые реформы княгини Ольги явились основой русской государственности, развивающейся по своему особому культурно-историческому пути.

Библиографический список:

- 1.Кандыба В.М. История русского народа. – М.: КСП, 1995.
- 2.Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2005.
- 3.Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. – М.: Рассвет, 1972.
- 4.Хрестоматия по древнерусской литературе. Учебное пособие / Сост. Федорова М.Е., Сумникова Т.А. – М.: Высшая школа, 1974.
5. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2000.

©Редков С.К., Нистратова Т. В., 2017

О.В. Пигорева

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства и права
Курской государственной сельскохозяйственной академии
имени И.И. Иванова

Государственная политика в сфере образования по изучению религии в школе на рубеже XX–XXI веков в современной историографии

Статья представляет собой результаты историографического анализа российских исследований, посвященных истории государственной политики в сфере образования в отношении организации изучения религии в постсоветской школе. Анализируется становление проблемного поля, выделяются наиболее значимые аспекты в историографии проблемы, характеризуются недостаточно изученные направления.

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, изучение религии, школа, отечественная историография.

В условиях глобализации современного мира и разрушения иерархии традиционных ценностей все острее понимается необходимость сохранения целостности России как единого государства и одновременно развития национальной, культурной, религиозной идентичности российских территорий и проживающих на них народов. После многолетних дискуссий в обществе оформилось представление о том, что изучение религии в школах способно помочь формированию духовно-нравственных качеств подрастающего поколения (о чем, в частности, свидетельствует введение с 2012 года во всех российских школах комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»), хотя многие механизмы реализации данного положения продолжают оставаться спорными. На наш взгляд, одним из условий, содействующих решению проблемы, является научная реконструкция исторического опыта государственной политики в сфере образования в отношении изучения религии и практики ее реализации в новом образовательном пространстве. Способствовать реализации данного положения будет осмысление историографии проблемы.

Предпринятый в настоящей публикации историографический анализ выполнен с позиций хронологии (и разделен на советский и постсоветский периоды) и проблематики, что автор реализовал посредством выделения отдельных аспектов проблемы, значительным образом влиявших на становление обозначенного исторического явления: изменение государственно-церковных отношений, ключевые подходы государства к развитию школы, взаимоотношение религиозных организаций с властью и обществом, сотрудничество с образовательными учреждениями и др.

В историографии первого периода (1985–1991) особого внимания заслуживают работы, выполненные в период отказа от господства классовой идеологии с учетом многообразия методологических подходов и раскрывающие выбор новых путей развития общеобразовательной школы, изменение роли учителя [12; 13].

Важным аспектом историографического анализа стали исследования, анализировавшие изменение государственно-церковных отношений и развитие в обществе интереса к религии, обращение к которым позволило оценить влияние происходивших изменений на новое образователь-

ное пространство. Издания первых лет перестройки продолжали советские подходы в историографии, сохраняя направленность на формирование атеистического мировоззрения [3; 10]. На рубеже 1980–1990-х годов публиковались работы, выходявшие за рамки традиционной для советской идеологии оценки религии [1; 5]. На новых теоретических подходах к трактовке фактов из истории Русской православной церкви были основаны работы О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцова [6; 29]. Появились исследования, в которых звучали высказывания о пагубности отсутствия у большинства советских граждан знаний о религии и важности организации подготовки специалистов по истории религий для различных сфер жизни общества, в том числе и школьного образования [44].

На втором этапе (1992–2016) исследования государственной политики в сфере образования отличало разнообразие методологических подходов. В первой половине – середине 1990-х годов работы были немногочисленными, что объясняется удалением системы образования из числа приоритетных для российского правительства отраслей и методологическим кризисом исторической науки. В начале 2000-х годов внимание историков к проблеме значительно возросло, исследования, опиравшиеся на широкую источниковую базу и отражавшие плюрализм методологических подходов, содержали научный анализ исторического опыта разработки и реализации государственной политики в области образования, раскрывали стратегию, основные направления и этапы развития российского образования, причины и последствия кризиса школьного преподавания [18; 21], при этом вопросы использования знаний о религии не являлись предметом специального исторического анализа государственной политики в сфере образования, ученые затрагивали лишь отдельные аспекты. Так, Л.И. Анайкина не отрицала положительного влияния религии в деле возрождения духовности общества, культуры, но высказывала опасения в организации сотрудничества школы и Церкви [2; с. 249]; Г.С. Чернышов положительно оценивал взаимодействие школы с традиционными для России религиями, предлагал разрешить пре-

подавание в школах религиозных предметов с целью нравственного возрождения [43; с. 311–312].

Работы О.Н. Смолина раскрывают историю постсоветской государственной образовательной политики, их анализ позволяет оценить перспективы развития российского образования [38]; в историографии проблемы существенное место занимает разработанная ученым периодизация государственной образовательной политики конца советской и первых десятилетий постсоветской эпохи и вывод о том, что образовательная политика и ее этапы не могут не быть производными от основных событий отечественного социально-политического процесса [37; с. 24].

Историографию проблемы дополнило обращение к выполненным в рамках философских и педагогических научных подходов исследованиям, которые анализировали вопросы организации изучения религии в системе российского образования. Историографический анализ свидетельствует, что существовавшие различия в постановке проблемы в первую очередь были вызваны разнообразием мировоззренческих подходов к изучению религии, что сформировало различную терминологию, характеризующую использование знаний о религии в системе общего образования (религиозное, религиоведческое, культурологическое, религиозно-культурологическое, историко-культурологическое, религиозно-познавательное образование, обучение религии, преподавание сведений о религиозных культурах) [8; 19; 22; 24; 28].

Заметное место в историографии проблемы занимают работы И.В. Метлика, разработавшего принципы содержания и организации изучения религии в светской школе, обосновавшего необходимость взаимодействия семьи, школы и государства как основных социальных институтов в деле духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения и др. [26; 27].

В историографии проблемы особый интерес представляет теоретическое осмысление роли традиционных духовных ценностей в воспитании подрастающего поколения, что отражено в работах Е.П. Белозер-

цева [4], Т.Н. Костюковой [20], С.В. Перевенцева [30], Т.И. Петраковой [31].

Вопросы реализации государственной политики в отношении использования знаний о религии в различных российских субъектах раскрыты в работах Т.П. Довгий, С. Худовекова (Смоленская область) [14; 42], Я.А. Золотавина (Ростовская область) [16], В.М. Меньшикова, О.В. Лебедевой (Курская область) [23; 25]. В массиве изученной литературы особое место занимают материалы проводимых в регионах научно-практических конференций, «круглых столов» по вопросам использования знаний о религии в системе общего образования, анализ которых позволил проследить реализацию государственной политики и выявить многообразие подходов в практике российских регионов [7; 9; 11; 34].

Отличительной чертой научных исследований 2000-х годов стало объективное изучение советской государственной политики в отношении религии, лишенное как идеологически заданной атеистической направленности, так и публицистической заостренности многих исследований первого постсоветского десятилетия. Из данного научного сегмента для историографии анализируемой проблемы автором выделены работы, раскрывающие историю изменения советского законодательства в религиозной сфере [33; 41], а также последствия развития религиозного плюрализма для российского образовательного пространства [32]. Осмыслению генезиса знаний о религии в российской школе способствовало обращение к историческим исследованиям, в которых анализируется деятельность учреждений образования по реализации государственной политики в сфере образования в отношении религии в советский период в условиях господства атеистических подходов к работе школы [36].

Весьма значимы в историографии проблемы исследования, освещающие образовательную деятельность Русской православной церкви как в дореволюционный период [17; 39], так и на современном этапе [15; 35; 40], анализ которых позволяет сделать вывод об исторической преемственности изучения православной культуры в современной российской школе, осмыслить

образовательную деятельность Церкви как восстановление нарушенной традиции образования с опорой на традиционные национальные ценности.

Проведенный историографический анализ свидетельствует о научном интересе к отдельным аспектам проблемы изучения религии в системе образования, однако отсутствует комплексное историческое исследование государственной политики и региональной практики в отношении использования знаний о религии в российской школе в постсоветский период.

Библиографический список:

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: взаимосвязь Советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. 398 с.
2. Анайкина Л.И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 326 с.
3. Атеизм в СССР: становление и развитие / отв. ред. А. Ф. Окулов. М.: Мысль, 1986. 238 с.
4. Белозерцев Е.П. «Русский мир» и философия отечественного образования // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (266). С. 46–52.
5. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М.: Политиздат, 1990. 303 с.
6. Васильева О.Ю. Изъятие церковных ценностей в 1922 году: некоторые аспекты проблемы // Религия, общество и государство в XX в.: материалы конф. (Москва, 22–25 окт. 1991 г.). М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 57–62.
7. Вторые Дамиановские чтения: сб. материалов / под общ. ред. В.В. Гвоздева, З.Д. Ильиной. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 268 с.
8. Гараджа В.И. О преподавании религии: Философия, культура, образование (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 28–31.
9. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»: материалы VII Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (Липецк, 25–26 но-

яб. 2011 г.). Липецк: Изд-во Липецкой и Елецкой епархии, 2012. 274 с.

10. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 304 с.

11. Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф. (Иваново, 16–17 февр. 2011 г.): в 2 ч. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2011.

12. Дайч З.Г. Школьная политика в СССР. Уроки партийно-государственного руководства: перспективы развития. М.: Просвещение, 1991. 156 с.

13. Демократизация средней школы: проблемы, поиски, опыт: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. В.А. Сластенина. М.: Прометей 1990. 224 с.

14. Довгий Т.П. Православная традиция и современная школа (создание региональной системы духовно-нравственного воспитания школьников и учащейся молодежи Смоленщины) // Духовные просветители земли Смоленской и их роль в воспитании нравственности и патриотизма: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Смоленск, 18–19 ноября 2006 г.). Смоленск: Универсум, 2007. С. 65–71.

15. Еремин А.В. Образовательная деятельность Церкви в контексте формирования социальной концепции РПЦ в постсоветской России // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. 1. С. 50–57.

16. Золотавин Я.А. Православное духовное просвещение взрослых как основа нравственного воспитания личности // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунар. науч. конф. (Иваново, 16–17 февр. 2011 г.): в 2 ч. Ч. 1. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2011. С. 211–217.

17. Козлов К.В. Политика Русской Православной церкви в области образования и ее реализация в деятельности епархий Центрального Черноземья. 1884–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2004. 249 с.

18. Козловская Г.Е. Российское образование в постсоветский период (1991–1999 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 430 с.

19. Колодин А.В. Религиоведческое и религиозное образование: сущность, специ-

фика, проблемы реализации в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 183 с.

20. Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях: поиски и решения. Томск: Изд-во Томск. ЦНТИ, 2002. 252 с.

21. Костюченко И.Ю. Исторический опыт разработки и реализации государственной политики СССР и Российской Федерации в сфере народного образования во второй половине XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 411 с.

22. Лаврентьева А.Ю. Специфика религиозного и религиоведческого образования: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2007. 219 с.

23. Лебедева О.В. Государственная политика и изучение православной культуры в конце XX – начале XXI века (на примере Курской области): монография. Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2008. 227 с.

24. Лихачев А.Е. Нравственное разложение и православие // Педагогика. 1999. № 6. С. 114–120.

25. Меньшиков В.М. Преподавание православной культуры в школе: опыт Курской области // Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 10–11 окт. 2002 г.). М., 2003. С. 70–73.

26. Метлик И.В. Изучение религии в системе образования // Педагогика. 2003. № 7. С. 71–78.

27. Метлик И.В. Религиозное и религиоведческое образование: уточнение дефиниций и особенностей // Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 10–11 окт. 2002 г.). М.: Аппарат Полномочного представителя президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, 2003. С. 92–114.

28. Методика религиоведческого образования: теоретические основы религиоведческого образования / [Е.И. Аринин и др.]; под ред. Е.И. Аринина. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2014. 179 с.

29. Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений (1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 63 с.
30. Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М.: Изд-во «ФИВ», 2015. 456 с.
31. Петракова Т.И. Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 37 с.
32. Пигорева О.В. От религиозного плюрализма к православию в обретении нравственных ориентиров в образовательном пространстве провинций центра РСФСР – России: конец 1980-х – 1990-е гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 141–146.
33. Полозова К.А., Федотов А.А. Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 17–27.
34. Православие и духовный мир молодежи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 18 апр. 2007 г.). Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2007. 376 с.
35. Прокопенко А.В. Опыт взаимодействия гражданского общества и православной церкви в деле духовно-нравственного воспитания и просвещения молодежи в Центральном федеральном округе Российской Федерации (1991–2010 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2010. 189 с.
36. Ревякин Е.С. Роль учебных заведений в государственной политике религии в 30-е годы XX века (по материалам Ивановской области) // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 43–49.
37. Смолин О.Н. Образование. Политика. Закон: Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. М.: Культурная революция, 2010. 968 с.
38. Смолин О.Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. 1120 с.
39. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2012. 656 с.
40. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутри-церковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2009. 465 с.
41. Федотов А.А., Полозова К.А. Предпосылки появления нового законодательства о религии в СССР во второй половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5–6 (33–34). С. 30–35.
42. Худовеков С. «Свет Христов просвещает всех». Православная этика и культура в общеобразовательной школе // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 6. С. 19–23.
43. Чернышов Г.С. Государственная политика в сфере школьного образования России: история, опыт, проблемы: 1970-е – 1990-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 381 с.
44. Шапов Я.Н. О преподавании истории религий и подготовке специалистов в этой области // Религия, общество и государство в XX в.: материалы конф. (Москва, 22–25 окт. 1991 г.). М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 126–129.

©Пигорева О.В., 2017

К.А. Юдин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет»

Немецкий кинематограф конца 1920-х – 1980-х гг.: опыт идейно- теоретического и историографиче- ского осмысления

Настоящее исследование выступает логическим продолжением изысканий автора в области мирового театрально-кинематографического искусства и является пятой по счету публикацией в цикле статей историко-биографического и философского ракурса, вышедших за период с 2012 по 2016 гг. в различных периодических изданиях. Данная статья посвящена теоретическим проблемам становления и развития немецкого кинематографа 1920-1980-х гг. Предпринимается попытка рассмотреть основные тенденции историографического осмысления кинематографа Германии в четырёх ее культурно-цивилизационных ипостасях (Веймарская республика, Третий Рейх, ФРГ, ГДР) как интеллектуального феномена в контексте социально-политических, идеологических трансформаций XX столетия.

Ключевые слова: Германия, Веймарская республика, Третий Рейх, ФРГ, ГДР, немецкий кинематограф, теория кино, «гиперреальность», историография.

Поистине, грандиозным, знаменательным событием конца XIX – начала XX столетий стало появление на экзистенциально-онтологическом пространстве новой формы культуры, что явилось прямым следствием ускорения темпов цивилизационного развития и динамики циркуляции информационно-когнитивных потоков – **кинематографии**. С момента первых экспериментов по экранной визуализации реальности и до триумфа высокопрофессиональной режиссуры, подкрепленной современными научно-техническими возможностями, прошло немало времени, в течение которого кинематографическое искусство превратилось в из подающего робкие надежды на жизнеспособность и перспективу увеселительно-развлекательного бизнеса кинотрестов – в серьезный интеллектуальный и творческий феномен, открывавший горизонты качественно иного уровня восприятия, рефлексии и оценки как наличного бытия, так и обращения к исторической ретроспективе.

Особенностью кинематографической реконструкции действительности, отлича-

ющую ее от остальных методов познания, можно считать уникальную способность по искусственному расщеплению онтологического пространства, условно разделяющегося на **«профаническую» реальность**, связанную со всеми организационно-техническими аспектами кинематографического процесса, и – непосредственного продукта, результата невероятных усилий, прилагаемых участниками «кинокорпорации» – **«гиперреальности»**, образно-игровой модели, воссоздаваемой на экране.

В силу подобной специфики за долгие годы своего существования кинематограф превратился в один из важнейших и порой незаменимых исторических источников художественного спектра, главным преимуществом которого можно считать **дискурсивную многогранность** презентации исторического процесса. Последний не просто одномерно и зеркально отражался в «гиперреальности», но приобретал сложное семиотическое прочтение, оригинальную концептуальную интерпретацию с элементами наглядной демонстрации идейных замыслов и устремлений,

воссоздаваемых в ходе театрально-игрового взаимодействия актеров как носителей конкретных сущностных черт, типов характера и их многочисленных модификаций.

Более того, кинокартина, фильм даже в случае их первоначально утилитарно-прагматичного предназначения быть орудием, инструментом для достижения политических целей, пропагандистского эффекта – не только не утрачивали своей историко-культурной ценности, но, напротив, являлись «окном» в историографическое измерение, поскольку раскрывали обусловленные господствующей идеологией, национально-этнической ментальностью, политическими и идейно-мировоззренческими предпочтениями, традициями, стереотипами и иными факторами – аксиологическую парадигму, определяющую модальность, ракурс и степень изученности той или иной проблемы.

Поэтому вполне справедливым можно считать уже устоявшееся выражение, что «история кино – это история страны», которое в лаконичной форме выражает глубокую историко-историографическую и философскую репрезентативность кинофильмов как информационно-когнитивных следов ушедших эпох и времен.

Все эти суждения в полной мере применимы к истории *немецкого* кинематографического искусства, которое представляет собой один из интереснейших социокультурных феноменов, всегда привлекавший внимание исследователей.

Так, еще в 1940-е гг. появился на свет известный труд немецкого кинокритика, социолога Зигфрида Кракауэра, посвященный психологической истории кинематографа Германии. Несмотря на ярко выраженную идейно-методологическую тенденциозность, связанную с приверженностью автора фрейдистско-позитивистским теоретическим установкам, приводящим к порой редукционистскому восприятию кинематографа лишь как порождения «темных сил» – психоневротических диссонансов личности, общества и власти, безутешных страданий немецкой «коллективной души», «измученной навязчивыми образами тирании произвола в мире хаоса» [10, с. 113.], данная работа представляет собой оригинальный экскурс, хронологически простирающийся от эпохи «архаики», времени становления, зарождения ки-

ноиндустрии в Германии (1895-1918 гг.), и до агонии Веймарского республиканизма – «догитлеровского периода» (1930-1933 гг.). Кракауэр признает многофакторную обусловленность развития немецкого кинематографа, становление которого, как показывает он, было форсировано не только контрпропагандистской реактивностью на зарубежные киноленты антигерманской направленности, или всеобщим «интеллектуальным возбуждением» / взрывом (Aufbruch)» [10, с. 46] на почве гиперчувствительности к революционным потрясениям, но и продиктовано «стремлением создавать фильмы, которые бы характеризовали в целом германскую культуру и служили целям национального воспитания» [10, с. 44].

Практически всю первую половину XX столетия охватывает капитальный шеститомный труд французского историка кино Ж. Садуля, предпринявшего попытку «рассмотреть историю киноискусства как историю коллективного труда кинодеятелей всего мира» [27, с. 11]. Для достижения этой цели он предельно детальнейшим образом освещает всю «кухню киноиндустрии», раскрывает, как пишет тот же С.И. Юткевич «во всей полноте малоприглядную картину ожесточенной капиталистической конкуренции в борьбе за овладение новым видом воздействия на зрительские массы» [27, с. 12].

Если говорить о новейшей, современной литературе, то самой заметной вехой кинематографической историографии стал вышедшей по эгидой Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова (ВГИКа) обобщающее издание научно-учебного характера, в котором присутствует изложение основных тенденции развития зарубежного кинематографа с 1945 года и вплоть до 2000 годов [9]. Все эти фундированные издания удачно дополняют работы историко-философской, культурологической направленности [11; 14], посвященные различным аспектам истории «волшебного мира» немецкого кино и его идейно-сущностного облика, в том числе – в сравнительно-историческом контексте и на материале современности [2].

Так, О.В. Буткова полагает, что причина популярности влияния немецкого киноискусства на мировую классику заключается в том, что в нем «была найдена наиболее оп-

тимальная визуальная стратегия передачи «страшной истории» [4, с. 120]. К.В. Филенко и Н.Б. Рыбина сосредоточили внимание на роли немецкого кинематографа в контроле над информационно-политическом пространством [15;12], однако в своих суждениях не выходят за пределы стереотипных представлений о кинематографе Третьего Рейха как преимущественно пропагандистского субпродукта, что опровергает в своем монографическом исследовании научно-популярного характера О.В. Васильченко, указывающий на явное превалирование кинокартин «легкого жанра» (термин «развлекательный» представляет вряд ли уместным) по сравнению с пропагандистскими, которых, как он справедливо отмечает, «можно пересчитать по пальцам» [5, с. 3].

Кроме того, автор обращает внимание и на то обстоятельство (и с этим мы тоже полностью солидаризируемся), что даже многие фильмы антисемитской направленности, такие небезызвестные «шлягеры», как «Роберт и Бертран» (1939), «Полотно из Ирландии» (1939) «Вечный жид» (1940), «Еврей Зюсс» (1940), «Ротшильды» (1940) обладали не только идеолого-пропагандистской, но и объективной художественной ценностью, связанной с изящной демонстрацией победы «нордической смекалки» над «еврейской изворотливостью» [5, с. 32].

В этом смысле, безусловно, данные картины отражали вовсе не только субъективно нацистскую нетерпимость к еврейской «расе», но и, пусть в концептуально гипертрофированном виде, показывали общеизвестное негативное восприятие имманентных качеств «еврейского духа», связанных с меркантильностью, обостренным самомнением, тщеславием, склонностью к сектанско-групповой автаркичной корпоративности (сионизм), свойственных не только еврейскому этносу, но и всем, кто принимает этот низший, хтоническо-теллурический образ жизни, уподобляясь ортодоксальному иудейству как модели поведения.

В целом же, если давать идейно-теоретическую оценку, то приходится констатировать, что историография немецкого кинематографического искусства предельно институализирована и ограничивается либо профанической историей киноиндустрии – технико-экономическими, повседневно-

бытовыми аспектами деятельности фирм, трестов, концернов, либо сводится к механическому концептуализированию, дискурсивной киноведческой феноменологии.

Поэтому, мы вынуждены признать, что большинство из публикаций в таких, казалось бы, солидных и известных периодических изданиях, как «Искусство кино», «Киноведческие записки» не представляют для нас, за редким исключением в виде отдельных статей, значительного интереса, поскольку воспроизводят, к сожалению, уже типичные для современного интеллектуального пространства, недостатки, связанные с настойчивой манифестацией индивидуализма, партикуляризма, когда методологической установкой историков кино, как и представителей современной философии, «стал воинствующий релятивизм, предполагающий претензию на свою «истину», источником которой выступают законы организации их индивидуального мышления, а зачастую просто воображения» [26, с. 33].

Все это, в конечном итоге, привело к самой тяжелой форме идейно-интеллектуальной патологии, выразившейся в практически полном и тотальном подчинении киноведения политической историцистике, заключающейся в сугубо конъюнктурной интерпретации образно-аллегорического символизма гиперреальности и населяющих ее персонажей. Например, никому не приходит в голову отождествлять «немецкого Фантомаса» – персонажа, олицетворявшего «криминальную гениальность», «величайший злодейский ум», появившегося в 1979 г. в минисериале с Хельмутом Бергером в главной роли или вампира Ноосферату этого же периода («Ноосферату: призрак ночи» / *Nosferatu: Phantom der Nacht*, ФРГ, 1978) – с реальными диктаторами 1930-1950-х гг. А. Гитлером, Б. Муссолини и так далее.

В то же время, образы из так называемой «галереи тиранов», представленных экспрессионистскими картинами начала 1920-х гг., таких как «Кабинет доктора Калигари» / «*Das Cabinet des Dr. Caligari*» (1920 г., режиссер Роберт Вине), «Ноосферату: симфония ужаса» / «*Nosferatu, eine Symphonie des Grauens*» (1922 г., режиссер Фридрих Мурнау) или первые два фильма Фрица Ланга о хитроумных кознях еще одного гениального преступника, доктора-психоаналитика, ма-

стера гипноза, обладающего талантом перевоплощений, вездесущего и многоликого доктора Мабузе («Доктор Мабузе, игрок» / «Dr. Mabuse, der Spieler», 1922; «Завещание доктора Мабузе» / «Das Testament des Dr. Mabuse», 1933 г. – см. иллюстрацию) – практически однозначно воспринимались как недвусмысленная аллюзия на Адольфа Гитлера, но все эти «зловещие тени» мгновенно рассеялись в более позднее время – 1960-х гг., когда это утратило свою исторически конъюнктурную актуальность или вернее сказать – злободневность.

В результате получается, что немецкий кинематограф рассматривается либо как исключительно социально-психологический феномен, появившийся под «давлением снизу», ставший отражением запросов «коллективного разума» и его фобий, либо уже как продукт государственного заказа, инструмент трансляции установок национал-социалистической идеологии.

Если воссоздавать общую картину историографической рефлексии, то складывается впечатление о том, что кинематографическое искусство Германии отсутствует как таковое, ибо путь его становления и развития представлял собой, исходя из оценочных суждений, присутствующих в литературе, затяжной, хронический и перманентный кризис, планомерную инволюцию: «мрачные годы предчувствий» неминуемого наступления гитлеровской диктатуры, запечатленных в кинокартинах 1920 – начала 1930-х гг., якобы сменились утилитарно-прагматичного использованием возможностей кино в пропагандистских целях Третьего Рейха, после крушения которого наступил, в свою оче-

редь, кризис кинематографии двух его государственно-политических наследников – ФРГ и ГДР.

Объективно, такому восприятию, способствовал, во-первых, организационно-технический кризис, который был связан с разрушением институциональной инфраструктуры, распадом старейшей «фирмы» – концерна УФА, существовавшего с 1918 года). Как отмечал С. Брокман, несмотря на то, что «существовала государственная программа поддержки кинопроизводства, но так как кредит по этой программе мог быть выдан только на создание сразу восьми фильмов, на неё могли рассчитывать только крупные студии. И ни одна из студий, получивших такой кредит, не пережила 1960 год» [28, р. 289]. Пиком кризиса стало объявление о банкротстве отраслеобразующей студии УФА в 1962 году; все активы студии перешли через два года к концерну [Бертельсманн](#). Как следствие, студии резко сократили финансирование. Так, если в 1956 году было выпущено 123 кинокартины, то в 1966 — всего 60 фильмов [29, р. 39]. При этом «вся кинопродукция была пестрой по тематике, но абсолютно безликой» [1, с. 111].

А во-вторых, катастрофическими оказались последствия духовной и идейно-мировоззренческой коррозии немецкого общества, оказавшегося в послевоенные годы перед лицом новой опасности – леворадикального реваншизма, проявившегося в постмодернистско-релятивистском художественном стиле «новой волны» со свойственным ему индивидуалистическим самовыражением, выпячиванием субъективно-эстетских предпочтений, когда героями фильмов становились совершенно бесхребетные, аморфные люди, чистокровные филистеры, принадлежащих к типу «человека ускользающего», либо «интеллектуалы-недоросли», через призму своих либерально-гуманистических иллюзий выносящие редуccionистские суждения о ходе исторического процесса.

Именно в таком деструктивно-патологическом духе выдержано творчество большинства немецких режиссеров второй половины 1960-1980-х годов, которые поставили перед собой цель дискредитировать традиционную немецкую культуру, консервативную политическую традицию и воин-

ско-героический этос, связанный с идейной напряженностью, осмысленностью бытия. Все эти благородные устремления вытесняются под предлогом «духовной терапии» немецкого общества, очищения от тоталитарного наследия, которой производилось путем применения грубого инструментария – «провокационно-фрагментарного антиметода» [30, р. 71], взятым на вооружение Александром Клуге. В 1967 и 1976 гг. появляются его фильмы с претенциозными названиями – «Акробаты под куполом цирка: беспомощные» и «Крепкий Фердинанд». Здесь в концентрированном виде представлены подрывная постмодернистская методология безыдейной эклектики, индивидуалистического произвола, справедливо осужденного в академической учебно-научной литературе. В этих картинах, отмечает Н.А. Агафонова, «скупость фабулы соединяется с импровизированными диалогами актеров-непрофессионалов, документальный (реалистический) материал смешивается с сюрреалистическим, факты – с фикцией...» [1, с. 111].

В этом же стиле выдержана удостоенная премии «Оскар» кинокартина режиссера Фолькера Шлөндорфа «Жестяной барабан» / «Die Blechtrommel» (1979), которая представляет собой достаточно примитивную в идейном отношении социально-психологическую антитоталитарную зарисовку, снятую по мотивам философско-политической притчи Гюнтера Грасса, повествующей о еврейском мальчике-инвалиде Оскаре Мацерате, физическая неполноцен-

ность которого самым поистине невероятным и одновременно нелепым образом сочетается с неистощимой силой интеллектуальной проницательности, заключающейся в уразумении «психической патологии» немецкого общества, чье тяготение к «фашистской» эйдектике объясняется лишь «коллективным помешательством» взрослых, «разоблачить» все заблуждения которых якобы может лишь «кристально чистый» разум ребенка, неистово бьющего в свой детский барабан, что выступает символическим отображением «слепого протеста», обусловленного явным непониманием происходящего, неспособностью увидеть за внешне ритуализированными действиями глубокий внутренний смысл.

Стоит ли говорить, что все обстоятельства прихода национал-социалистического режима к власти, вопросы генезиса идейного фронта «консервативной революции» и ее перспектив, связанных с попытками установления органичного миропорядка, основанного на воинско-героическом этосе, социально-интеллектуальной иерархии [См. подр.: 22] – все это оказывается полностью проигнорированным и обойденным, перед нами предстает привычная панорама контрольно-деспотического произвола, манифестации субъективно-институализированного спектра власти.

Поэтому не удивительно, что к концу 1980-х – 1990-м годам и современности немецкий кинематограф пришел в идейно-художественном смысле практически в полный упадок, пораженный смертельными вирусом индивидуализма, релятивизма и обывательского «натурфилософского» концептуализирования, ограничивающегося лишь наличным бытием.

Как верно отметила Е.А. Глухова, декадентские тенденции в режиссуре представителей так называемой «берлинской школы» выразились в их полном растворении в эмпирической реальности: «Режиссеры не сколько рассказывают, сколько наблюдают, фиксируют. Герои вообще не задумываются о прошлом и будущем, они живут строго в настоящем, и «берлинцы стремятся достичь как можно более чистого настоящего» [6, с. 11].

«Теперь уже никто не задается вопросом о сущности кино, как это было в восьми-

десятилетия, — писал Б. Эйзеншиц, — ...все больше фильмов показывают на телевидении, а выбор фильмов в кинотеатрах становится все беднее. Кино чахнет, новые фильмы снимаются всё реже». И далее: «У Вендерса (Эрнст Вильгельм Вендерс (род. в 1945), немецкий кинорежиссер, сценарист, продюсер — К.Ю.) больше шансов быть услышанным во Франции, когда он говорит Данею (Серж Даней (1944-1992) — французский кинокритик. — К.Ю.) (21 сентября 1984 года): “Если кино пока еще хоть как-то выживает, то это не благодаря широкой, а благодаря избранной публике. То, что делается для широкой публики, уже нельзя назвать киноискусством: нет больше ни сюжета, ни стиля — ничего. Есть только псевдокино, которое делает вид, будто рассказывает какую-то историю, а на самом деле рассказывает неизвестно что. У людей атрофировалось всякое желание создавать образы”» [17].

Произошла идейно-концептуальная и экзистенциально-онтологическая инволюция, некий деструктивный транзит, *переход от традиционной интеллектуальной культуры — к постмодернистским интеллектуалистским экспериментам*, представляющих собой многоспектральный в дискурсивном выражении вызов общепринятой системе ценностей, попытка дискредитации, ниспровержения которых проводилась путем зрелищно-эпатажного нигилизма. Постмодернисты «обращаются к «живой смерти», то есть — детализованному натурализму в описании обстоятельств наступления небытия на микроуровне. Это и должно было, по их мнению, вызвать экзистенциальную трансформацию индивида, в котором пробуждаются зачатки личности в ходе ритуалов саморазрушения, происходит инициация как переход на новый уровень развития, зрелости» [7, с. 71-72].

В действительности же все это вызывало только обратную реакцию, когда вместо отторжения, неприятия худших свойств и проявлений человеческой природы, представленных в их обнаженной, неприкрытой квинтэссенции, возникает когнитивная деструкция — все это воспринимается не как отрицательный пример, а как призыв к вседозволенности и анархии.

Все этим процессы напрямую можно спроецировать и экстраполировать на исторический путь Германии, претерпевшей

насилованный геополитический раскол на две антагоничные по политико-идеологической ориентации зоны — ФРГ и ГДР, что привело к деформации социальной памяти, искусственному культивированию комплекса «коллективной ответственности», имплантированном форсированной денацификации и ее адептами, сводившейся лишь к огульному очернению «фашистского» прошлого, что привело к хронической фобии, боязни любой более-менее обстоятельной исторической рефлексии, для которой серьезным препятствием выступала имманентная идеологическая тенденциозность многих представителей творческой интеллигенции, чьи писательско-поэтические дарования, «не только не стали спасением от интеллектуальной, духовной близорукости, а, напротив, становились на службу, апологию леворадикальному революционному волюнтаризму. [8, с. 60-61].

Однако, тем не менее, всегда находились личности *особого консервативно-органичного типа*, подлинные неконформисты, обладающие интеллектуальным иммунитетом против всех информационно-когнитивных диверсий, личности, видевшие свое предназначение в служении объективной истине, вечным, наиндивидуальным, антипартикулярным ценностям и идейно-эстетическим универсалиям, относящимся к «цивилизации бытия», метаисторической онтологии, а не эпизодическо-конъюнктурной, преходящей экзистенции.

Таковыми личностями, принадлежащими к театрално-кинематографическому «сословию», творчество которых выступило связу-

ющим звеном для интеграции социокультурных пространств «двух Германий» – Третьего Рейха и ФРГ – стали *Хайнц Рюманн, Ганс Альберс, и Герт (Карл Герхард) Фрёбе*, ставшие, как ни странно, для кинематографической историографии почти что «персонами нон грата»: ни в одной из вышеперечисленных работ (даже многотомных трудов) по истории кино фамилии этих величайших актеров даже не упоминаются, хотя Х. Рюманн, Г. Альберс и Г. Фрёбе являются признанными мэтрами-классиками немецкого кинематографа. Их объединяет не только общность экзистенциально-онтологического маршрута, начатого в Третьем Рейхе и завершенного на театральнокинематографическом пространстве Федеративной Республики Германии, но и то обстоятельство, что, что оба они принадлежали к выдающейся плеяде актеров – исполнителей остро *характерных ролей*.

Благодаря уникальному типу, особой колоритной фактурной внешности, им всегда удавалось с наибольшей степенью глубины, достоверности, в максимально концентрированно-репрезентативном виде отобразить все видовые модификации человеческого характера, выступающего ядром внутренней сущности персонажа, получавшей полностью аутентичную образно-визуальную артикуляцию во время театральносценического действия.

Все это по большей части оказывалось недоступным для актеров с, как принято говорить, «модельной внешностью», таких как А. Делон, Жан-Клод Бриалли, Хельмут Бергер и др., поскольку «эстетическая идеальность» облика выступала как не всегда уместная маска, вводящая в заблуждение своей предельно эксплицитной привлекательностью, сверкающей, подобно яркому лучу, но высвечивающему совершенно не то, что ожидалось в соответствии с художественным замыслом.

Поэтому, как мы уже отмечали в наших публикациях [18,19,20,21], и так называемые «эпизодники», и, тем более, представители актерского состава «среднего звена» выступают не только равноценно-полноправными участниками кинематографического процесса, но и нередко, доминируют над главными героями, создают свои, параллельные системы координат, островки информационно-

когнитивного воздействия, что происходит потому, что они олицетворяют собой интегральную внешнюю типологию, обладающую национально-ментальной универсальностью, усиленной специфическим индивидуальным своеобразием.

Таким незаменимым во всех кинематографических жанрах во Франции был Бернар Блие [18], но в не меньшей степени это относится и к его немецким коллегам – Х. Рюманну, Г. Альберсу, Г. Фрёбе, по уровню стилистической визуализации образов, глубине и масштабам отображения внутреннего мира их героев совершенно не уступавших своим французским коллегам – Жану Габену, Мишелю Симону, Лино Вентуре, Мишелю Буке, Филиппу Нуаре и др., о чем можно судить даже только на основании избранной фильмографии (не включая кинокартины, фактически, изъятые из обращения, проката по причине низкого рейтинга, либо ленты, не дублированные на русский язык) немецких актеров, насчитывающей более 100 работ у каждого.

В силу этого актуальным направлением исследований в сфере мировой художественной культуры и театральнокинематографического искусства как ее составляющей является *историко-биографический ракурс*, связанный с рассмотрением развития киноискусства через призму портретной нарративистики, предполагающей комплексную реконструкцию жизненного пути и творческой деятельности актеров, режиссеров с углубленной оценкой, анализом конкретных киноработ, выявлением их не только художественной, но и идейно-концептуальной ценности вне историческостенденциозности, т.е. суждений, интерпретаций, детерминированных «духом времени».

Если говорить кинематографу другого немецкого государственно-политического образования второй половины XX века, а именно – Германской Демократической Республики (ГДР), то в целом в историографии доминирует негативная или, в лучшем случае, скептическая оценка этого периода в развитии киноискусства. Как полагает С. Брокман, восточногерманское кино «характеризуется постоянным чередованием жесткого идеологического диктата и периодов относительной стабилизации» [28, р. 214].

Тем самым, фактически, подчеркивается имитационно-подражательный характер кинематографической продукции, идейно-концептуальная направленность которой в подавляющем большинстве случаев была детерминирована просоветским политическим режимом, статусом ГДР как сателлита социалистического лагеря, информационное пространство которого полностью контролировалось партийным руководством.

В тоже время, представляется, что рассматривать восточногерманский кинематограф, как и театральное и кинематографическое искусство стран социалистического лагеря в целом исключительно как некий субпродукт вряд ли правомерно, поскольку всегда существовали такие проблемно-тематические области, посвященные реальным или вымышленным событиям национальной истории, при реконструкции которых воздействие идеологической опеки, как над фабулой, сюжетной линией кинофильмов, так и над самой художественной концепцией было предельно минимальным. Например, до сих пор, из всех многочисленных экранизаций знаменитого романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» самой удачной является чехословацкая версия, воплощенная в двух кинематографических работах режиссера Карела Стекла «Бравый солдат Швейк» / «Dobrý voják Švejk» (1957) и «Швейк на фронте» / «Poslušne hlásím» (1957/1958), в которых главную роль исполнил Рудольф Грушинский.

Многие фильмы, созданные за период с 1949 по 1990 гг. представляли собой не только талантливые экранизации литературных произведений, но и выступали достаточно достоверным историческим источником о состоянии социальной/коллективной памяти той эпохи, являлись оригинальной иллюстрацией идейно-мировоззренческой конфронтации, связанной с антагонизмом на почве тотальной, доходящей до абсурда политизации мышления, растворяющегося в партийной дискурсивности. К числу таких специфических кинолент можно отнести снятый по одноименной пьесе Фридриха Вольфа фильм «Профессор Мамлок» / «Professor Mamlock» (ГДР, 1961 г.). посвященных драматическим событиям первой половины 1930-х гг. – приходу А. Гитлера к

власти, стремительной нацификации Германии.

Несмотря на обстоятельства создания фильма и политические пристрастия режиссера, коммунистическое сопротивление как оппозиционный внутренний фронт не только гипертрофированно не идеализируется как якобы единственная альтернатива гитлеризму, но, напротив, рассматривается даже в почти эксплицитной негативной коннотации как феномен, препятствующий объективной оценке действительности, растворяющейся в дискурсивной эквивокации.

Так, все попытки профессора Мамлока, его настойчивые увещания, обращенные к своим коллегам и связанные со стремлением вдохновить их на оказание сопротивления, или, по крайней мере, морально-психологического противодействия насильственной и грубой сегрегации по расовому признаку, натуралистическому отбору по «чистоте крови», антисемитской агрессии, оказываются неудачными, ибо борьба за торжество общечеловеческих ценностей, которые носят универсальный, интегрально-гуманистический, антипартилярный, наднациональный характер, в немецком обществе, совершенно неправомерно ассоциируются с леворадикальным активизмом. «Вы рассуждаете как коммунист» – самоуверенно заявляет Мамлоку его ассистент-медсестра, – и он понимает, что сражение за «овладение умами» полностью проиграно, ибо иных политических спектров, кроме проявлений механистического национал-социализма, уже на ранних стадиях инволюционирующего от попыток осуществления «консервативной революции» и установления органичного миропорядка до хтоническо-теллурического культа «крови и земли», с энтузиазмом насаждаемого «сверху», и «красной угрозы» никто уже был не в состоянии различить.

Поэтому, можно говорить о том, что в данной кинокартине присутствует зеркально-билатеральная критика, когда две антагонистические идеологические парадигмы и обусловленные ими политические практики подвергаются взаимосвязанному осуждению. Как представляется автору, такое достаточно свободное истолкование исторической реальности, избавленной от коммунистической навязчивости, вполне согласуется со спецификой политического режима в ГДР и его

оценками в литературе. Так, и в немецкой, и в русскоязычной, современной историографии нередко можно встретиться с такими терминами, как «заботливая диктатура» [3], «авторитарное государство обеспечения» («*autoritärer Versorgungsstaat*») [33, s. 242] или «тоталитарное государство обеспечения и присмотра» («*totalitärer Versorgungs- und Überwachungsstaat*») [31, s. 632-633.].

Конечно, в первую очередь под ними подразумевается специфика социально-экономического регулирования, когда, как резонно отмечал А.М. Бетмакаев, «власть использовала элементы социального государства, не являясь социальным государством» [3, с. 24], однако, этот механизм может вполне быть перенесен и на культурно-идеологическую сферу, при регламентации которой принцип патерналистской опеки, заключающийся в имитации идейного плюрализма «сверху», оставался ведущим методом воздействия на общественное сознание.

В данном случае, он выражался в целенаправленной демонстрации пределов допустимой критики по отношению к коммунистическому «фронту» и возможности сосуществования с «буржуазным объективизмом» в виде ориентации на универсальные, общечеловеческие ценности, признание гуманистической функции науки без классовых и географических границ – подобные позиции после хрущевской «оттепели», десталинизации уже не рассматривалась как проявление «безродного космополитизма».

В целом же, идейно-интеллектуальные цикл развития *восточногерманского кинематографа* можно сравнить с небезызвестным для российской истории парламентским механизмом «октябристского маятника», суть которого заключалась в коалиционных играх, когда партия «октябристов» выступала то за законопроекты, исходящие от проправительственного, правоконсервативного состава III Государственной Думы, то поддерживала либерально-демократические инициативы кадетов.

Аналогичная обстановка создавалась на социокультурном пространстве ГДР, когда кинематографисты вынуждены были примерить на себя роль партии «Союза 17 октября», что выразилось в необходимости лавировать между партийно-государственной патетикой и собственными идейно-

концептуальными предпочтениями и приоритетами, связанными со стремлением в более откровенном ракурсе показать личную, частную жизнь немцев, их духовные искания, экзистенциальные страхи, не вписывающиеся в парадигму «социалистического благоденствия».

Например, в 1960-1970-х гг. появились восточногерманские мелодрамы, такие как «Расколотое небо» / «*Der Geteilte Himmel*» (1964, режиссер К. Вольф), в 1973 г. – «Легенда о Пауле и Пауле» / «*Die Legende von Paul und Paula*» Хайнера Карова, что стало возможным в условиях некоторого ослабления идеологического диктата, хойнекеровско-брежневского «умиротворения».

В то же время, многие кинематографические произведения продолжали подвергаться жесткой цензуре и были осуждены как «идеологически вредные». В частности, уничижительной оценке был подвергнут фильм Х. Карова «Русские идут» / «*Die Russen kommen*» (1968), запрещенный за то, что режиссер позволил себе не следовать ортодоксальной идейной модальности, связанной с пафосно-помпезной манифестацией восторженной встречи русских войск как освободителей западной Европы, поэтому полная версия картины (если не считать перемонтированный вариант 1971 г.) вышла на экраны только в 1987 г.

В качестве примеров, образцов для подражания настойчиво популяризировались официальные киноэпопеи, посвященные историко-революционной проблематике. Так, в 1965 и 1972 гг. соответственно вышла дилогия Гюнтера Райша о Карле Либкнехте – «Пока я жив» / «[Solange Leben in mir ist](#)» и «Несмотря ни на что» / «[Trotz alledem!](#)», а в середине этого хронологического интервала появился совместный советско-немецкий проект на классическую тему – «лениниану», который так и назывался «На пути к Ленину» / «*Unterwegs zu Lenin*» (1969) с известным советским актером Михаилом Ульяновым в главной роли.

Если возвращаться к обзору западно-германской театрально-кинематографического творчества, то уже в силу отчасти выше обозначенных причин качество кино ФРГ и, соответственно, его репутация, в 1960-1980-е гг. продолжали неуклонно снижаться. В 1961 г. в ФРГ никто

из режиссеров не был удостоен национальной кинонаграды за лучший немецкий фильм года, а в одном из номеров известного британского журнала «Sight & Sound» («Зрение и звучание») Германия фигурировала не иначе, как страна – «кинематографическая пустыня» [32, р. 29], где, если продолжать эту метафору, господствовали только низшие, примитивные формы жизни, свидетельствующие о наступлении *эры гинекократии* – крайней степени экзистенциально-онтологической патологии, когда «цивилизации которые теряют духовные ориентиры, лишаются идейного стержня, становятся теллургическими или хтоническими, живущими по «Закону матери» [23, с. 120]. «Это культура, – как пронизательно замечал Ю. Эвола, – основанная на бледном и пустом интеллектуализме, стерильная культура, отделенная от жизни, способная только на критику, абстрактные спекуляции и самовлюбленное «творчество»: культура, доведшая материальную утонченность до крайности, в которой женщина и чувственность становятся господствующими мотивами почти до патологической и навязчивой степени» [16, с. 184].

На социокультурном пространстве ФРГ, в театральном-кинематографическом сообществе все эти патологические устремления выразились в апофеозе, увлечении, начиная с 1960-х гг., так называемым «эксплуатационным кино», экспериментальными жанрами, представляющими из себя гибриды сюрреалистического театра абсурда – неотъемлемого атрибута художественного направления «новой волны» с элементами почти откровенной порнографии, маскируемой под медико-биологическую документалистику учебно-просветительского характера. Самой известной картиной подобного рода можно считать работу Э. фон Бендера «Хельга» (1967) с детализованной демонстрацией процессов живорождения, а в плебейско-филистерской аудитории также пользовались спросом фильмы Х. Хофбауэра («Доклад о школьницах», 8 частей, 1970-1974; «Международный доклад о домохозяйках», 1973 г. и др.).

Не удалось подняться на должную идейно-эстетическую высоту и современному кинематографу уже объединенной Германии.

Поэтому остается только, подводя итоги, констатировать, что вряд ли стоит придерживаться радикально-пессимистической позиции, согласно которой немецкий кинематограф не существует как самостоятельный художественный концептуально-стилистический феномен, а представляет из себя лишь некий вторичный, подражательно-имитационный субпродукт. Даже все выше описанные негативные тенденции развития немецкого кинематографа и критические суждения, присутствующие в историографии не являются достаточным основанием для такой, по существу, нигилистической позиции.

Театрально-кинематографическое искусство Германии занимает свою, особую нишу, обусловленную спецификой пройденного исторического пути. В XX столетии Германия стала страной, в наибольшей степени, чем другие, пострадавшей от глобальных цивилизационных, геополитических катаклизмов. Постоянная смена политических режимов (Германская империя, Веймарская республика, Третий Рейх, ФРГ, ГДР, наконец, объединенная Федеративная республика Германия) и вызванная этим обстоятельством хроническая неустойчивость информационно-когнитивных приоритетов, идейно-мировоззренческих координат, привели к самым тяжелым последствиям, заключавшимся в нарушении цельности и органичности культурного пространства при возобладании дискретной модели развития, детерминированного конъюнктурными «точками отсчета», искусственно устанавливаемыми дискурсами – установками на «преодоление прошлого», «очищение» коллективной памяти от всех не вписывающихся в стандарты уже американизированной Европы – буржуазно-материалистической прогрессистской «цивилизации становления», в которой «никакая форма умственной активности не имеет ценности, если она не является “работой” – “производительной работой” – выступающей как “служба обществу”». [16, с. 140-141].

Все эти деструктивные процессы могли не повлиять и на театральном-кинематографическом сообществе и сферу как таковую, также подвергшейся почти варварской профанизации, идейной дезориентации, наиболее явно и болезненно ощутимому

расколу кинематографической корпорации на тех, кто капитулировал и принял все условия и повеления подрывного стиля «новой волны» в немецком варианте, и тех немногих, кто сохранил верность традиционной и классической культуре, *подлинной интеллигентности* [См. об этом: 24, 25], связанной с консервативно-органичной актуализации личности, обладающей воинско-героическим менталитетом, нонконформистским этосом, предполагающим служение должному, надиндивидуальным и антипартикулярным ценностям, идеалам *и в жизни, и на экране.*

Библиографический список:

1. Агафонова Н.А. Искусство кино: этапы, стили, мастера: пособие для студентов вузов. Минск: Тесей, 2006.
2. Андропова И.О. Россия и Германия: параллели творчества (к вопросу о заимствованиях в сфере театра и кино первой трети XX века // Вестник Гуманитарного института ТГУ. Спецвыпуск. Материалы международной научной конференции «Диалог между Россией и Германией», 14-15 мая 2010 года. Тольятти, 2010. Вып. 1(7). С. 192-196.
3. Бетмакаев А.М. «Заботливая диктатура» (о специфике социальной политики в ГДР) // Вестник Кемеровского государственного университета (КемГУ). 2013. № 2(54). Т. 3. С. 21-25.
4. Буткова О.В. «Страшная сказка» немецкого кино 1920-х годов // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7(108). С. 113-121.
5. Васильченко О.В. Проектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего Рейха. М., 2010.
6. Глухова Е.А. Специфика повествовательного и изобразительного киноязыка в современном кинематографе Германии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 7-12.
7. Зимин М.О., Юдин К.А. Деструктивная «гиперреальность» в современной постмодернистской прозе (на примере романа Иэна Бэнкса «Осиная фабрика») // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 71-76.
8. Зимин М.О., Юдин К.А. Эрих Вайнерт и «левая» художественная интеллигенция Германии: война, общество, личность в немецкой литературе второй четверти XX века // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1 (21). С. 60-71.
9. История зарубежного кино (1945-2000) / Отв. ред. В.А. Утилов. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
10. Кракауэр З. От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. М., 1977.
11. Попова И.М. Кино Германии второй половины XX века: культурологический аспект // Вестник Гуманитарного института ТГУ. Спецвыпуск. Материалы международной научной конференции «Диалог между Россией и Германией», 14-15 мая 2010 года. Тольятти, 2010. Вып. 1(7). С. 197-201.
12. Рыбина Н.Б. Методы управления массовым сознанием в тоталитарных и авторитарных режимах (А. Гитлера, Б. Муссолини, Ф. Франко) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2012. № 1-2. С. 129-135.
13. Садуль Ж. Всеобщая история. В 6 тт. М., 1958-1963.
14. Сальникова Е.В. Образ насилия в западном кинематографе 1910-1920-х гг.: ментальный субстрат «перманентной войны» // Вестник славянских культур. 2014. Т. 4. № 34. С. 178-195.
15. Филенко К.В. Роль кинофильмов Третьего Рейха в пропаганде нацистской идеологии: антисемитский аспект // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 11-3. С. 141-144.
16. Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009.
17. Эйзеншиц Б. Немецкое кино. 1945-1998 // Киноведческие записки. 2002. Вып. 59. Доступно на: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/274/> (дата обращения: 02.01.2017).
18. Юдин К.А. Бернар Блие и театральнокинематографическая интеллигенция Франции 1930 – 80-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 25-37.

19. Юдин К.А. Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959—1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2(5-6). С. 80-83.
20. Юдин К.А. Жан Габен: «диктатура в образе». Очерки истории французского кинематографа. Середина 1930 – начало 1970-х гг. // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 4(24). С. 30-44.
21. Юдин К.А. Луи де Фюнес и кинематограф Франции эпохи «славного тридцатилетия»: от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана. Опыт историко-философского анализа // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 3(15). С. 64-77.
22. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 52-62.
23. Юдин К.А. Традиционализм барона Юлиуса Эвола: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2013. № 7. С. 113-128.
24. Юдин К.А., Бандурин М.А. «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108-120.
25. Юдин К.А., Бандурин М.А. Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 56-66.
26. Юдин К.А., Бандурин М.А. Что стало с философией или темные лабиринты познания // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2(5-6). С. 32-36.
27. Юткевич С.И. Жорж Садуль и его «Всеобщая история кино» // Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 1. Изобретение кино. 1832-1897. Пионеры кино (от Мелбеса до Патэ). 1897-1909. М., 1958.
28. Brockmann S. A Critical History of German Film. Camden House, 2010.
29. Cultural policy in the Federal Republic of Germany. 1973. Vol. 17.
30. Franklin G. New German Cinema: From Oberhausen to Hamburg. Boston, 1983.
31. Schröder, K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft 1949 – 1990 / K. Schröder. München, 1998.
32. Watson, W. S. Understanding Rainer Werner Fassbinder: Film as Private and Public Art. Univ of South Carolina Press, 1996.
33. Zeit der Armut. Lebensläufe im Sozialstaat / S. Leibfried [et al.]. Frankfurt am Main, 1995.

© Юдин К.А., 2017

А.Л. Дединкин

Кандидат исторических наук, доцент,
директор Витебского филиала
Международного университета «МИТСО»

Т.А. Турлак

Кандидат философских наук, доцент
Витебского филиала Международного
университета «МИТСО»

Профессиональная ориентация: социологический анализ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся дальнейшей траектории обучения выпускников школ, методы и формы профориентационной работы, пути её совершенствования.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессиональная информация, профессиональный выбор

Профессиональная ориентация представляет комплекс мероприятий, в том числе психологических и педагогических, по выявлению интересов и способностей, влияющих на выбор профессии. Цель профориентации в том и состоит, чтобы помочь молодым людям, в первую очередь учащимся выпускных классов школ и гимназий, в выборе профессии или места дальнейшей учёбы с учётом их склонностей и интересов. Задачей же профориентации является информирование всех заинтересованных лиц для облегчения им выбора вида своей профессиональной деятельности.

Профориентационная работа направлена также и на повышение престижа и привлекательности различных профессий в обществе, как вновь созданных – например, логистики, или уже существующих – к примеру, правоведения. Престиж, и что не менее важно, привлекательность профессии

или выбранного учащимся направления дальнейшего обучения, могут быть связаны с авторитетом или популярностью конкретного учебного заведения.

Профориентационную работу в основном проводят конкретные учебные заведения, центры профориентации (если они существуют), в достаточной мере владеющие информацией о численности выпускных школьных и гимназических классов.

В профориентации исследователи выделяют следующие направления: профинформация, профагитация, профпросвещение, профессиональный выбор [1, 2].

Такую профориентационную работу вот уже более десятка лет традиционно проводит практически во всех школах и гимназиях города Витебский филиал «Международного университета «МИТСО», привлекаемая для этого не только преподавателей и сотрудников, но и студентов разных лет

обучения, особенно из тех учебных заведений, куда направляется профориентационная группа. Кстати, количество привлекаемых к профориентационной работе студентов, бывших ранее учащимися этих школ, может быть своего рода показателем эффективности нашей профориентационной работы. Кроме того, это вызывает интерес ещё обучающихся школьников и в какой-то мере обеспечивает, или влияет, на работу по профпросвещению школьников о нашем филиале. А так как информационные группы разных учебных заведений часто бывают в одних и тех же школах и гимназиях города, то это предъявляет к участникам этих групп определенные требования по методике проведения, качеству предлагаемых вопросов, доступности их для понимания школьниками. Немаловажно и методическое качество самой анкеты.

Следует учитывать и факт перенасыщенности школьников получаемой информацией, насколько приемлемы данные методы (анкета, тест) в конкретном учебном заведении, наличие или отсутствие противодействия типа: «Надоели нам эти тесты и опрос!» со стороны администрации учебного заведения. Надо отдать должное, что во всех школах и гимназиях, где проводили эту работу наши профориентационные группы, не только противодействия, но и нежелательных высказываний по этому поводу не было.

Методом статистической случайности для проведения опроса были выбраны по две школы и гимназии в разных районах города, как центральных, так и расположенных в новых микрорайонах. Всего было опрошено 315 школьников десятых – одиннадцатых классов, в том числе 188 школьников и 127 гимназистов, из них 110 юношей и 188 девушек [4]. Соотношение мужчин и женщин в структуре школьников типично для современной школы – девушек практически больше в каждой школе. Следует отметить, что все наши респонденты вооружены личными средствами информации – мобильными телефонами, большинство имеет электронную почту и только один из десяти – страничку Вконтакте. Наша современная молодежь технически грамотна, умеет и любит пользоваться элек-

тронными средствами связи и информации, но, к сожалению, не всегда знает и понимает, что электронное общение, при всех его достоинствах имеет существенный недостаток – обеднение и снижение эмоциональной стороны общения.

Нас интересовали ответы на вопросы, касающиеся направления обучения после окончания школы. Право и экономику как возможный предмет изучения, в том числе и в «МИТСО», указали 95 человек (это тридцать процентов опрошенных обоего пола). Но надо учитывать, что правовые и экономические специальности есть и в других вузах города. Информационным технологиям в дальнейшем отдали предпочтение почти двенадцать процентов, но больше всего наших респондентов привлекли иностранные языки – почти четверть опрошенных. Современный народ наши школьники! Однако достаточно велик и процент еще не определившихся с выбором направления дальнейшего обучения – около 10 %. Как отметил один из респондентов – «У меня еще есть время подумать, куда идти (стиль ответа сохранен).

Интересно проследить источники получения информации о Международном университете «МИТСО» и его Витебском филиале. Более двадцати процентов получили информацию из электронных СМИ, печатные источники и справочник абитуриента как источник информации отметили почти столько же опрошенных. Большая доля получения информации о нас приходится на общение с друзьями – 34,6 %, рекомендации учителей и родителей – почти 24 %.

Привлекала внимание и реклама о «МИТСО», ранее размещавшаяся на транспорте, хотя её отметили только два респондента (0,6 %), впрочем, как и рекламу на курсах под руководством А.А. Лазуркина. В дальнейшей профориентационной работе можно подумать об увеличении такой рекламы, что, несомненно, вызовет интерес молодежи.

«Вы к нам пришли и рассказали», – так оценили выступление («лекцию» как написано в одной из анкет) представителей «МИТСО» около восьми процентов. Такой процент, сравнительно малый, обусловли-

вает дальнейшую оптимизацию подготовки «похода» к школьникам с информацией о филиале. Не во всех школах, к сожалению, есть возможность продемонстрировать кино/видеоролик о филиале, что позволило бы нам быть эмоциональнее и убедительнее. Подобная попытка была сделана нашими студентами первого курса в средней школе № 12 г. Витебска, она оказалась успешной и даже вызвала аплодисменты присутствующих школьников и учителей.

Что касается возможного участия будущих студентов в образовательных мероприятиях филиала, то первое место заняла подготовка к централизованному тестированию – 104 человека, или 33% опрошенных, указали его. Сравнительно мало, от семи до одиннадцати процентов, получили специальные мероприятия: юридическая школа и школа логистика-менеджера, конференция учащихся «Первый шаг в науку». Присутствуют в нескольких анкетах и довольно резкие отказы от участия в мероприятиях, хотя и без указания причин. Но зато, более 19%, т.е. практически каждый пятый, высказались за дальнейшее получение информации о мероприятиях филиала. Это свидетельствует о том, что свободное поле для размещения такой информации существует в разной форме и его надо «засевать», может быть уже к следующему учебному году.

Так кто же может стать/быть нашим студентом? Разброс интересов опрошенных – от ядерной физики до востоковедения и ветеринарного дела – еще раз подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования профориентационной работы.

Методами профориентационной работы филиала должны быть не только традиционные «походы» в школы и гимназии, они, без сомнения, дают определенный эф-

фект, но и некоторые инновационные приемы проведения такой работы. Они требуют специальной подготовки, в том числе психолого-педагогической, финансовой. Возможно, это организация экскурсий школьников в учебное заведение, профессиональная реклама разных видов и форм, сбор так называемой косвенной информации (о поступивших из данной школы в «МИТСО») и использование ее в дальнейшей работе.

Нужно только учитывать, что выбор профессии сейчас – это решение, затрагивающее лишь ближайшую жизненную перспективу школьника, он может быть осуществлен как с учетом, так и без учета отдаленных последствий принятого решения.

Таков вывод специалистов по проблемам профессионального самоопределения молодежи [3].

Библиографический список:

1. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: Академия, 2001. – 480с.
2. Климов, Е.И. Как выбирать профессию / Е.И. Климов. – М., 1990. – 159 с.
3. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е.И. Головаха. – Киев, 1988. – 60 с.
4. Аналитическая записка к социологическому исследованию на тему «Профессиональная ориентация: влияние на выбор профессии». – УО «Международный университет «МИТСО». – Витебск, 2016. – 12 с.

©Дединкин А.Л., Турлак Т.А., 2017

Т.П. Белова

Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», вице-президент Российского общества социологов (РОС)

А.В. Рожкова

Студентка направления социология (уровень бакалавриата) ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Волонтерство как элемент гражданского общества: теоретико-методологические аспекты социологического изучения

В статье в контексте современного социологического дискурса анализируется волонтерство как важный структурный элемент гражданского общества, рассматриваются главные теоретико-методологические подходы в его социологическом изучении, волонтерство характеризуется как общественный институт и как основа формирования социального капитала.

Ключевые слова: гражданское общество, волонтерство, институциональный подход, неоинституционализм, конструктивизм, социальный капитал, сетевой подход.

Изучение гражданского общества как области внегосударственных отношений и структур – одна из наиболее актуальных и сложных проблем современной социологической науки. Для России эта тематика представляет значительный интерес. Её теоретическое осмысление осложняется многообразием трактовок понятия «гражданское общество» и моделей реализации идеи такого общества в условиях нынешней российской действительности.

«Гражданское общество» - это категория, не имеющая однозначного определения в силу своей многоаспектности. Так, один из крупнейших современных российских социологов Ж. Т. Тощенко выделяет в этом понятии шесть базовых характеристик: 1) «реализация идей взаимответственного

и равноправного сотрудничества государства и оппонирующих ему сил в лице общественных организаций, движений и объединений»; 2) в нём «общественная (публичная) и личная (частная) жизнь имеют автономный статус, который построен на взаимном учете интересов друг друга»; 3) «это общество, в котором неотъемлемым приоритетом пользуются права и свободы личности»; 4) «это общество, в котором постоянно **расширяются возможности самоуправления** во всех его видах и проявлениях, что создает максимум условий и возможностей для соучастия людей в делах общества и государства; 5) «это постоянное согласование интересов всех участников исторического процесса»; 6) «это общество, которое обеспечивает социальную защиту,

гарантирует соблюдение прав и свобод человека» [16, с. 25-26].

Известный отечественный социолог З. Т. Голенкова указывает на «два специфических параметра или функции понятия гражданского общества: теоретико-аналитическую и нормативную. Первое значение используется как теоретическая категория для анализа и объяснения явлений социальной реальности. В этом смысле, гражданское общество – агрегированное понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и социальных ценностей, главными субъектами которых являются: гражданин со своими гражданскими правами и гражданские (не политические и не государственные) организации: ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты». Во второй функции «понятие гражданского общества имеет преимущественно статус нормативной концепции, которая способствует мотивации и мобилизации граждан и других социальных субъектов на развитие различного содержания и форм гражданской активности» [4, с. 28].

В контексте приведённых определений особую значимость представляет социологическое изучение быстро развивающегося волонтерства, или добровольчества. Что касается понятий «добровольчество» и «волонтерство», то в содержательном толковании определений существует единство их интерпретации, поэтому целесообразно употреблять их в качестве синонимов. Однако зарубежные и отечественные трактовки этих терминов различаются.

Западные авторы Х. Анхер и Л. Саламон под добровольчеством подразумевают институт гражданского общества, сектор общественных отношений, функционирующий отдельно от государства и бизнеса. М.С. Шераден трактует добровольчество как «оказываемые в организованной форме услуги, которые предполагают вклад в местное, национальное или мировое сообщество. Эти услуги ценятся обществом, но не подразумевают денежную компенсацию для участников» [12, с. 112-113].

Типичные определения российских ученых включают четыре характеристики:

1) добровольчество как деятельностьная форма благотворительности; 2) альтруистически направленная деятельность без принуждения и материальной выгоды; 3) субъект добровольческой деятельности мотивирован ценностями гуманизма; 4) объект деятельности – общественные группы, которым требуется социальная поддержка [14].

Таким образом, для российских исследователей на первом месте стоит ценность для общества, а для зарубежных – ценность для членов общностей и самих добровольцев. Если зарубежные трактовки базируются на прагматизме, то российские – на альтруизме.

Действительно, сегодня в России волонтеры приносят большую пользу слабозащищенным слоям населения – пожилым, тяжелобольным людям, инвалидам, детям-сиротам, всем, кто нуждается в помощи и защите. Добровольцы помогают в организации и проведении массовых спортивных мероприятий (Олимпиада 2014), борются с последствиями стихийных бедствий (наводнение в Крымске).

Волонтерская деятельность способствует улучшению качества жизни, личностному росту и углублению чувства солидарности; реализации основных человеческих потребностей в обществе; более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и профессий, и, самое главное, становлению гражданского общества [7, с. 54].

Число действующих в России добровольческих инициативных групп растёт с каждым годом. Волонтерская деятельность становится частью современной реальности. Сейчас практически в каждом городе есть добровольческие организации. Кроме того, развитие молодёжного волонтерства в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утверждённой распоряжением Правительства РФ, отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодёжной политики [8].

Однако в социологическом изучении волонтерства отмечаются существенные сложности. Прежде всего, – это отставание

научного анализа от практики. Кроме того, в российской социологии этот феномен изучен мало и часто его связывают с благотворительностью.

Но есть и практические трудности. Развитию волонтерства, в частности, препятствует отсутствие упрощенной законодательной базы для учреждения фондов; предоставления самоуправления основным общественным институтам [19, с. 265].

Согласно институциональному подходу, добровольчество рассматривается как институт гражданского общества. Институт добровольчества базируется на принципах целостности и солидарности, сочетании объективного и субъективного. Также он включает в себя добровольческие общности различных организационных форм; практики добровольцев как социальное взаимодействие; ресурсы социально-экономического, политического и культурного характера; легитимные нормы и правила добровольческой деятельности на основе общечеловеческих и гуманистических ценностей; традиции и образцы поведения добровольцев. Цель института волонтерства – содействие воспроизводству социальной политики, направленной на различные социальные слои общества, его сбалансированное социально-экономическое развитие, а также укрепление солидарности внутри движения добровольцев [12, с. 113-116].

При анализе волонтерства как института гражданского общества необходимо также учитывать, что в неoinституционализме, возникшем в рамках экономической науки, институты трактуются как «правила игры» в обществе, как «все формы ограничений», созданные людьми «для того, чтобы придать определённую структуру человеческим взаимоотношениям» [10, с. 17, 18]. В теориях рационального выбора институты выступают в качестве внешних ограничений на индивидуальный выбор цели и способа действия. Эти ограничения возникают как эволюционно-игровые равновесия либо как результат обмена или односторонней передачи индивидами прав контроля над собственными действиями. Новейший социологический институционализм основан на представлении о том, что *институты конструируют акторов* [3, с. 47].

Петербургский социолог В.И. Ильин отмечает, что в конструктивистском понимании, социальный институт – это надындивидуальный феномен, совокупность устойчивых форм взаимодействия людей. Его содержание – это формы. В разных институтах эти формы отличаются степенью устойчивости и способами её поддержания. В зависимости от способа их вовлечения в процесс социального конструирования иерархий, Ильин выделяет на два типа социальных институтов: 1) *институты-субъекты* – это организации разного типа и масштаба, имеющие способность действовать как надындивидуальные субъекты, стремящиеся конструировать окружающий мир по своим проектам; 2) *институты-механизмы* – это устойчивые ценностно-нормативные комплексы, регулирующие разные сферы жизни людей. К первому типу институтов В.И. Ильин, в частности, относит государство, партии, профсоюзы, ассоциации, церковь, фирмы; ко второму – брак, семью, собственность, капитал, религию [6, с. 77]. Исходя из этой концепции, волонтерство может выступать и как коллективный субъект социальной помощи, и как механизм интеграции и солидарности.

Поэтому при изучении добровольчества в рамках социологического дискурса важно опираться на теорию коммуникативного действия крупнейшего современного философа и социолога Ю. Хабермаса. Гражданское общество, по Хабермасу, базируется на автономии жизненного мира и является коммуникативно структурированной сферой, в отличие от государства, основанного на административной системе действий, и от экономики как системы управления с помощью денег. Однако в условиях массовой демократии в познекапиталистических обществах роль гражданина нейтрализуется. Его политическое участие сводится к роли избирателя, но «принятое в результате выборов решение определяет в целом только персоналии руководящего состава, а его мотивы оказываются за пределами дискурсивного контекста, воздействующего на волеизъявление». В то же время раздувается роль клиента бюрократической системы государства всеобщего благоденствия (государства с развитой систе-

мой социальной защиты). Все это происходит на фоне отрыва коммуникативного действия от нормативного контекста и его концентрации в сфере непредсказуемых ситуаций [18, с. 358, 363, 367].

При этом следует учитывать и то, что в современной России «основное значение гражданского общества заключается в том, что оно снимает напряжение между государством, локальными социальными группами и индивидами, неизбежно возникающие по мере расширения общественного пространства и углубления социальной дифференциации» [15, с. 5].

В институциональной структуре гражданского общества необходимым элементом выступают гражданские отношения «как институт, в котором действуют правила добровольного сотрудничества, но не допускаются рыночные и иерархические отношения», т. е. в них не должно быть ни сделок между участниками группы как способа достижения ее общей цели, ни принуждения [1, с. 78]. Развитие этой стороны гражданского общества способствовало тому, что с конца XX в. ключевым в его теоретическом осмыслении становится категория социального капитала.

Известный американский учёный Ф. Фукуяма подчёркивает, что социальный капитал «является необходимым условием создания здорового гражданского общества», т. к. «позволяет различным группам внутри неоднородного общества объединяться друг с другом, чтобы защищать свои интересы, которыми в противном случае может пренебречь могущественное государство» [17, с. 32-33]. А отечественный социолог О. Обремко к основным эмпирическим показателям социального капитала относит время, затрачиваемое гражданами на благотворительную и волонтерскую деятельность [11, с. 304].

Термин «социальный капитал» в широкий научный оборот ввел в 1980-е гг. Дж. Коулман. Это понятие американский социолог толкует как социальные отношения, являющиеся полезным ресурсом для связей между акторами (корпорациями, индивидами и др.) и их действиями, как совокупность общественных норм, моральных ценностей, которые делают возможным со-

трудничество внутри общества, организации или группы, так как разделяются всеми их членами. В широком смысле социальный капитал подразумевает институты, отношения, социальные связи, нормы и ценности, определяющие качество и количество социальных взаимодействий в обществе. К формам социального капитала он относит: надежность, доверие, обязательства, ожидания, информационные каналы, нормы и эффективные санкции [9, с. 124-129].

Социальный капитал гражданского общества – продукт организованного взаимодействия индивидов, их групп, общества в целом и государства. Создание социального капитала возможно только вследствие совместных усилий общества и государства. Именно социальный капитал позволяет социальным группам, церквям, семьям, а также неправительственным организациям обеспечивать все виды социальной защиты и предоставлять услуги без потребности обращаться к правительственным структурам. Это позволяет говорить о нём, как о предпосылке становления гражданского общества [5, с. 122-130].

П. Бурдье связывает социальный капитал с «эффектом клуба», который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и того же пространства людей и вещей [2, с. 61]. В.В. Радаев, систематизируя и развивая взгляды Бурдье, указывает на то, что социальный капитал не является атрибутом отдельного человека. Его объективированную структурную основу формируют сети социальных связей. Из них складывается институциональное состояние социального капитала – принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в группе. Измеряться социальный капитал, как считает Радаев, может только через степень включённости в те или иные сети [13, с. 12]. Следовательно, в социологическом изучении волонтерства необходимо использовать сетевой подход.

Сопоставление понятий «социальный капитал» и «волонтерство» позволяет выделить три основные сферы выработки социального капитала посредством добровольческой деятельности: 1) можно говорить о социальном капитале на макроуровне (социальная активность волонтеров способ-

ствуется накоплению социального капитала обществом в целом, способствуя усилению солидарности, доверия, идентичности); 2) социальный капитал может накапливаться на уровне групп, организаций; 3) добровольческая деятельность способствует накоплению социального капитала на индивидуальном уровне.

В отношении третьего аспекта А.М. Омото и М. Снайдер по результатам лонгитюдного исследования деятельности волонтеров делают вывод о том, что, во-первых, волонтеры создают сообщества: в результате их деятельности расширяется круг социальных связей, который образуют люди, которым они оказали помощь, организации, нанимающие волонтеров. Можно ожидать, что подобное расширение круга социальных связей способствует повышению профессионализации, появлению карьерных возможностей, удовлетворению потребности в принадлежности, самореализации и самоактуализации. Кроме того, общественные организации, расширяя свое представительство посредством волонтеров, приобретают возможность получить признание в обществе.

Что касается социального капитала на макроуровне, то и здесь волонтерская деятельность создает определённые перспективы. Результаты исследования А.М. Омото и М. Снайдера демонстрируют, что успешная добровольческая деятельность создает основания для успешного поведения в других ситуациях, не связанных с добровольческой деятельностью. У граждан складывается готовность прилагать усилия по разрешению актуальных общественных проблем. Возникает мобилизационный потенциал, который основывается на готовности к просоциальному поведению «по убеждению», а не по принуждению [7, с. 60].

Таким образом, волонтерство является важным институциональным и сетевым элементом гражданского общества. Добровольческая деятельность – значимый вид гражданской активности, в ходе которой происходит накопление индивидуального и коллективного социального капитала.

Библиографический список:

1. Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74-82.
2. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 49-63.
3. Глобализация и социальные институты: социологический подход / Отв. ред. И.Ф. Девятко. М.: Наука, 2010. 335 с.
4. Голенкова З.Т. Альтернативы развития гражданского общества в России // Голенкова З.Т. Избр. труды. М.: Новый хронограф, 2014. С. 27-39.
5. Доманов В.Г. Социальный капитал как условие формирования гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. 2009. № 3. С. 122-130.
6. Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. 280 с.
7. Киселев И.Ю. Волонтерство как социальный капитал // Вестник социально-политических наук. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. 2013. № 12. С. 53-61.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // URL: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 03.03.2017).
9. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
11. Обремко О. Общество как пространство для (само)идентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Отв. ред. Е.С. Петренко. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 277-312.
12. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110-119.
13. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Об-

ественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5-16.

14. Ромицына И.В. Волонтерская деятельность как фундамент гражданского общества // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». СПб., 2013. URL:

<http://www.scienceforum.ru/2013/142/1629>

(дата обращения: 01.02.2016).

15. Рябев В.В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 2. С. 5-21.

16. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / Под ред.

Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.

17. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2004. 280 с.

18. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: антология. В 2 ч. / Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 353-372.

19. Халий И.А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 265-280.

©Белова Т.П., Рожкова А.В., 2017

С.С. Спановский

**Кандидат социологических наук, доцент
кафедры менеджмента и государственного управления
ЧОУ ВО «Институт управления»**

Опыт эмпирической адаптации мультииндикаторной методики из- мерения социальной напряженности

В статье рассматриваются несколько аналитических процедур, применяющихся в эмпирических социологических исследованиях в качестве методики по измерению социальной напряженности. Дискутируется вопрос об эффективности данных процедур и методических приемов относительно конкретного исследовательского опыта.

Ключевые слова и термины: Социальная напряженность, методы и процедуры измерения, оценочная шкала, индикаторы и показатели социальной напряженности.

Как известно, принципиальными требованиями, предъявляемыми к различным исследовательским инструментам, адаптивно вводимым в практику прикладных социологических исследований, является их эмпирическая верификация по критериям надежности и валидности. Только строго выверенный социологический инструментарий, прошедший проверку общепринятыми процедурами, может быть признан социологами-практиками и одобрен для широкого применения.

В целом существует множество исследовательских приемов и методов, позволяющих с той или иной степенью достоверности оценить уровень социальной напряженности среди различных категорий населения.[3;5;7;8] Однако с учетом несовершенства и ряда принципиальных недостатков в единообразии применения большинства этих методик, остановимся на методе, предложенном Е.В. Давыдовой для оценки жизненной удовлетворенности молодого поколения.[2]

Поскольку социальное самочувствие отражает образ жизни людей, то для полноты его измерения необходимо учитывать различные сферы жизнедеятельности исследуемой группы населения. Известный метод изучения сфер жизнедеятельности

является одним из наиболее широко используемых подходов к изучению образа жизни. Обычно применяя этот подход, выделяют от четырех до четырнадцати основных сфер жизнедеятельности, в зависимости от степени детализации этого понятия, а также широты и глубины охвата проблемы. Для этого производят деление оценочных шкал на три основных вида: числовые, вербальные и графические.

Для исследования такого явления как социальная напряженность мы предлагаем остановиться на первых двух видах шкал, но с определенными оговорками по методике их использования. Вербальные шкалы, как известно, имеют неточности и погрешности в измерении, поскольку масштаб, заданный такой шкалой понимается респондентом в «его» личном смысловом значении, а интерпретации зависят от различных факторов, к примеру, возрастных, социальных, образовательных и т.п. Во избежание ошибок при работе респондентов с тестом следует сохранить привычный порядок возрастания чисел на шкале. Конечные точки шкалы следует обозначать вербально утверждениями «не важно» и «очень важно», соответствующими начальному и конечному числу шкалы. Это необходимо для

определения четких границ суждения и облегчения вынесения оценки респондентом.

Придерживаясь методики, предложенной Е.В. Давыдовой, вполне можно согласиться с её рекомендацией, когда при выборе количества градаций шкалы следует принять во внимание так называемый закон Миллера. Данный закон гласит, что в оперативной памяти человека может храниться лишь очень ограниченное количество информации – не более 7 (плюс/минус две) единиц материала [2, с.25-26]. Поэтому оптимальной шкалой при оценке социальной напряженности в этом случае может быть числовая оценочная шкала с семью градациями, вербально закрепленными границами и привычным для респондента порядком возрастания чисел.

Е.В. Давыдова предлагает следующую процедуру производного измерения социального самочувствия в контексте исследования образа жизни молодежи, рассчитываемого по формуле 1:

$$ОССИ = \frac{\sum_{i=1}^N B_i}{N} - \frac{\sum_{j=1}^M Y_j}{M},$$

где ОССИ – общее с социальное самочувствие индивида;

В – важность по каждому индикатору, относящемуся к данному блоку;

Y – удовлетворенность по каждому индикатору, относящемуся к данному блоку;

N – количество индикаторов важности;

M – количество индикаторов удовлетворенности.

В свою очередь индекс социального самочувствия исследуемой категории населения (в данном случае молодежи) в зависимости от группы предлагается рассчитывать по формуле 2:

$$ОССМ = \frac{\sum_{j=1}^N ОССИ}{K},$$

где ОССМ – общее социальное самочувствие молодежи (группы);

ОССИ – общее социальное самочувствие индивида;

K – количество членов группы.

Наряду с общим социальным показателем методика, предложенная Е.В. Давыдовой, позволяет измерить социальное самочувствие по каждой шкале в отдельности, используя формулу 3:

$$АССИ = \frac{\sum_{i=1}^N B_i}{N} - \frac{\sum_{j=1}^M Y_j}{M},$$

где АССИ – социальное самочувствие индивида по шкале А данного блока.

N – количество индикаторов важности;

M – количество индикаторов удовлетворенности. [2, с.26-27]

Понятия социального самочувствия и социальной напряженности в определенной степени являются коррелянтами. Это означает, что когда индивид испытывает низкое социальное самочувствие, можно гипотетически говорить о высоком уровне социальной напряженности. В результате, вполне возможно использовать вычислительный алгоритм методики Е.В. Давыдовой для измерения уровня социальной напряженности.

Так, для измерения уровня социальной напряженности в целом, уместно использовать формулу 4:

$$ОИСН = \frac{\sum_{i=1}^N Y_i}{M} - \frac{\sum_{j=1}^M B_j}{N},$$

где ОИСН – общий индекс социальной напряженности;

Y – удовлетворенность по каждому индикатору, относящемуся к данному блоку;

B – важность по каждому индикатору, относящемуся к данному блоку;

M – количество индикаторов важности;

N – количество индикаторов удовлетворенности.

Индекс социальной напряженности в зависимости от исследуемой социальной группы рассчитывается по формуле 5:

$$ОИСН_{г} = \frac{\sum_{j=1}^N ОИСН}{K},$$

где ОИСН_г – общий индекс социальной напряженности (группы);

ОИСН – общий индекс социальной напряженности;

К – количество членов группы.

Уровень социальной напряженности по каждой шкале в отдельности рассчитывается по формуле 6:

$$АСНИ = \frac{\sum_{i=1}^N y_i}{M} - \frac{\sum_{j=1}^M B_j}{N},$$

где АСНИ – социальная напряженность индивида по шкале А данного блока.

N – количество индикаторов важности;

M – указывает на количество индикаторов удовлетворенности. [2, с.27]

Таким образом, расчетная методика Е.В. Давыдовой с применением указанных формул ориентированных на определение общесоциальных показателей для одной социальной группы (молодежи) вполне может быть расширена, уточнена и перенесена на практику эмпирического исследования социальной удовлетворенности среди представителей других групп общества.

Вместе с тем следует обратить внимание на отсутствие в методике Е.В. Давыдовой шкал, позволяющих однозначно и полно интерпретировать полученный показатель социальной напряженности. Поэтому для интерпретации расчетных показателей социальной напряженности предлагается взять для апробации шкалу Г.В. Барановой и В.А. Фролова, позволяющую устанавливать соответствие между количественными (уровнями) и качественными (стадиями) характеристиками развития напряженности, а также формами её проявления.[1] Данная шкала создается путем расчета границ изменения общего индекса социальной напряженности (ОИСН), а также уровней социальной напряженности, заключенных в эти границы и отражающих значения попадающих в них величин ОИСН.

Для диагностики скрытой формы социальной напряженности, уровня её проявления и развития в конкретном регионе, а также потенциальной готовности местного населения к протестным действиям в исследовательский инструментарий следует также включить соответствующие вопросы прогнозного типа. Считается, что наиболее надежной процедурой измерения силы установки респондентов на готовность к

протестам является методика суммарных оценок Р. Лайкерта. Для проведения исследования были сформулированы 7 суждений, предположительно фиксирующих установку на протестные действия. Каждому суждению была приписана специальная оценочная шкала, характеризующая «согласие/несогласие» респондентов. Общий для всех мнений вопрос был сформулирован следующим образом: «Выразите, пожалуйста, свое отношение к каждому из нижеперечисленных суждений?». Пункты шкалы были пронумерованы от 1 до 5 и вербализовались от полного согласия до полного несогласия. В середине шкалы предусматривалась нейтральная позиция «затрудняюсь ответить». Предполагается, что, чем выше оценка, получаемая респондентом в рамках данной шкалы, тем большим значением измеряемого признака (в нашем случае – готовности к протестным действиям) он обладает.

Таким образом, окончательный вариант инструментария проведенного исследования состоял из набора эмпирических индикаторов, предположительно влияющих на уровень социальной напряженности, а также 6-пунктной шкалы важности и удовлетворенности. Назначение шкалы важности состоит в определении «веса» факторов в итоговом значении показателя социальной напряженности посредством выявления степени значимости для респондентов каждого из индикаторов. В ходе опроса респонденты давали оценку по шкале от 1 до 6 по каждому из факторов социальной напряженности. А в самой анкете была использована порядковая шкала с вербальным закреплением границ от 1 до 6:

1. Совсем не важно;
2. Практически не важно;
3. Скорее не важно, чем важно;
4. Скорее важно, чем не важно;
5. Важно;
6. Очень важно.

Шкала удовлетворенности, предназначенная для определения степени неудовлетворенности респондентов по предложенным параметрам и создания основы для вычисления показателей социальной напряженности, содержала следующие 6 индикаторов:

1. Полностью не удовлетворен;
2. Практически не удовлетворен;
3. Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен;
4. Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен;
5. Практически удовлетворен;
6. Полностью удовлетворен.

Важной процедурой в ходе подготовки исследования такого рода социального явления значится обеспечение надежности шкал. Поэтому проверка разработанного тестового инструментария на надежность и валидность проходила в два этапа:

1. Оценка содержательной валидности имеющегося исследовательского инструментария с помощью метода параллельных панелей.

2. Статистическая проверка апробируемой методики на надежность-согласованность. В качестве показателей консистентности теста использовались коэффициенты Альфа Кронбаха и Спирмена-Брауна.

Как правило, перед тем как провести социологический опрос с достаточно масштабной и репрезентативной выборкой и по столь сложной для исследователя, с методологической точки зрения, проблеме социальной напряженности всегда полезно вначале осуществить пробное пилотажное исследование или опрос экспертов. Делается это для лучшего понимания проблемы исследования, сбора дополнительной фактологической информации и апробации социологического инструментария. Пробное социологическое исследование для отбора факторов, предположительно влияющих на уровень социальной напряженности в Ивановской области, было проведено кафедрой социологии ИГЭУ в 2012-2013 годах с участием автора. Апробация упомянутых методик и исследовательских процедур также осуществлялась в рамках данного социологического проекта. Группу специалистов-экспертов, участвовавших в опросе, составляли преподаватели кафедры социологии ИГЭУ. В ходе этого экспертного опроса участникам исследования было предложено скорректировать предварительно составленный перечень основных сфер социальной среды, на которые, по мнению наших

экспертов, люди ориентируются при оценке своей жизни, и нарушение которых могло бы вызвать состояние, характеризующееся как социальная напряженность.

Библиографический список:

1. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социол. исслед. 2012. № 3. С. 50–65.
2. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М.: Институт социологии РАН, 1992
3. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исслед. 2010. № 3. С. 45–50.
4. Переслегин С.Б. Естественнонаучный подход к экономической статистике. Обращение к документу: 20.04.12.<<http://stabs.nm.ru/materials/Peresleginess.htm>>
5. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Автореф. дис. канд. социол. наук. М., 2008.
6. Попов Р., Сусаров А. Социальная напряженность и социальное неблагополучие. Обращение к документу: 20.04.12.<<http://pubs.camegie.ru/books/1999/08np/default.asp?n=12.asp>>
7. Спановский С.С. Особенности методологических подходов к измерению социальной напряженности // На пути к гражданскому обществу №4(24) 2016 год. Институт управления. Ивановский филиал. Иваново, 2016. С.45-50
8. Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напряженности // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 5. С.25–36.
9. Шваков А., Швакова Ю. Территория социальной напряженности. Обращение к документу: 20.04.12.<<http://scvr/sarnode.ru:8101/jornal/number7/shvakov.htm>>

© Спановский С.С., 2017.

И.Д. Сазонов

Студент Костромского государственного университета

Поиск национальной идеи как путь государственного возрождения

В статье раскрываются мотивы принятия национальной идеи, как определяющей будущей вектор развития страны. Национальной идеей, объединяющей общество в созидательном труде на благо Отечества, стала идея патриотизма, и в широком, глобальном смысле – идея «Русского мира», как идея, объединяющая людей русской культуры и традиции, для сохранения и преумножения ценностей русской православной цивилизации. На исторических примерах показываются корни русского патриотизма, который имеет три основополагающие направления: Отчизна, вера, народ.

Ключевые слова: Родина, патриотизм, национальная идея, народ, Россия.

В последнее время, в СМИ все чаще мелькают выступления различных представителей общественности, задающихся вопросом поиска национальной идеи.[1]. Сегодня, полемика в обществе, перебиравшем для определения национальной идеи уже бывшие в истории идеологемы: «Москва – Третий Рим», «Самодержавие, Православие, Народность», православную симфонию светских и духовных властей, остановилась на идее патриотизма. Патриотизм должен объединить общество и направить его на путь созидания. Будет ли отвечать она национальным интересам России? Ее многонациональному и многоконфессиональному народу? Отвечая на поставленные вопросы, конечно же, нельзя сказать, что все единодушно согласится с таким определением национальной идеи. Ведь, по сути, что такое «патриотизм»? Любовь к Родине – ответит человек, заглянув в Википедию. Любовь к Родине может объединить всех? Пожалуй, может объединить не всех, то многих. Любовь к Отчизне может объединить людей в плане добрых дел: от обустройства детских площадок до атмосферы нетерпимого отношения к коррупции. Конечно, как у всякой идеи, идея патриотизма, как национальная идея, находит и своих сторонников, и своих противников, видящих в рус-

ском патриотизме пропаганду империализма, скрывающую тоталитаризм.

Проследивая историческую канву России, некоторые историки определили главное направление, к чему на протяжении веков шло государство, расширяясь в приобретении земель – к империализму. Так, например исследователь развития империализма Д.А. Гобсон, считает, что понятие империализма содержит в себе обусловленную политику территориальной экспансии, являющиеся чем-то ненормальным, о чём он прямо пишет в вводной части своей работы «Империализм - разновидность политической экспансии»: «У каждой страны есть национальная идея, своё видение мира, своё самосознание, и это нормально. Но она не должна пропагандировать уничтожение других народов и наций».[2].

Однако, укажем, что «русский империализм» никогда не проявлял себя как ликвидатор чужой самоидентичности. Напротив, серьезные исследователи отмечают, что все народы, вошедшие в состав Российской империи не только не потеряли свои национальные или религиозные особенности, но гармонично влились в русскую культуру, как и русская культура взаимно обогатила национальный колорит вошедшего в состав импе-

рии народа. Ярko вышеприведенная мысль просматривается, например, на народах Кавказа, Средней Азии, которые с приходом на эти земли России получили полноценное развитие не только национальной культуры и экономическое развитие, но и получили развитие во всех смыслах получив российское законодательство, административные органы, развитие национальной культуры и искусства. [3].

Национальная идея, это историческое наследие каждого государства. Национальная идея, это отражение культуры, традиций, устоев и норм страны. Она отражается в стихах, картинах, книгах, фильмах, стихах, музыке и т.д. Россия, олицетворение духовно-нравственного развития человека. Олицетворение защиты традиций, культуры, и национальной идентичности. Несомненно, заслуга в сохранении самоидентичности и традиционной культуры России принадлежит Русской Православной Церкви, которая всегда стояла и стоит на патриотических позициях. Вспомним в подтверждение высказанной позиции подвиг Патриарха Ермогена в Смутное время в начале XVII века! Только благодаря Церкви, была сохранена русская государственность и самосознание! В рамках темы вспомним и о патриотической позиции РПЦ в Великую Отечественную войну! О том вкладе в победу, который сделала Церковь простив обиды, нанесенные в годы гонений на ее верных чад, и объединив в годину опасности народ против общего врага. Уместно в этой связи будет сказать и об объединяющей всех носителей русской культуры идее «Русского мира», которая также направлена на созидательный труд во благо Отчизны. Как писал Ф. М. Достоевский: «Только православие обеспечит России возможность исполнения её исторической миссии - жить высшей жизнью; Не силой, а убеждением, примером, бескорыстием, светом создавать братский союз племён и спасти Европу, заботящуюся только о текущих выгодах, от неизбежного падения».[4].

Русский патриотизм имеет исторические корни, которые могут быть определены как любовь к Богу (вера – *прим. автора*), к Отчизне, к человеку. Именно эти корни и являются определяющими идеологемы дореволюционной России: «Самодержавие, Православие, Народность».

И в этом смысле национальная идея направляет общество на защиту государства и его ценностей, будь то духовных, политических, экономических и социальных. Институт Социологии (ИС) РАН был проведен опрос: нужна ли России государственная идеология (национальная идея)? 31,6% людей считает, что нужна, и что она должна стать государствообразующей ролью русского народа. 28,2% опрошенных считает, что нужна, и что общество должно воспитываться в духе патриотизма. 27,3% опрошенных считает, что нужна, и что нужно взять за основу советские ценности, как я понимаю идея социалистического государства. 10,8% опрошенных считает, что национальную идею нельзя насаждать - общество должно само прийти к ней.

И вот эта идея родившаяся в народе была высказана В. В. Путиным на встрече с активом "Клуба лидеров" по продвижению инициатив бизнеса.[5]. Идея патриотизма наиболее соответствует историческим и духовным ценностям России, где в историческое наследие не отвергает ценности как СССР, так и дореволюционной Российской Империи. Национальная идея основывается на духовно-нравственных ценностях. Ценностях, которые формировались на протяжении всего развития Российской истории, что ясно проглядывается в гербе нашей страны. Двуглавый орёл, олицетворение царской власти. А золотой и тёмно красный цвет, служащий фоном орлу - олицетворение СССР и её идей создания социально-направленного государства. Укажем, в этой связи и на символическое значение соединения музыки (советской) и современного текста в гимне РФ. Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранять свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией» - говорил В. Путин 12.12.12.

И конечно, идея Русского мира. Создание великого государства и помощи нашим близким по духу странам, создавая непобедимый союз держав русской культуры. Национальная идея России состоит из создания сильной империи.

Очень важно, что патриотизм, как национальная идея поддержана гражданским обществом,

Сегодня в России ни смотря ни на что, много людей, которым небезразлична судьба страны. «Наше гражданское общество рождалось в болезненных, противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня является важным элементом политической жизни, - это неоспоримый факт. Более того, структурированное гражданское общество – сейчас проходит процесс его оформления - уже имеется. И именно в дальнейшем, это самое главное, должно стать итогом нашего стабильного и цивилизованного развития» - эти слова Д.А. Медведева свидетельствуют о том, что власть в современной России заинтересована в развитии гражданского общества и частных интересов. Но большую важность имеет осмысление того, какие формы и направления примет это развитие, а для этого необходимо осмысление мирового опыта в его исторических, теологических, философских, экономических и юридических аспектах.

Итак, поиск национальной идеи, которая была востребована обществом как определяющий для общества ориентир, завершился.

Библиографический список:

1. Статьи о национальной идее. http://www.aif.ru/politics/russia/kto_my_i_kuda_idem.
2. Д.А. Гобсон «Теории империализма». http://studbooks.net/61946/politekonomiya/teorii_imperializma.
3. Развитие освоенных земель. <http://fb.ru/article/201164/istoriya-sibiri-osvoenie-i-razvitie-sibiri>.
4. Ф.М. Достоевский о судьбе России. <http://religions.unian.net/religinossociety/872789-predskazanie-dostoevskogo-o-sudbah-slavyanskih-narodov.html>.
5. Национальная идея по мнению В.В.Путина. <https://ria.ru/society/20160203/1369184806.html>.

©Сазонов И.Д., 2017

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Институт управления»

И вновь о новой науке — сыскологи

Проведен обзор научных источников о науке — сыскологи. Показано, что ее основоположники понимают сыскологию в узком смысле слова, то есть как оперативно-разыскную науку и в широком смысле слова — как систему наук о профессиональной сыскной деятельности (оперативно-разыскной, контрразведывательной деятельности и других ее видах). Поддержана идея дальнейшего формирования сыскологи.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная наука, профессиональный сыск, сысcoloгия, юридическая наука.

Ранее мы уже рассматривали проблемы становления сыскологи как новой науки. Однако актуальность темы вновь нас заставляет не только к ней обратиться, но и провести системный обзор научных источников о ней.

Всего около 10 лет тому назад, в 2007 г., в журнале «Оперативник (сыщик)» профессор А.Ю. Шумилов впервые опубликовал статью о возникновении новой юридической науки — сыскологи [30, с. 10–17]. Под этой новой наукой он предложил понимать совокупность научных исследований в области оперативно-разыскной, контрразведывательной, разведывательной, частной сыскной деятельности, а также иных видов, по выражению А.Ю. Шумилова, профессиональной сыскной деятельности [11, с. 37–44; 20, с. 26–27]. Приводим его формулировку дословно: «Новая наука о профессиональной сыскной деятельности (сыскная наука, наука о профессиональном сыске или сысcoloгия) является частью отечественной науки (преимущественно юридической) и представляет собой межотраслевую систему научных взглядов, идей и представлений (совокупность знаний и концепций) о российской профессиональной

сыскной деятельности, ее принципах и практике применения, ее возникновении, современном состоянии, сущности и содержании, тенденциях и перспективах развития, соотношении со смежными объектами научного изучения, а также об аналогах за рубежом. Сысcoloгия — это система частных наук о профессиональном сыске» [31, с. 10].

В том же году уже на монографическом уровне А.Ю. Шумилов еще раз делает заявку на новую юридическую науку. В книге «Феномен научных школ профессионального сыска» он повторяет ранее сделанное им определение сыскологи и подчеркивает, что «**Основной целью** проведенного исследования послужило формирование с позиций теории права ряда базовых понятий зарождающейся науки о профессиональном сыске (оперативно-разыскной, контрразведывательной, разведывательной, частной детективной деятельности и т.д.), таких как... «профессиональная сыскная деятельность», «сысcoloгия».

Прошедшие годы показали, что идея «плотного», системного и, главное, с единых научных позиций, исследования различных проявлений профессионального

сыска нашла своих сторонников и последователей. В течение 2007—2015 гг. на страницах ряда периодических изданий, а также в соответствующих научных работах появились десятки откликов, в подавляющем большинстве которых специалисты поддерживали, так или иначе, высказанную А.Ю. Шумиловым гипотезу о зарождении новой науки — сыскологию.

Между тем автор идеи о сыскологии год от года продолжал развивать ее, обосновывать эту идею с различных сторон с помощью методов ряда наук.

Он первым среди ученых заявил о возникновении философии науки о сыске и попытался ее определить: «...методологию науки профессионального сыска можно представить как единство теории разработки аналитико-синтетических концепций (это философия науки профессиональной сыскной деятельности — логически значимый анализ и синтез учений, концепций, выступающих исходными предпосылками данной науки в целом)» [33].

В 2008 г. А.Ю. Шумилов издает препринт монографии, в котором излагает основы теории профессионального сыска и ее методологии [32]. В том же году первый сысכולог России попытался обратиться к возможностям наукометрии для измерения научных параметров формируемой новой науки (в дальнейшем автор впервые в России издаст монографию о новом научном направлении отечественной юриспруденции — юридической наукометрии предложит новый индекс для оценки труда ученых) [13; 21, с. 44–52].

В 2010 г. он публикует две научные статьи, важные для понимания авторского замысла о новой науке — сыскологии, ее соотношении с криминосысכולогией и методах их познания [10, с. 40–46; 16, с. 34–42]. В первой из них была убедительно показана необходимость объединения усилий различных ученых и научных школ в познании современной оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), в выработке единой парадигмы того, что автор назвал сысכולогией.

В 2011 г. А.Ю. Шумилов вместе с коллегой — ученым из Азербайджана Б.М. Аскеровым, пишут научную статью о зарождении сысכולогии и публикуют в ведущем

научном журнале Азербайджанской Республики [34, с. 116]. Параллельно основоположник сысכולогии публикует очередную научную работу в отечественном периодическом издании. В ней с позиций сысכולогии автор рассуждает о том, как лучше теоретически изучать современную российскую полицию и ее ОРД [18, с. 17–20].

В 2013 г. А.Ю. Шумилов публикует серию содержательных статей, в которых раскрывает различные стороны научного познания ОРД, выделяет периоды развития оперативно-разыскной науки, а также вносит предложения об уточнении паспорта научной специальности 12.00.12 с учетом новых знаний о сысכולогии [15, с. 25–29; 19, с. 50–51; 24, с. 3–14].

Особого внимания в постижении сысכולогии заслуживают монографии А.Ю. Шумилова, изданные им в последние четыре года. В них он доказательно изложил (уже на фундаментальном уровне, а не в отдельных научных статьях) взгляды о сысכולогии и ее постижении с позиций как отдельных юридических наук, так и с позиций философии и науковедения.

В 2013 г. А.Ю. Шумиловым издан первый том заявленного им фундаментального трехтомника об оперативно-разыскной науке [25]. В этой книге глубоко рассмотрены проблемы принципиально-сущностного в оперативно-разыскной деятельности (гл. 1), содержания и формы ОРД (гл. 2), начала и пределов осуществления ОРД, правового и неправого в этой деятельности (гл. 3). Автором дана периодизация научного познания отечественного сыска и определена теоретико-эмпирическая база формирования оперативно-разыскной науки (гл. 4), а также рассмотрены предыстория и рождение отечественной оперативно-разыскной науки (гл. 5).

В 2014 г. им опубликован второй том трилогии, который посвящен философии оперативно-разыскной науки (сысכולогии в узком смысле слова) [26]. Впервые в отечественных юридической науке и философии он формулирует определение философии оперативно-разыскной науки, раскрывает ее объект и предмет (гл. 1).

Автор положил начала системных философских измерений отечественной опера-

тивно-разыскной науки. Он поставил проблему о понимании сыскологию в узком и широком смыслах слова. В первом значении (узком понимании сыскологию) автору видится вся современная оперативно-разыскная наука. В широком смысле слова ее он видит, как и ранее — как формируемую науку обо всех родах и видах профессиональной сыскной деятельности (гл. 2).

Ценно для зарождающейся сыскологию видение автора о развитии оперативно-разыскной науки. А.Ю. Шумилов рассмотрел проблемы закономерностей функционирования и развития оперативно-разыскной науки, впервые среди отечественных ученых заговорил о кумулятивизме и антикумулятивизме, экстернализме и интернализме в этой молодой науке, а также выразил отношение к проблеме формирования парадигматического статуса оперативно-разыскной науки (гл. 5).

В 2015 г. А.Ю. Шумилов опубликовал первую книгу третьего тома трилогии, в которой рассмотрел объект, предмет и систему оперативно-разыскной науки (сыскологию в узком смысле слова) [27].

Особо ценно то, что профессор А.Ю. Шумилов оказался не одинок в своем начинании. В анализируемый период (2008—2015 гг.) в Российской Федерации, а также в отдельных государствах, возникших на постсоветском пространстве (Азербайджане, Беларуси, Украине), в ряде научных изданий специалисты выразили отношение (как правило, положительное) к новой науке — сыскологию.

Так, украинский ученый В.П. Крошко одним из первых поддержал новое научное начинание и стал развивать идеи сыскологию [5, с. 8–20]. Профессор А.Е. Шарихин (Российская Федерация) также одним из первых ученых (уже российских) задумался о выборе пути в дальнейшем постижении оперативно-разыскной деятельности [9, с. 9–13].

Важную роль в постижении сыскологию и ее признании сыграла международная интернет-конференция, которую в 2012 г. провела редакция журнала «Оперативник (сыщик)». С научным докладом на ней выступил инициатор сыскагогических исследований — профессор А.Ю. Шумилов [28, с. 3–6].

В частности, он отметил: «Анализ материалов конференции свидетельствует, что ее участниками накоплен, хотя и первичный, но уже достаточно солидный научный багаж как по общим проблемам сыскологию, так и по отдельным ее направлениям, прежде всего оперативно-разыскной науки.

Особо отметим, что участники конференции высказались за продолжение научных исследований интеграционных начал различных видов профессионального сыска (оперативно-разыскной, контрразведывательной, частной сыскной деятельности и др.)».

Б.М. Аскеров рассмотрел некоторые аспекты зарождения новой науки о профессиональном сыске в Азербайджане [1, с. 6–9].

В.Н. Чисников привел интересные данные о генезисе этики, морали и нравственности сыска, а также о становлении сыскологию в Украине [8, с. 19–22].

В.К. Зникин (Российская Федерация) особо отметил возможности сыскологию в научном обеспечении законотворчества в области профессионального сыска [4, с. 14–16]. Интересные и содержательные сообщения сделали и другие участники конференции: А.В. Агарков, И.И. Басецкий и В.Ч. Родевич (Республика Беларусь), А.С. Васнецова, Б.Б. Глазунов, А.Ю. Козловский, К.М. Лобзов, Н.С. Железняк, Р.Х. Рахимов (Таджикистан), Е.В. Липин и др.

В последующие годы также вышел ряд работ по сыскологию. Особо выделим две работы.

Первая из них — это книга украинского исследователя В.П. Крошко [6]. В частности, в этом издании автор не только описал многие идеи А.Ю. Шумилова о сыскологию, но и развил ряд положений данной новой науки.

Второй труд издан в 2015 г. в Республике Беларусь (на русском языке). И.И. Басецкий и В.Ч. Родевич в научном докладе «О формировании системы сыска в Республике Беларусь» пишут: «Для развития системы сыска... необходимо совместными усилиями добиться принятия концепции или рекомендательного нормативного правового акта для стран СНГ — положения об основах сыска, сыскагого права и сыскологию; рассмотреть на заседании совета глав

СНГ или глав правительств вопрос о сотрудничестве в сфере сыска и сыскной деятельности, а также о признании новой юридической науки — сыскологии» [2, с. 23].

Кроме того, отметим большую организаторскую роль журнала «Оперативник (сыщик)», из года в год уделяющего особое внимание проблематике формирования сыскологии не только в Российской Федерации, но и на научном постсоветском пространстве.

В частности, несомненный интерес представляет развернувшаяся на страницах этого журнала дискуссия о сыскологии. Например, ученый из г. Одессы (Украина) Н.Б. Саакян выразил сомнение о целесообразности формирования данной науки. Более того, он не согласился с применением в ее названии якобы устаревшего термина «сыск» [7, с. 28–31]. А.Ю. Шумилов в «ответной» статье привел убедительные доводы о необходимости формирования новой науки, а также изложил аргументы относительно якобы ее несовременного названия [17, с. 31–33].

В числе последних публикаций на тему о сыскологии нами отмечены как статьи основоположника сыскологии — А.Ю. Шумилова, так и его последователей.

Так, А.Ю. Шумилов пишет о том, что необходимо активнее развивать оперативно-разыскную науку (сыскологию) в Российской Федерации, при этом он дает оценку состоянию научных изысканий в области оперативно-разыскной деятельности [29, с. 3–13]. Постоянную заботу А.Ю. Шумилов проявляет к развитию научных представлений о сущности и содержании оперативно-разыскной науки (сыскологии), а также ее категориально-понятийного аппарата. Этим проблемам посвящены, в частности, одни из последних его научных статей [12, с. 4–9; 14, с. 20–26].

Крайне важны для изучения уже самой сыскологии (оперативно-разыскной науки) работы А.Ю. Шумилова о формировании в Российской Федерации так называемого оперативно-разыскного науковедения, а также труды о философии оперативно-разыскной науки. В них обоснованно ставится ряд новых проблем философско-научного постижения того, что автор называет оперативно-разыскной реальностью

(это не только ОРД, но и все то, что с ней связано кровными узами) [22, с. 42–46; 23, с. 41–44].

А.В. Гордин в 2015 г. в журнале «Оперативник (сыщик)» пишет: «Вместе с тем в подтверждение того, что, действительно, сыскология имеет право на жизнь как отраслевая юридическая наука, следует отметить тот факт, что существующая до этого и всеми признанная «Теория оперативно-разыскной деятельности» в общем-то нуждается в фундаментальном переосмыслении, хотя бы потому, что устоявшиеся и присущие ей положения все же выходят за рамки самой ОРД. В частности, принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов, которые по утверждению отдельных авторов присущи только ОРД, находят свое место и в других видах профессиональной (специальной) деятельности...

По этому поводу полагаем, что сыскология как перспективная юридическая наука, в основу которой по замыслу ее основоположников входит система межотраслевых научных взглядов, идей и представлений о российской профессиональной сыскной деятельности, может объединить в себе существующие и присущие этой деятельности формы, к которым относятся разведывательная, контрразведывательная, государственная охрана и др.» [3, с. 12].

Итак, научная мысль сыскологов (так уже стали называть ученых, изучающих сыскологию) крепнет и развивается, количество публикаций о сыскологии неуклонно растет, а содержащиеся в них идеи начинают овладевать умами все большего числа специалистов, делая их сторонниками единого научного познания ОРД и других видов профессиональной сыскной деятельности.

В заключение заметим, что формирование сыскологии — настоятельное требование объединения дальнейшего развития научных взглядов отечественных ученых-юристов на единую, по сути, область научных знаний о различных проявлениях профессионального сыска, ныне исследуемую разрозненно.

Библиографический список:

1. Аскеров Б.М. О некоторых аспектах зарождения новой науки о профессиональном сыске // *Оперативник (сыщик)*. 2012. № 4 (33). С. 6–9.
2. Басецкий И.И., Родевич В.Ч. О формировании системы сыска в Республике Беларусь: науч. доклад. Минск: Академия МВД РБ, 2015. С. 23.
3. Гордин А.В. К вопросу о закономерностях развития оперативно-разыскной науки в современной оперативно-разыскной реальности // *Оперативник (сыщик)*. 2015. № 2 (43). С. 12.
4. Зникин В.К. Возможности сыскологи в разработке проекта федерального закона «О профессиональной сыскной деятельности» // *Оперативник (сыщик)*. 2012. № 4 (33). С. 14–16.
5. Крошко В.П. Сысология – назревшая необходимость (о некоторых аспектах методологии профессора А.Ю. Шумилова // *Оперативник (сыщик)*. 2008. № 4. С. 8–20.
6. Крошко В.П. Сысология — парадигма профессора А.Ю. Шумилова. Новая наука о сыске. Саарбрюккен (ФРГ): ЛАП ЛАМ-БЕРТ Академик Пабблишинг, 2013.
7. Саакян Н.Б. Назад, к сыску? // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 3 (36). С. 28–31.
8. Чисников В.Н. Сысология в Украине: период возникновения и становления // *Оперативник (сыщик)*. 2012. № 4 (33). С. 19–22.
9. Шарихин А.Е. Сысология как наука или новая парадигма: выбор пути // *Оперативник (сыщик)*. 2009. № 3. С. 9–13.
10. Шумилов А.Ю. «Теория оперативно-розыскной деятельности», криминосысология или...? // *Оперативник (сыщик)*. 2010. № 2 (23). С. 40–46.
11. Шумилов А.Ю. 250 знаковых публикаций о сыске за последние 150 лет // *Оперативник (сыщик)*. 2005. № 3 (4). С. 37–44.
12. Шумилов А.Ю. В поиске сущности и содержания современной оперативно-разыскной науки: взгляд сысколога // *Оперативник (сыщик)*. 2015. № 2 (43). С. 4–9.
13. Шумилов А.Ю. Введение в юридическую наукометрию: монография М.: ИД Шумиловой И.И., 2012.
14. Шумилов А.Ю. Вводим в научный оборот новые термины и определения современной оперативно-разыскной науки // *Оперативник (сыщик)*. 2016. № 1 (46). С. 20–26.
15. Шумилов А.Ю. Вновь ставим проблему познания современной уголовно-сыскной деятельности как единой // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 2 (35). С. 25–29.
16. Шумилов А.Ю. Вопросы становления сыскной наукометрии, или об индексе цитируемости в открытых научных журналах трудов специалистов, исследующих оперативно-разыскную деятельность и смежные с ней области теории и практики // *Оперативник (сыщик)*. 2010. № 1 (22). С. 34–42.
17. Шумилов А.Ю. Вперед, к интеграции научных знаний о разрозненных проявлениях объективно единой поисково-разведывательной работы! // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 3 (36). С. 31–33.
18. Шумилов А.Ю. Как лучше теоретически изучать и организовывать современную полицию и ее оперативно-разыскную деятельность? // *Оперативник (сыщик)*. 2011. № 4. С. 17–20.
19. Шумилов А.Ю. Каким может (должно?) быть содержание нового паспорта научной специальности по оперативно-разыскной деятельности (12.00.12) // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 4 (37). С. 50–51.
20. Шумилов А.Ю. О докторрах наук в области сыска в современной России (1991—2004) // *Оперативник (сыщик)*. 2005. № 1 (2). С. 26–27.
21. Шумилов А.Ю. О разработке индекса научного признания в формирующейся оперативно-розыскной теории (криминосыслогии) // *Оперативник (сыщик)*. 2008. № 3 (16). С. 44–52.
22. Шумилов А.Ю. О философии оперативно-разыскной науки (сыслогии) // *Оперативник (сыщик)*. 2015. 1 (42). С. 42–46.
23. Шумилов А.Ю. О формировании в Российской Федерации оперативно-разыскного науковедения // *Оперативник (сыщик)*. 2014. № 4 (41). С. 41–44.
24. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в России в постсоветское время (1992–2012): периодизация, поэтапное состояние и ожидаемые направления развития // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 3 (36). С. 3–14.
25. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногра-

фия. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2013. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней.

26. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2014. Т. II: Философия оперативно-разыскной науки.

27. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: моногр. В 3 т. М.: ИД Шумиловой И.И., 2015. Т. III: Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки.

28. Шумилов А.Ю. Пять лет формирования новой науки (сыскологи): первичные результаты, проблемы и перспективы (доклад на Первой международной научной интернет-конференции по сыскологии) // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 3–6.

29. Шумилов А.Ю. Состояние и перспективы оперативно-разыскной науки в Российской Федерации»: научный доклад // Оперативник (сыщик). 2014. № 3 (40). С. 3–13.

30. Шумилов А.Ю. Сыскология, или наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 10–17.

31. Шумилов А.Ю. Сыскология, или наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 10.

32. Шумилов А.Ю. Теория профессионального сыска (сыскология): разработка основ и методологии: препринт. М.: ИД Шумиловой И.И., 2008.

33. Шумилов А.Ю. Феномен научных школ профессионального сыска: монография. М.: ИД Шумиловой И.И., 2007.

34. Шумилов А.Ю., Аскеров Б.М. О зарождении новой юридической науки — сыскологи // Доклады Национальной академии наук Азербайджана. 2011. № 3. С. 116.

©Спасенников Б.А., 2017

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
процесса ЧОУ ВО «Институт управления»

А.М. Фумин

Кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела ФКУ НИИ ФСИН России

К вопросу о наказаниях в виде ссылки и каторжных работ в Российском государстве XVI – начала XX вв.

В статье анализируются основные нормативные акты Российского государства XVI-начала XX вв., касающиеся особенностей исполнения наказаний в виде ссылки и каторжных работ.

Ключевые слова: наказание, ссылка, каторжные работы, заключенный.

Ссылка и каторжные работы в течение длительного времени занимали в отечественном перечне наказаний значительное место. Исторически наказание в виде ссылки появилось в российском праве несколько раньше института каторжных работ. Под ссылкой в отечественной юридической науке понимался вид уголовного наказания, выраженный в виде удаления осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности [2, с. 1142]. Известный пенитенциарист И.Я. Фойницкий дает подробное объяснение этому явлению: «ссылка применялась как мера опалы к политическим противникам, как мера милости к военнопленным и лицам, приговоренным к смертной казни, как мера безопасности для обеспечения общественного спокойствия, а также как способ текущего управления для несения службы и для укрепления границ» [8, с. 245].

Первое упоминание о ссылке относится к периоду царствования Ивана IV, кото-

рый, по сведениям Д.Н. Альшица, еще в 1539 году отправлял в ссылку неугодных ему лиц. Прообразом ссылки стало «выби- тие вон из земли», являвшееся мерой опалы или политической мерой и заключавшееся в «разводе жителей какого-либо города или местности целыми семьями по другим го- родам. Такие меры официальные власти предприняли, например, после присоеди- нения Новгорода и Пскова [7, с. 110].

На законодательном уровне институт ссылки был впервые закреплен «Пригово- ром о лжесвидетельствах» от 12 марта 1582 года, который четко определил назначение ссылки – «не щадить виновных, бить их кнутом, ссылать и записывать их в казаки в украинные города, в Севск, в Курск». Таким образом, достигалась двойная цель – под- вергнуть лицо наказанию и одновременно использовать его на службе государству [11, с. 28].

Согласно Соборному уложению 1649 года (Уложение) ссылка по своей распро-

странности еще сильно уступала смертной казни, телесным наказаниям и тюремному заключению; она содержалась лишь в санкциях 11 статей Уложения (ст. ст. 128, 198 гл. X; ст. 13 гл. XIX; ст. ст. 9, 10, 12-14, 16 гл. XXI; ст. ст. 3, 16 гл. XXV) [5, с. 83–257]. В большинстве случаев ссылка назначалась вместо смертной казни, а иногда – в качестве наказания за преступления средней тяжести (кражи, грабежи, побег из мест заключения и пр.). Кроме того, ссылка сочеталась с торговой казнью и телесными наказаниями, в основном с битьем кнутом (например, ст. 3 гл. XXV, ст. 13 гл. XIX Уложения).

Основной целью назначения уголовного наказания в виде ссылки в середине XVII века было удаление в отдаленные местности опасных для государственного и общественного строя лиц, а позднее – укрепление государственных границ и освоение новых земель. Уложение впервые в российском законодательстве вводило использование заключенных в качестве рабочей силы. Так, ст. ст. 9, 10 гл. XXI Уложения, закреплявшие порядок расследования дел о воровстве, устанавливали «посылать татей в кайдалах работать на всякие изделия, где государь укажет». По окончании урочных лет осужденный, отбывший наказание, ссылался в окраинные города.

Уложение не указывает сроки пребывания в ссылке; в некоторых случаях называется место ссылки – «или куда государь укажет, или в украинные города без их определения». И лишь в одном случае – для посадских тяглых людей, выдававших себя за крестьян и закладывавшихся частным владельцам, – законодатель устанавливал ссылку в Сибирь на житье на Лену (ст. 13 гл. XIX Уложения).

Статьи Уложения не определяли ни порядка отбывания данного вида наказания, ни правового положения лиц, приговоренных к ссылке. Но имеющиеся исследования позволяют сделать вывод, что условия жизни ссыльных, несмотря на первоначальные ссуды, чаще всего были достаточно тяжелыми, что объяснялось, в первую очередь, отдаленностью и необжитостью местностей, куда они направлялись.

В XVII веке передвижением ссыльных заведовал, в основном, Сибирский приказ;

однако часть полномочий по распределению приговоренных к ссылке имели Стрелецкий и Разбойный приказы. Местными органами управления ссылкой были административные органы – воеводы, их заместители и приказчики.

Доставление преступников к месту ссылки производилось небольшими партиями, охрану которых осуществлял специальный караул, назначенный в Москве. Воеводы городов, по которым должна была следовать партия ссыльных, получала от караула сопроводительные письма с указаниями. Первоначально заботиться о пропитании, одежде и подводах должны были сами арестанты, но после принятия Соборного уложения 1649 года государство начало выделять так называемое «путевое довольствие», которое хоть и не сильно, но облегчало участь лица, следовавшего в ссылку. Следует отметить, что в 1696 году в Верхотурье был построен первый особый двор со стоячим тыном, откуда ссыльные распределялись по сибирским местностям [9, с. 53].

В XVIII столетии появляется принципиально новый вид наказания – «сослание на каторгу». Под каторгой (от греч. *katergon* – галера) понимался особый вид наказания за уголовные и политические преступления, сочетавший в себе лишение свободы с особо строгим режимом содержания и привлечение заключенных к тяжелому физическому труду. Возникновение каторги в России датируется 24 ноября 1699 года, когда указ Петра I впервые предписал осужденных «положить на плаху и, от плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады и посылать в ссылку в Азов с женами и детьми и быть им на каторгах в работе». В первую очередь данный нормативный акт касался 269 стрельцов, принявших участие в бунте 1698 года.

Однако сама идея каторжных работ появилась несколько раньше, в 1668 году, и принадлежала она переводчику Посольского приказа Андрею Винуису. Он предлагал ввести каторжные работы на Хвалынском (древнее название Каспийского моря) море с применением труда осужденных лиц. Под каторгой имелись в виду гребные суда – галеры, поэтому первоначально наказание в виде каторги означало «ссылку на галеры». Наиболее широко каторжные работы были

распространены на Азове, а с утратой Азова центрами каторги стали Балтийское море, Оренбург, Ревель, Рига, Таганрог и Петербург. Указ Петра I от 14 января 1704 года закреплял смертную казнь только для виновных в совершении убийства; остальных, «которые достойны смерти, тех бить и, запятнав пятнами, посылать вечно на каторгу».

Постепенно, в связи с заменой гребных судов парусными, каторга теряет свое значение в качестве «ссылки на галеры» и рассматривается как вид уголовного наказания, связанный с принудительным выполнением тяжелого физического труда. С этого времени каторжные работы вводились не только на флоте, но и на заводах и фабриках, а также на строительстве крепостей и гаваней.

Что касается нормативно-правовой базы, регламентировавшей исполнение наказания в виде ссылки и каторги, то основным законодательным актом петровской эпохи явился Артикул воинский 1715 года. Наказание в виде каторжных работ предусматривалось в семи артикулах (арт. 63, 65, 149, 166, 167, 170, 196); некоторые из них имели весьма расплывчатые формулировки, оценочный характер и неопределенность сроков отбывания наказания [6, с. 373].

Направление на каторгу («на галеру») предусматривалось также Уставом морским 1720 года, который во многом повторял положения Артикула воинского и касался весьма ограниченного круга лиц. В частности, ссылка на галеры могла быть назначена рядовым матросам в случае их вины в том, что «корабль загоритца и згорит» [3, с. 322-386].

Но, несмотря на свое общегосударственное значение, ни Артикул воинский, ни Устав морской, ни иные подобные документы первой четверти XVIII века не определяли в полной мере порядок исполнения наказания в виде ссылки и каторжных работ. Особенности отбывания данных видов наказаний подробно регламентировались императорскими указами.

С 1721 года каторга уже четко подразделяется на два вида: вечную и временную, причем последняя назначалась не «до указа» (как это было ранее), а «по указу», то есть после истечения срока наказания

наступало освобождение арестанта. Вечная каторга являлась вторым по тяжести наказанием после смертной казни. Приговоренные к вечной каторге оставались в распоряжении государства до самой смерти; от наказания их не освобождал ни преклонный возраст, ни болезнь.

Сроки отбывания временной каторги были крайне разнообразными. В литературе встречаются сведения о ссылке на 5, 10 и 15 лет. С принятием в 1822 году Устава о ссыльных вечная или бессрочная ссылка на каторжные работы была ограничена 20 годами.

Говоря о развитии института ссылки и каторги в первой четверти XVIII века, следует отметить одно весьма существенное обстоятельство: в рассматриваемый период происходило соединение ссылки и принудительных работ (в XVII веке ссыльные, как правило, выбирали себе род занятий). Реформы Петра I породили принудительный труд осужденных преступников – «каторжные работы», отбывая которые ссыльные уже не имели права выбора рода занятий; они работали исключительно по назначению управляющих.

Во второй половине XVIII в. основным назначением ссылки и каторжных работ наряду с использованием труда осужденных продолжало оставаться заселение окраин государства. С 1760 года основными местами отбывания каторжных работ стали Екатеринбургская (просуществовала до 1800 года) и Нерчинская каторги, а немного позже – каторга на острове Сахалин. Постепенно менялся и характер каторжных работ: на смену строительству приходили работы на рудниках, заводах и фабриках.

В рассматриваемый период фактическое положение лиц, приговоренных к ссылке и каторжным работам, было крайне тяжелым. Решая судьбу ссыльных преступников, государство обычно не принимало во внимание ни время года, ни состояние здоровья осужденных. В некоторых случаях ссыльным разрешалось взять деньги и вещи, но зачастую их отправляли к месту назначения без всякой подготовки, что было для них весьма суровым испытанием. Перед отправлением на каторгу преступников, как правило, наказывали кнутом или батогами, увечили клещами и в большин-

стве случаев клеймили. Сведения, имеющиеся за 1725-1761 гг., свидетельствуют, что около 96% от общего числа осужденных к ссылке и каторжным работам подвергались различным по тяжести телесным наказаниям. К месту отбывания наказания преступники следовали в ножных кандалах, скованные попарно; пары в свою очередь соединялись канатом, металлическим прутком или цепью.

К концу XVIII века происходит жесткое разделение ссыльных на вечное поселение и ссыльных в каторжные работы. С 1798 года ссыльных стали посылать на работы отдельно от каторжных, «дабы тем их не сравнивать с преступниками, за тяжкие преступления, вместо смертной казни, вечно в работу осужденными» [4, с. 445]. В это же время перечень преступлений, за которые назначалось наказание в виде каторжных работ, существенно сократился: в нем остались убийство, квалифицированные виды кражи и грабежи. Данный момент очень важен для понимания пенитенциарной политики того времени – государство стремилось действовать строго, но справедливо, назначая наказание в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления.

Девятнадцатое столетие занимает особое место в формировании единой системы законодательства и развитии многих государственных институтов (в том числе, и института каторги и ссылки). Коренные государственные преобразования, связанные с созданием министерств и систематизацией законодательства, затронули и область исполнения наказаний. В рассматриваемый период появились первые отраслевые законодательные акты, регулировавшие основные вопросы уголовно-исполнительного характера, а правовая регламентация системы мест лишения свободы в рассматриваемый период обрела логическую завершенность. Разрозненные ранее пенитенциарные документы были соединены в Устав о ссыльных

1822 года и Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 года. Постепенно усиливалась степень законности при исполнении наказаний в виде лишения свободы: в частности, в 1822 году было законодательно закреплено решение о том, что ссылка назначалась «не

иначе, как по приговорам судебных установлений».

Устав о ссыльных, принятый в 1822 году, стал первым общегосударственным законодательным актом, целиком посвященным вопросам каторги и ссылки. Данный нормативный акт внес значительные изменения в порядок отбывания наказания в виде ссылки и каторжных работ. Все ссыльные по этому Уставу делились на приговоренных к каторге и приговоренных к ссылке на поселение. Такое деление осужденных еще больше способствовало сближению ссылки и каторги. Обязательные работы для всех категорий заключенных стали первой частью данного вида наказания.

Исполнение наказания в виде каторги и ссылки получило дальнейшее развитие с принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Уложение). Указанный правовой акт содержал довольно громоздкую систему наказаний, среди которых ссылка и каторжные работы занимали не последнее место.

Сохраняя ссылку на каторгу и ссылку на поселение, Уложение добавляет к ним ссылку на житье (ст. 34-36), которая в рассматриваемом законе получает совершенно иное толкование. Этот вид ссылки относился к исправительным наказаниям, устанавливался пожизненно и назначался независимо от сословных различий. При этом применение ссылки к осужденным низших сословий сопровождалось, как правило, телесными наказаниями. Сроки применения ссылки на житье колебались от трех месяцев до десяти лет [10, с. 40]. Как отмечал известный русский исследователь Н.С. Таганцев, «редакторы Уложения ввели это наказание для лиц привилегированных для того, чтобы продолжительностью этого наказания уравновесить соответствующие наказания для непривилегированных, всегда соединявшиеся с телесным наказанием розгами».

Согласно ст. 19 Уложения ссылка в каторжные работы и ссылка на поселение относились к уголовным наказаниям и назначались за наиболее тяжкие преступления: за отцеубийство (ст. 1920), повторное убийство или убийство близких родственников (ст. 1921, 1922), оскорбление святыни

действием (ст. 223), поджог (ст. 2108) и др. Анализируя статьи Уложения, можно сделать вывод о взаимосвязи всех видов ссылки, что объяснялось, двумя обстоятельствами: во-первых, ссылка на поселение начиналась, как правило, с заводских, то есть каторжных работ, во-вторых, по окончании каторжных работ осужденные поступали на поселение.

Крайне трудным для официальных властей стало решение вопроса о неравном соотношении полов между ссылными, о недостатке женщин, препятствующем правильной колонизации. Указанная проблема появилась еще в XVI веке, когда московское правительство предписывало «даже под строгим наказанием сибирским крестьянам выдавать своих дочерей замуж за ссыльных». По замечанию Е.Н. Анучина, в первой половине XIX века «между ссылными была одна женщина на шесть мужчин, а из добровольно следовавших за мужьями приходилась одна на 30 мужчин». С 30-х годов XIX века царское правительство в целях поощрения стало выдавать денежные награды за брак со ссылными, на что ежегодно выделялись специальные кредиты: так, в 1842 году этот кредит составил 5 600 руб., в 1850 году – около 7 000 руб. [1, с. 68].

Следует отметить, что к 60-м годам XIX века институт ссылки и каторги значительно замедлил свое развитие. Это было связано в первую очередь с отсутствием достаточного количества рабочих мест, вызванного истощением золотых приисков, где работали заключенные, а также ухудшением надзора за ними.

Таким образом, к моменту свержения самодержавия в Российской империи сложилась определенная система уголовных наказаний, среди которых ссылка и каторжные работы занимали не последнее место. Дальнейшее развитие России в корне перестроило пенитенциарную систему государства, практически сразу же исключив ссылку и каторгу из лестницы наказаний.

Библиографический список:

1. Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь за период времени 1827-1846 гг. СПб., 1873.
2. Большой энциклопедический словарь. СПб., 2002.
3. Законодательство Петра I. М., 1997.
4. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004.
5. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. М., 1985.
6. Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. М., 1994.
8. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. М., 2000.
9. Фумм А.М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в отношении иностранцев в дореволюционной России: моногр. М., 2011.
10. Фумм А.М. Организационно-правовые аспекты становления и развития института колоний-поселений в Российской империи (XVIII-начало XX вв.) // Российский следователь. 2007. № 18.
11. Фумм А.М. Уголовно-исполнительные (карательные) нормы в отечественном законодательстве XI-XVI вв. // Уголовное право. 2012. № 1.

©Спасенников Б.А., Фумм А.М., 2017

Н.С. Богачева

Юрист, Архангельская областная клиническая больница, соискатель степени магистра права, ЧОУ ВО «Институт управления»

А.В. Миронов

Кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель Вологодского института ФСИИ России

О состоянии невменяемости в уголовном праве России

Статья посвящена научно-практическому анализу статьи 21 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: невменяемость, Уголовный кодекс, научное толкование.

Согласно статье 21 «Невменяемость» УК РФ:

«1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

2. Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом» [2].

Вызывает беспокойство тот факт, что в различных регионах страны количество лиц, признанных судом невменяемыми, существенно различается, что определяет необходимость доктринального, единообразного толкования этой уголовно-правовой

нормы [1, с. 26-32; 3, с. 63-67; 4, с. 149-150; 5, с. 61-66].

Если понятие вменяемости как способности к осознанно-волевой регуляции поведения во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК, раскрывается в теории уголовного права [6, с. 57-62; 8, с. 54-57; 9, с. 58-61], то понятие невменяемости, на наш взгляд, полно формулируется в Уголовном кодексе.

Невменяемость лица – его неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время совершения общественно опасного деяния вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Можно сказать, что понятие невменяемости «зеркально» отражает понятие вменяемости [10, с. 46-52; 11, с. 31-37; 12, с. 33-40; 13, с. 33-36].

По мнению профессора Б.А. Спасенникова, в следственно-судебной практике под невменяемостью лица понимается отсутствие

у него способности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК, вследствие его психического расстройства [14, с. 26-31; 15, с. 210-215; 16, с. 41-45; 17, с. 37-43]. Такое понимание закона связано с тем обстоятельством, что лицо в большинстве случаев осознает (полностью или частично) фактический характер своих действий (бездействия), но не понимает их общественную опасность. Например, лицо, страдающее шизофренией с бредом преследования (хроническое психическое расстройство), нанеший удар ножом в шею «преследователю» – коллеге по работе, осознавал, что у него в руке нож, удар которым в шею «преследователя» «прекратит преследование», то есть осознавал фактический характер своих действий; однако общественную опасность своих действий лицо не осознавало.

Невменяемость лица включает в себя одновременную совокупность медицинского и юридического критериев [18, с. 46-50; 19, с. 15-19].

К медицинскому критерию невменяемости лица относится факт наличия у него хронического психического расстройства, либо временного психического расстройства, либо слабоумия, либо иного болезненного состояния психики [20, с. 36-39; 21, с. 70-71; 22, с. 40-44; 23, с. 49-55]. К хроническим психическим расстройствам относятся непрерывно или приступообразно протекающие психические расстройства, имеющие тенденцию к прогрессированию и приводящие к глубоким и стойким личностным изменениям (например, шизофрения) [24, с. 6-10; 25, с. 49-54; 26, с. 13-17; 27, с. 17-22]. К временным психическим расстройствам относятся преходящие, обратимые, заканчивающиеся улучшением, вплоть до полного выздоровления, психические расстройства (например, алкогольный психоз). Слабоумие лица – состояние умственного недоразвития или упадка его психической деятельности, связанное с повреждением мозга генетическими, травматическими, интоксикационными или иными факторами, сопровождающееся поражением интеллекта, в первую очередь – уровня суждений и критики, необратимыми

изменениями личности, выраженным снижением или невозможностью его социального приспособления. К иным болезненным состояниям психики лица относятся те, которые не являются, по существу, болезненными, но нарушают его социальную адаптацию [28, с. 252-256; 29, с. 119-122; 30, с. 120-124; 31, с. 28-31; 35, с. 28-31].

На наш взгляд, юридический критерий невменяемости лица предполагает обязательное влияние психического расстройства на его осознанно-волевое поведение во время (в момент) совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК. Если психическое расстройство лица (например, легкая форма дебильности) не повлияло на его осознанно-волевое поведение во время деяния (например, нападение в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья человека, в составе группы лиц по предварительному сговору, с применением оружия), то лицо признается судом, вменяемым.

Невменяемость лица устанавливается судом. Основанием для вынесения судебного решения о невменяемости лица являются данные дела, в том числе и заключение судебно-психиатрической экспертизы. В следственно-судебной практике, к сожалению, встречаются случаи переоценки значения заключения судебно-психиатрической экспертизы, избыточного внимания к наличию медицинского критерия невменяемости лица при игнорировании юридического критерия. Например, наркотическое «голодание» лица возникает при его хроническом психическом (наркологическом) расстройстве – наркомании, но оно не приводит к потере его осознанно-волевого поведения во время совершения деяния, предусмотренного статьей 176 УК, если даже психиатры-эксперты полагают обратное.

У лица с тяжелым, активно протекающим психическим расстройством, глубоко изменяющим его личность, сразу же после совершения им общественно опасного деяния задержанного и направленного на судебно-психиатрическую экспертизу, оценка медицинского критерия является простой и не расходится с юридической оценкой. У лица, совершившего общественно опасное деяние, задержанного и направленного на судебно-

психиатрическую экспертизу через несколько месяцев после его совершения, картина психического расстройства зачастую не выражает острых психических расстройств, а носит характер психической реакции на задержание, что существенно снижает достоверность оценки медицинского критерия [36, с. 4-8; 37, с. 198-199; 38, с. 17-20; 39, с. 44-51].

Работники следствия и суда подчас переоценивают возможности врачей-психиатров, которые в своих заключениях подчас делают выводы о вменяемости-невменяемости подэкспертных. К сожалению, в заключениях экспертов невменяемость лица часто не связывается со временем совершения им деяния, запрещенного уголовным законом. Зачастую работники следствия и суда не обязывают экспертов анализировать способность субъекта к осознанно-волевой регуляции поведения в отношении инкриминируемого ему деяния.

Наличие психического расстройства у лица, совершившего деяние, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса России, не может вести к обязательному признанию его невменяемым. Как мы указали выше, к сожалению, количество лиц, признанных судом невменяемыми, существенно разнится в различных регионах России, что не может не вызывать обеспокоенность уровнем единообразия судебной практики.

Приходится отмечать, что в РФ возможности достоверного прослеживания динамики психических расстройств у лиц, ими страдающих, в последние годы сократились. Существенное ограничение оснований для постановки на диспансерный учет в психоневрологическом лечебно-профилактическом учреждении привело к сокращению случаев, когда в распоряжении следствия имеются документальные данные о динамическом наблюдении больных психиатрами в прошлом. Поэтому, увеличивается роль и значение надлежащего изучения подследственного (подсудимого) в ходе следствия и суда.

Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные главой 15 УК. Принудительные меры меди-

цинского характера могут быть назначены судом, то есть их назначение – право, а не обязанность суда.

Эффективность принудительных мер медицинского характера определяется современной психофармакотерапией [7, с. 410-417; 32, с. 314-322; 33, с. 70-81; 34, с. 48-51; 40].

После прекращения применения принудительных мер медицинского характера лицо, признанное судом невменяемым, не подлежит уголовной ответственности только за то деяние, в отношении которого оно признано невменяемым. Лицо, признанное невменяемым по одному делу, может быть признано вменяемым по другому делу, хотя хроническое психическое расстройство, или слабоумие, или иное болезненное состояние психики у него не излечено. Например, лицо, страдающее слабоумием, признанное судом невменяемым за совершение деяния, предусмотренного статьей 337 УК, вместе с тем может быть признано вменяемым за совершение деяния, предусмотренного статьей 131 УК.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
2. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учебное пособие. Архангельск, 2013.
3. Болбат Н.А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 63-67.
4. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
5. Дивитаева О.А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Институ-

- та управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
6. Дивитаева О.А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
7. Дюкова Г.М., Спасенников Б.А. Синдром Мюнхаузена в медицинской практике // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 56. С. 410-417.
8. Кожин Г.В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 54-57.
9. Колпакова А.О. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 58-61.
10. Мишуков С.Е., Годованец О.Г. О наказании виновного, страдающего психическим расстройством, в судебной практике // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 46-52.
11. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастения у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
12. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
13. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.
14. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.
15. Спасенников Б.А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210-215.
16. Спасенников Б.А. О значении неврастения в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
17. Спасенников Б.А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
18. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
19. Спасенников Б.А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15-19.
20. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
21. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
22. Спасенников Б.А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40-44.
23. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.
24. Спасенников Б.А., Белоус В.Г., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.
25. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Расстройства личности у осужденных в пенитенциарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.
26. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.
27. Спасенников Б.А., Лаверычева С.А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17-22.
28. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе

России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.

29. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.

30. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.

31. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осужденных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28-31.

32. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и Феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovaInfo. 2016. Т. 1. № 54. С. 314-322.

33. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // Вестник международного Института управления. 2016. № 5-6 (141-142). С. 70-81.

34. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48-51.

35. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Преступное поведение и психические расстройства // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 28-31.

36. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н., Вилкова А.В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.

37. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 198-199.

38. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17-20.

39. Швырев Б.А., Белоус В.Г., Кудряшов О.В. Проблема невменяемости в иностранном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 44-51.

40. Akharkina V.I., Spasennikov B.A., Spasennikova M.G. Application of Phenotropilum in angioneurology. USA, 1996.

©Богачева Н.С., Миронов А.В., 2017

Б.А. Спасенников

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Институт управления»

О возрасте субъекта преступления, предусмотренного статьей 321 Уголовного кодекса России

В статье представлено доктринальное толкование статьи 321 Уголовного кодекса России. Показано, что к 14 годам жизни формируется устойчивая способность к осознанно-волевой регуляции поведения; интеллектуальный потенциал субъекта в этом возрасте позволяет воспринимать, осмысливать информацию, необходимую для осознанных действий; формируется волевой контроль, который связан со способностью субъекта осознавать причину и цель действий. У 14-летнего несовершеннолетнего развито самосознание как механизм управления поведением. Правильно сформировавшееся в несовершеннолетнем возрасте чувство ответственности за свои действия сохраняется практически до конца жизни. Поэтому, уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 321 УК РФ, должна возникать с 14 лет, так осужденным в этом возрасте, находящимся в местах лишения свободы, а также подозреваемым (обвиняемым), находящимся в местах содержания под стражей, противоправность и наказуемость дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заведомо известна и понятна.

Ключевые слова: уголовное право, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, возраст уголовной ответственности.

Согласно статье 321 УК РФ: «1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы –

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, –

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет» [5].

При исполнении должностными лицами своих служебных обязанностей они обеспечиваются усиленной защитой, в том числе и привлечением лиц, препятствующим такой деятельности, к уголовной ответственности. Статья 321 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» включена в главу 32 «Преступления против порядка управления» УК РФ (здесь и ниже говорится о нормах Уголовного кодекса Российской Федерации). Она логично представлена после ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов», ст. 318 «Применение насилия в отношении представителя власти», ст. 319 «Оскорбление представителя власти» [2, с. 26-32; 4, с. 13-18; 6, с. 15-17]. Статья 321 в части применения физического или психического насилия к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей или его близких является специальной по от-

ношению к сходной норме, содержащейся в ст. 318. Поэтому в случае конкуренции норм ответственность должна наступать по ст. 321, как наиболее полно описывающей соответствующее преступление [1, с. 109; 9, с. 78-81; 10, с. 57-66; 11, с. 46-49; 12, с. 23-26].

К учреждениям, обеспечивающим изоляцию от общества, относятся места лишения свободы и места содержания под стражей.

Согласно статье 56 «Лишение свободы на определенный срок» лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Следовательно, под местами лишения свободы в отечественном уголовном праве понимаются колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония общего, строгого или особого режима либо тюрьма, а также следственные изоляторы, в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию [13, с. 32-37; 15, с. 57-62; 16, с. 66-72].

К местам содержания под стражей относятся следственные изоляторы ФСИН России, следственные изоляторы ФСБ России, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых погранвойск ФСБ России, а также специальные помещения исправительных учреждений ФСИН России, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность места лишения свободы или места содержания под стражей, находящиеся под уголовно-правовой охраной [17, с. 56-58; 18, с. 50-53; 19, с. 25-27].

Дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь и здоровье, находящиеся под уголовно-правовой охраной. Под нормальной деятельностью этих учреждений понимается установленный порядок исполнения и отбывания наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных

интересов, обеспечение порядка и законности в учреждениях, личную безопасность осужденных и сотрудников [23, с. 59-62].

Статья 321 предусматривает, по существу, три самостоятельных состава преступления, которые осуществляются путем осознанно-волевого действия. Объективная сторона, предусмотренная частью первой рассматриваемой статьи, предусматривает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного либо угрозу применения насилия в отношении его. К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относится применение физического насилия, причиняющего легкий вред здоровью, не повлекший утраты трудоспособности, а также побои и иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической и психической боли. Насилие, не опасное для жизни или здоровья осужденного, может быть связано и с ограничением его свободы (удержанием). Оно может повлечь появление поверхностных повреждений в виде кровоподтеков, ссадин, небольших ран, слабого недомогания. Это незначительные, скоро проходящие последствия.

Угроза применения насилия, как правило, выражается в крайних формах устрашения. Угроза должна быть существенной и реальной, когда у осужденного имеются объективные основания опасаться ее осуществления [20, с. 29-32].

Насилие в отношении одного осужденного вызывает устрашение иных осужденных, создает противодействие администрации учреждения по исправлению осужденного, достижению целей наказания, то есть дезорганизует деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел, то есть виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Обязательным признаком субъективной стороны является цель воспрепятствовать исправлению осужденного, либо мотив мести за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Действия виновного направлены на прекращение социально

значимой деятельности осужденного либо являются мстью за такую деятельность.

Воспрепятствование исправлению осужденного – это противодействие формированию у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированию правопослушного поведения; противодействие управлению уголовно-исполнительной системой исполнительной ветви государственной власти, поэтому этот состав преступления включен в 32 главу УК.

Под администрацией учреждения или органом уголовно-исполнительной системы следует понимать сотрудников учреждения места лишения свободы или места содержания под стражей, а также сотрудников вышестоящих учреждений соответствующего ведомства. Содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы может заключаться в сообщении о совершенных или готовящихся правонарушениях, участии в самостоятельных организационных осужденных и др.

Субъект преступления – осужденный, способный к осознанно-волевому поведению во время совершения деяния, достигший возраста 16 лет. Субъектом преступления может быть вменяемое лицо, содержащееся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигшее возраста 16 лет, если потерпевший – осужденный, отбывающий наказание в следственном изоляторе [3, с. 11-16; 7, с. 53-61; 8, с. 149-150].

На наш взгляд, уголовная ответственность за это преступление должна возникать с 14 лет, так в этом возрасте осужденные, а также подозреваемые (обвиняемые), содержащиеся в местах содержания под стражей, в полной мере осознают цель и мотив своих действий, противоправность и наказуемость такого деяния [14, с. 61-66; 21, с. 5-8; 23, с. 54-78]. Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывание угрозы его применения.

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью второй статьи 321, предусматривает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу применения насилия, совершенное в отношении в отношении сотрудника учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а равно его близких. Преступление может быть

совершено как в месте лишения свободы или месте содержания под стражей, так и за их пределами. Необходимый признак объективной стороны такого состава преступления – причинно-следственная связь между совершенным преступлением и служебной деятельностью сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей. Под осуществлением служебной деятельности понимаются любые правомерные действия потерпевшего, которые входили в круг его служебных обязанностей в учреждении, обеспечивающем изоляцию от общества.

При совершении преступления против работника или служащего места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких преступление квалифицируется согласно нормам главы 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Сотрудник места лишения свободы – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Сотрудник места содержания под стражей – лицо, имеющее специальное звание сотрудника уголовно-исполнительной системы или внутренних дел либо военнослужащий ФСБ или погранвойск ФСБ России.

К близким лицам, относятся родственники, а также иные лица, жизнь, здоровье, благополучие которых дороги сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей в силу родственных или иных личных отношений.

Субъективная сторона преступления – прямой умысел. Обязательным признаком субъективной стороны является цель воспрепятствовать служебной деятельности потерпевшего или мотив мести за такую деятельность.

Субъект преступления общий. Чаще это осужденный или лицо, содержащееся под стражей (подозреваемый, обвиняемый), достигший возраста 16 лет, вменяемый. Насилие в отношении близких сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, по мотивам предусмотренным статьей 321, может совершить любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 летнего возраста. В последнем случае место преступления находится вне учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

На наш взгляд, уголовная ответственность также должна возникать с 14 лет, так

как в этом возрасте противоправность и наказуемость такого деяния заведомо известна и понятна.

Объективная сторона, предусмотренная частью третьей рассматриваемой статьи, предусматривает, по существу, два отдельных состава: 1) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких, совершенные организованной группой; 2) применение насилия, опасного для жизни или здоровья осужденного либо сотрудника учреждения, обеспечивающих изоляцию от общества, либо его близких. Место преступления описано выше.

Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, или совершения нескольких преступлений. О признаке ее устойчивости следует говорить, когда группа заранее, заблаговременно образовалась с целью подготовки преступления, преодоления сопротивления к его совершению. Лица, входящие в организованную группу, должны быть соисполнителями дезорганизации деятельности учреждения.

Насилие является опасным для жизни или здоровья в тех случаях, когда оно сопряжено с реальным причинением легкого, среднего или тяжелого вреда здоровью, либо, когда насилие не повлекло причинение вреда здоровью потерпевшего, но ставило его жизнь или здоровье под угрозу опасности причинения такого вреда. Результат такого насилия – дезорганизация нормальной работы учреждения. Прямой умысел определяет субъективную сторону такого преступления. Цель и мотив преступления описаны выше.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако, при всём разнообразии темпов и характера интеллектуального развития несовершеннолетних, к 14 годам жизни формируется устойчивая способность к осознанно-волевой регуляции поведения; интеллектуальный потенциал субъекта в этом возрасте позволяет воспринимать, осмысливать информацию, необходимую для осознанных действий; формируется волевой контроль

(например, способность сдерживать проявления агрессии по отношению к другому осужденному или сотруднику учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), который связан со способностью субъекта осознавать и оценивать цель и мотив своих действий, что определяет возможность и необходимость снижения возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 321. Чем более высокий уровень ответственности предъявляют общество и государство к несовершеннолетнему, тем большую ответственность он демонстрирует своим поведением. Правильно сформировавшееся в несовершеннолетнем возрасте чувство ответственности за свои действия сохраняется практически до конца жизни.

Преступления, предусмотренные статьей 321, относятся к числу формальных составов преступления. Преступление окончено в момент применения насилия либо высказывание угрозы его применения. Санкция статьи включает только лишение свободы на определенный срок, что обоснованно.

Итак, если несовершеннолетний осознает, что цель и мотив совершения преступления, то уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 321 УК РФ, должна возникать с 14 лет, так в этом возрасте противоправность и наказуемость дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, заведомо известна и понятна.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 109.
2. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
3. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 11-16.
4. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 13-18.

5. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учебное пособие. Архангельск, 2013.
6. Болбат Н.А., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Об эффекте Даннинга-Крюгера у осужденных к лишению свободы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20). С. 15-17.
7. Бычкова А.М. Региональная динамика состояния общественно-опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1. С. 53-61.
8. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
9. Выдрин И.В., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Проблема декриминализации побоев // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3 (19). С. 78-81.
10. Голодов П.В., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Уголовно-исполнительное законодательство: проблемы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 57-66.
11. Дзампаев З.Ю. Общая характеристика отечественного законодательства по противодействию экстремистской деятельности // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 46-49.
12. Дзампаев З.Ю., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Общая характеристика отечественного законодательства по противодействию экстремистской деятельности // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 23-26.
13. Дзампаев З.Ю., Швырев Б.А., Кудряшов О.В., Цатуров А.В. Террористический акт (комментарий статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 32-37.
14. Дивитаева О.А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
15. Дивитаева О.А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
16. Костик Е.В. Обстоятельства, отягчающие наказание // Вестник международного института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 66-72.
17. Костик Е.В. Понятие и цели наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 56-58.
18. Костик Е.В. Продолжительность сроков лишения свободы в России: проблемы исполнения и перспективы развития // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 50-53.
19. Кудряшов О.В. Проблемы освобождения от наказания в связи с психическим расстройством // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 6. С. 25-27.
20. Кудряшов О.В., Дивитаева О.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник международного института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 29-32.
21. Рачкова А.М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск, 2004.
22. Рачкова А.М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иркутск, 2004.
23. Швырев Б.А. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 59-62.

©Спасенников Б.А., 2017

О.Р. Леонтьева

Магистрант ЧОУ ВО «Институт управления»

Проблемы оценки деятельности оперативных подразделений

Рассмотрены некоторые вопросы влияния действующей системы оценки деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы на ее эффективность.

Ключевые слова: система оценки деятельности, оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, критерии оценки.

Происходящие в последние годы в России политические процессы, социально-экономические преобразования, незаконная миграция, обострение радикальных настроений, основанных на религиозной, национальной почве, увеличение незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и другие обстоятельства, к сожалению, создают благоприятную почву для роста преступности в нашей стране. Для успешной борьбы с ней правоохранительными органами предпринимаются различные меры организационного и правового характера: реформируются организационные структуры правоохранительных органов, создаются новые подразделения, совершенствуется нормативно-правовое регламентирование правоохранительной деятельности, внедряются в практику новые научно-технические разработки, что в совокупности позволяет активно противостоять современным угрозам безопасности страны [7, с. 19-22; 8, с. 48-53; 9, с. 57-60; 10, с. 142-144].

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) в виду специфики выполняемых задач особым образом подвержена влиянию указанных негативных факторов, которые в совокупности можно отнести к внешним. Вместе с тем, существует и ряд внутренних факторов, негативным образом влияющих на криминогенную обстановку в учреждениях УИС [11, с. 144-146; 12, с. 16-18; 13, с. 7-9; 14, с. 29-32]. По нашему мнению, к таким

факторам можно отнести ныне существующую систему оценки деятельности оперативных подразделений УИС, которая, на наш взгляд, может быть признана устаревшей.

Несмотря на комплексное реформирование УИС, проблема оценки качества выполняемых оперативными подразделениями задач, рационального использования полномочий и возможностей, предоставленных им государством, остается актуальной. Система оценки эффективности оперативно-служебной деятельности по критериям «роста» или «снижения» регистрируемых преступлений, их раскрываемости и недопущения может быть оценена как «порочная». Оценочные категории, например, «допущен рост», «достигнуто снижение» уже давно морально устарели и перестали отвечать современным требованиям [6, с. 33; 20, с. 35-39; 21, с. 17-22; 22, с. 30-34; 23, с. 26-30].

Объективная оценка результатов деятельности оперативных подразделений УИС необходима для проведения анализа качества выполнения задач, поставленных перед ними, выявления «узких мест», принятия адекватных управленческих решений, направленных на оптимизацию их организационной и практической деятельности, выявления, обобщения и распространения передового опыта работы оперативных подразделений, добившихся лучших результатов, а также поиска новых прогрессивных способов борьбы с преступностью. Вместе с тем определе-

ние качества решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями УИС, невозможно без разработки научно обоснованных критериев оценки эффективности их деятельности.

Основным недостатком существующих критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС является фактическое подчинение практической деятельности этих подразделений статистическим показателям. Складывается парадоксальная ситуация, когда подразделения в повседневной деятельности направляют свои усилия в основном не на решение задач, вызванных оперативной обстановкой, а на формирование определенного количества показателей, улучшающих результаты статистической отчетности.

В таких условиях руководитель подразделения при принятии управленческих решений вынужден ориентироваться не на сложившуюся оперативную обстановку, а на отчетные показатели, направляя потенциал подчиненного ему аппарата в первую очередь на удовлетворение потребностей так называемой «палочной системы».

Изучение ведомственных отчетов по основным направлениям деятельности оперативных подразделений УИС показывает, что многие количественные показатели не отражают реального состояния противодействия преступности в учреждениях УИС, а носят в основном формальный характер.

Подобная практика приводит к тому, что результаты работы одного оперативного сотрудника, например, следственного изолятора, по раскрытию преступлений в несколько раз превосходят аналогичные результаты оперуполномоченного отдела внутренних дел. Подобная ситуация наблюдается и по другим показателям работы оперативных подразделений УИС.

Между тем процесс формирования количественных показателей, их наращивание по сравнению с аналогичным показателем прошлого года (АППГ), требуют от сотрудников оперативных подразделений определенных ресурсов, в первую очередь временных. При этом необходимо отметить, что данная функция, на наш взгляд, имеет приоритетное значение в рабочем распорядке сотрудников указанных подразделений и занимает значительную часть их рабочего времени. Учитывая низкую эффективность резуль-

татов мероприятий, проведенных лишь для формирования статистической единицы, полагаем возможным признать подобный путь развития ОРД в УИС экстенсивным, а негативное воздействие количественных показателей – фактором, негативно влияющим на деятельность оперативных подразделений УИС.

По нашему мнению, функция статистических показателей должна ограничиваться лишь объективным отражением того объема работы, который был проделан тем или иным оперативным подразделением за определенный промежуток времени.

Наряду с этим в статистических отчетах в качестве критериев оценки деятельности оперативных подразделений территориальных органов и учреждений УИС определены такие показатели как «наличие» или «отсутствие» организационно-правовых документов (положения об оперативных подразделениях территориальных органов ФСИН России, должностные инструкции, планы работы); документов по организации взаимодействия с правоохранительными органами (проводятся координационные совещания с представителями правоохранительных органов, имеются протоколы совещаний и совместные планы работы, и т.п.), которые по своей природе не могут являться оценочными показателями [1; 2, с. 42-51; 3, с. 22-25; 4, с. 10-14; 5, с. 57-66].

Оценка эффективности деятельности оперативных подразделений по количеству выявленных дисциплинарных проступков также вызывает сомнение, поскольку, на наш взгляд, деятельность этих подразделений должна быть направлена исключительно на противодействие преступности [35, с. 31-37; 36, с. 50-53; 37, с. 20-23; 38, с. 47-53; 39, с. 24-27].

Разработка научно обоснованных критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС представляет собой сложную проблему, решение которой требует системного, комплексного подхода [15, с. 128-133; 16, с. 126-128; 17, с. 167-173; 18, с. 39-44; 19, с. 56-62].

Формализация критериев оценки, их перевод в количественную плоскость действительно необходимы для понимания того объема работ, который выполнен конкретным оперативным подразделением. Слож-

ность заключается в том, что подобная система оценок не способна отразить качество их выполнения [24, с. 13-19; 25, с. 27-30; 26, с. 35-38; 27, с. 120-124; 28, с. 6-10]. В современных условиях, когда вектор управленческой деятельности направлен на повышение количественного результата работы оперативного подразделения, вопросы его качества не являются приоритетными для руководителей этих подразделений.

Оценка любого вида деятельности представляет собой процесс определения степени реализации поставленных задач, то есть насколько качественно выполнены те или иные задачи, поставленные перед подразделением. Таким образом, можно предположить, что для определения критериев оценки оперативных подразделений УИС, прежде всего, необходимо уточнить, в том числе и на законодательном уровне, задачи, стоящие перед ними, организовать их деятельность на принципах научного управления, и по мере решения поставленных задач давать оценку деятельности подразделения. При этом необходимо учитывать, что задачи на каждом уровне управления разные, а, значит, критерии оценки их деятельности также должны быть разными, в зависимости от уровня управления (ФСИН России, территориальный орган, учреждение) и объекта управления.

В заключение отметим, что система критериев оценки деятельности оперативных подразделений УИС по своей сути является одной из функций управленческой деятельности и должна способствовать повышению эффективности их деятельности, а также достижению целей, поставленных перед ними [29, с. 150-156; 30, с. 14-16; 31, с. 43-48; 32, с. 9-11; 33, с. 36-40; 34, с. 29-32]. Вместе с тем, рассмотренные вопросы традиционно актуальны не только для УИС, но и для других органов, осуществляющих ОРД. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо концептуально пересмотреть существующую систему оценки деятельности оперативных подразделений УИС, разработать построенную на научных основах новую систему оценки, экспериментально внедрить ее в учреждениях одного отдельно взятого территориального органа, всесторонне проанализировать складываемую в новых условиях оперативную обстановку и состояние преступности и

в случае признания новой системы более результативной, распространить передовой опыт в других регионах России.

Библиографический список:

1. Приказ ФСИН России от 14 июня 2012 года № 325 «Об установлении оценки деятельности территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний при инспектировании». Архив ФСИН России, 2012.
2. Белоус В.Г., Голодов П.В., Пертли Л.Ф. Правоохранительная система России в современной историографии // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3-4 (49-50). С. 42-51.
3. Ветрова И.В., Спасенников Б.А. Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 22-25.
4. Голодов П.В., Спасенников Б.А. Анализ зарубежного опыта пенитенциарной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 10-14.
5. Голодов П.В., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Уголовно-исполнительное законодательство: проблемы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 57-66.
6. Исиченко А.П., Егорова Е.В., Фумм А.М. Оперативно-розыскная криминология: пенитенциарный аспект. М., 2011. С. 33.
7. Киселев Э.П., Спасенников Б.А. Основные требования к порядку применения мер принуждения в уголовно-исполнительной системе // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 19-22.
8. Леонтьева О.Р., Выдрин И.В. Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности по профилактике преступлений в пенитенциарной системе // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. №. 3-4 (55-56). С. 48-53.
9. Налбадян Р.Г. О некоторых организационно-правовых проблемах внедрения прогрессивных способов охраны учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4. С. 57-60.

10. Налбандян Р.Г., Спасенников Б.А. Анализ определения «оперативный эксперимент» // NovaInfo. 2015. Т. 1. № 37. С. 142-144.
11. Налбандян Р.Г., Спасенников Б.А. О критериях оценки деятельности оперативных подразделений ФСИН России // NovaInfo. 2015. Т. 1. № 37. С. 144-146.
12. Налбандян Р.Г., Спасенников Б.А. Принуждение при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями ФСИН России // Оперативник (сыщик). 2016. № 2 (47). С. 16-18.
13. Налбандян Р.Г., Спасенников Б.А. Система оценки деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России как фактор, влияющий на ее эффективность // Оперативник (сыщик). 2016. № 1 (46). С. 7-9.
14. Налбандян Э.П., Спасенников Б.А. К вопросу о понятии «оперативный эксперимент» // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 29-32.
15. Спасенников Б.А. Использование иностранного опыта для совершенствования деятельности пенитенциарной системы России // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 128-133.
16. Спасенников Б.А. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 126-128.
17. Спасенников Б.А. О новом научном направлении в юриспруденции – сыскологи (обзор отечественных и зарубежных источников) // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 167-173.
18. Спасенников Б.А. Сыскология – новое научное направление в юриспруденции // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 5-6 (51-52). С. 39-44.
19. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 56-62.
20. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Пермского института ФСИН России. 2015. № 1 (16). С. 35-39.
21. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Зарубежный опыт пенитенциарной деятельности: обзор литературы // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 17-22.
22. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Зарубежный опыт пенитенциарной деятельности // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1 (21). С. 30-34.
23. Спасенников Б.А., Кондратовская С.Н., Мухтарова Е.А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (доктринальное толкование) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 26-30.
24. Спасенников Б.А., Лаверычева С.И. Некоторые аспекты преодоления противодействия раскрытию преступлений, совершаемых в следственных изоляторах // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 3-4 (55-56). С. 13-19.
25. Спасенников Б.А., Масленников Е.Е. Действия сотрудников уголовно-исполнительной системы при совершении побегов осужденными и лицами, содержащимися под стражей // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 27-30.
26. Спасенников Б.А., Масленников Е.Е. Проблемы безопасности уголовно-исполнительной системы // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1 (21). С. 35-38.
27. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.
28. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 6-10.
29. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Вопросы совершенствования оперативно-розыскных и профилактических мероприятий в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического и экстремистского характера, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (15). С. 150-156.
30. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. О совершенствовании оперативно-розыскных мероприятий в среде лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистского харак-

тера // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45). С. 14-16.

31. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Оптимизация правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в учреждениях ФСИН России // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4 (43-44). С. 43-48.

32. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в учреждениях ФСИН России // Оперативник (сыщик). 2014. № 4 (41). С. 9-11.

33. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Проблемы правового регламентирования оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 36-40.

34. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Проблемы противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2. С. 29-32.

35. Спасенников Б.А., Цатуров А.В. Противодействие распространению религиозной и экстремистской идеологии в учреждениях

ФСИН России // Вестник международного Института управления. 2014. № 3-4 (127-128). С. 31-37.

36. Спасенников Б.А., Швырев Б.А., Белоус В.Г. Актуальные проблемы науки оперативно-розыскной деятельности: обзор литературы // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 50-53.

37. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения личной безопасности в уголовно-исполнительной системе // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 20-23.

38. Цатуров А.В. Оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистского характера // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5-6. С. 47-53.

39. Швырев Б.А., Спасенников Б.А. Совершенствование информационного обеспечения уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 24-27.

©Леонтьева О.Р., 2017

С.Е. Мишуков

**Майор полиции, соискатель степени магистра права,
ЧОУ ВО «Институт управления»**

Комментарий к статье 22 Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья посвящена научно-практическому анализу статьи 22 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Уменьшенная вменяемость. Уголовный кодекс. Научное толкование.

Согласно статье 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» УК РФ: «1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. 2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» [2].

Выявляется все большее количество лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, обнаруживающих психические расстройства, которые оказывают влияние на их интеллектуально-волевые процессы, определяют уменьшенную сиюминутную (актуальную) способность прогнозировать последствия своих действий и руководить ими, то есть играют существенную роль в механизме преступного поведения [1, с. 26-32; 3, с. 63-67; 4, с. 149-150; 5, с. 61-66; 6, с. 57-62]. При этом зачастую субъект полностью не лишён возможности сознательного и произвольного поведения, когда его способность осознавать свои действия, значение инкриминируемых поступков, руководить ими не утрачена совсем, но, на наш взгляд, по сравнению с общепринятой медико-психологической нормой реально уменьшена.

Вменяемость лица – его способность к осознанно-волевой регуляции поведения в момент совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной частью УК [8, с. 54-57; 9, с. 58-61; 10, с. 46-52; 11, с. 31-37; 12, с. 33-40]. Эта способность может снижаться под влиянием имеющегося психического, или соматопсихического, или психогенного эмоционально-аффективного расстройства. При этом лицо способно к осознанно-волевой регуляции своего поведения, но не в полной мере, то есть оно не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [13, с. 33-36; 14, с. 26-31; 15, с. 210-215; 16, с. 41-45]. В большинстве случаев такое лицо полностью понимает фактический характер своих действий, но не в полной мере осознает их общественную опасность [17, с. 37-43; 18, с. 46-50; 19, с. 15-19; 20, с. 36-39].

К названным психическим расстройствам относятся хронические психические расстройства в состоянии ремиссии (субремиссии), слабоумие в форме дебильности, иные болезненные состояния психики (например, психопатии, неврозы), предусмотренные статьей 21 УК (например, лицо, страдающее легкой формой дебильности, совершило деяние, предусмотренное статьей 131 УК, не в полной мере осознавая общественную опасность своего деяния в отношении потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста) [21, с. 70-71; 22, с. 40-44; 23, с. 49-55; 24, с. 6-10; 25, с. 49-54].

Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности [26, с. 13-17; 27, с. 17-22; 28, с. 252-256; 29, с. 119-122]. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания, но оно не может отягчать наказание [30, с. 120-124; 31, с. 28-31; 35, с. 28-31; 36, с. 4-8].

Медицинский критерий не предопределяет вывод о невменяемости. Точно так же наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, не преддрекает вывод о том, что оно существенно сказывается на конкретном поведенческом акте. Медицинский критерий – только повод предполагать такую возможность, а проявилась ли она и насколько существенна в механизме конкретного преступного поведения – самостоятельные для следствия и суда вопросы. Применительно к конкретному преступлению должен уточняться факт влияния этого психического расстройства на алгоритм выбора варианта поведения. Констатация психического расстройства, не исключающего вменяемости, без учета его влияния на поведение лица в ситуации преступления, иных обстоятельств дела не может быть основанием для безоговорочного смягчения наказания. В противном случае это может породить чувство «условной приятности, желательности» психического расстройства, заведомый расчет на «привилегированность», меньшую меру наказания, что противоречило бы целям общей и специальной превенции. Общество вправе требовать от тех, кто заведомо знает об имеющемся психическом расстройстве, целенаправленных усилий, чтобы противостоять своей особенности. Отсутствие таких усилий приведёт к тому, что разовьется негативная линия поведения [37, с. 198-199; 38, с. 17-20; 39, с. 44-51].

При наличии отягчающих наказание обстоятельств лицу с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, может быть назначено самое строгое наказание из числа тех, которые предусмотрены в санкции статьи.

Данная норма определяет вменяемость лица, которая не может быть «уменьшенной», «ограниченной», «пограничной» и т. д. Способность к осознанно-волевой регуляции поведения во время совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК, либо присутствует, либо отсутствует. В первом случае лицо признается вменяемым, во втором – невменяемым. Основанием для вынесения судебного решения являются данные дела, в том числе и заключение судебно-психиатрической экспертизы, которое подлежит оценке судом.

По нашему мнению, наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, относится только ко времени совершения лицом преступления и никаких правовых или иных последствий после отбывания наказания не влечет.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, что предусмотрено статьей 104 УК. Суд назначает принудительные меры медицинского характера не вместо, а наряду с уголовным наказанием. Эти принудительные меры медицинского характера исполняются не в психиатрическом стационаре, а амбулаторно по месту отбывания лишения свободы; в отношении осужденных к иным видам наказаний – в учреждениях органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую помощь (психоневрологический диспансер, психиатрический кабинет районной поликлиники и др.). Эффективность принудительных мер медицинского характера зависит от проводимой психофармакотерапии [7, с. 410-417; 32, с. 314-322; 33, с. 70-81; 34, с. 48-51; 40, с. 54-59].

Аналогичные нормы представлены в законодательстве ряда европейских государств. Практика их применения за рубежом имеет многолетний положительный опыт по профилактике преступности лиц, страдающих расстройствами личности, неврозами. На наш взгляд, она может быть распространена и в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической

- психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
2. Белоус В.Г., Мартынов Е.А. Уголовный кодекс Российской Федерации: этапы его совершенствования (1996-2013 гг.): учебное пособие. Архангельск, 2013.
3. Болбат Н.А. О профилактике общественно опасных деяний душевнобольных // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 63-67.
4. Бычкова А.М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» доктора юридических наук, доктора медицинских наук, профессора Б.А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 5-6 (33-34). С. 149-150.
5. Дивитаева О.А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4 (133-134). С. 61-66.
6. Дивитаева О.А. О научной школе уголовного права в НОУ ВПО «Институт управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 57-62.
7. Дюкова Г.М., Спасенников Б.А. Синдром Мюнхаузена в медицинской практике // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 2. № 56. С. 410-417.
8. Кожин Г.В. Основания применения принудительных мер медицинского характера (комментарий статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 54-57.
9. Колпакова А.О. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания // Вестник международного Института управления. 2014. № 1-2 (125-126). С. 58-61.
10. Мишуков С.Е., Годованец О.Г. О наказании виновного, страдающего психическим расстройством, в судебной практике // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 46-52.
11. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ неврастения у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 31-37.
12. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
13. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.
14. Спасенников Б.А. Медико-правовые аспекты невменяемости в иностранном законодательстве // Медицинское право. 2015. № 6. С. 26-31.
15. Спасенников Б.А. Неврастения у осужденных: криминологический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 210-215.
16. Спасенников Б.А. О значении неврастения в преступном поведении // Трудный пациент. 2015. Т. 13. № 3. С. 41-45.
17. Спасенников Б.А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
18. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
19. Спасенников Б.А. Проблемы законности продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 49. № 5. С. 15-19.
20. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С. 36-39.
21. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71.
22. Спасенников Б.А. Уголовная ответственность и психические расстройства: сравнительно-правовое исследование // Российский следователь. 2016. № 7. С. 40-44.
23. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. № 2. С. 49-55.

24. Спасенников Б.А., Белоус В.Г., Швырев Б.А. Актуальные проблемы уголовного права: обзор литературы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 6-10.
25. Спасенников Б.А., Вилкова А.В. Расстройства личности у осужденных в пениitenciарной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 49-54.
26. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.
27. Спасенников Б.А., Лаверычева С.А. Социально-правовая характеристика осужденных, отбывающих наказание в следственных изоляторах // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 17-22.
28. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.
29. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.
30. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.
31. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Неврологический статус осужденных мужчин, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции // Медицинское право. 2014. № 5. С. 28-31.
32. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и Феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения (материал и методы) // NovaInfo. 2016. Т. 1. № 54. С. 314-322.
33. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Мексидол и феназепам: 30-летний опыт экспериментального и клинического изучения // Вестник международного Института управления. 2016. № 5-6 (141-142). С. 70-81.
34. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Новая лекарственная форма феназепама // Медицинская сестра. 1991. № 12. С. 48-51.
35. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Преступное поведение и психические расстройства // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 5-6 (57-58). С. 28-31.
36. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н., Вилкова А.В. Уголовно-правовое значение психических расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 4-8.
37. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 198-199.
38. Тихомиров А.Н., Спасенников Б.А. Принудительное лечение социопатических расстройств, соединенное с исполнением наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 17-20.
39. Швырев Б.А., Белоус В.Г., Кудряшов О.В. Проблема невменяемости в иностранном уголовном законодательстве // Вестник международного института управления. 2015. № 5-6 (135-136). С. 44-51.
40. Швырев Б.А. Цели принудительных мер медицинского характера // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 54-59.

©Мишуков С.Е., 2017

Л.В. Медведкина

Соискатель степени магистра права
ЧОУ ВО «Институт управления»

Проблемы совершенствования медико-санитарной службы уголовно-исполнительной системы

В статье рассмотрены проблемы совершенствования медицинской и санитарной служб отечественной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: законодательство, пенитенциарная система, медицинская помощь.

Развитие российского государства и общества, прогресс медицинской науки и совершенствование практической медицины привели к пониманию необходимости кардинальных изменений существующей системы правового регулирования общественных отношений, связанных с медицинской деятельностью и охраной здоровья граждан Российской Федерации. В связи с этим меняется нормативная правовая база в сфере здравоохранения, вступили в силу новые федеральные законы, Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты соответствующих федеральных органов государственной власти [2, с. 11-16; 3, с. 13-18; 4, с. 18-23; 7, с. 57-66; 8, с. 65-67; 9, с. 19-24; 11, с. 10-12; 12, с. 113-119; 13, с. 33-36; 14, с. 126-128; 16, с. 274-277; 17, с. 37-43].

В последнее время в нашей стране большое внимание уделяется правовому регулированию охраны здоровья граждан и связанных с ним правоотношений. Вместе с тем, к сожалению, из поля зрения пока выпадает сфера профессиональной деятельности медицинских учреждений уголовно-исполнительной системы России. Такой подход представляется не вполне оправданным, так как лица, относящиеся к уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, составляют достаточно значительную часть российского общества [19, с. 206-208; 21, с. 56-62; 23, с. 23-28; 24, с. 67-72; 27, с. 63-69; 28, с. 146-148; 29, с. 120-124].

Не вызывает сомнения, что процесс реформирования пенитенциарной медицины – процесс долгий и очень сложный и без его научного обеспечения не обойтись.

Следует сказать, что комплексного исследования становления, развития и функционирования здравоохранения в уголовно-исполнительной системе еще не проводилось. Необходимо провести исторический, сравнительно-правовой анализ организации медицинского обеспечения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Проблемы современного состояния и дальнейшего совершенствования организации медицинского обеспечения ФСИН России невозможно осмыслить без исследования исторических аспектов становления и развития пенитенциарной медицины в российском государстве, особенно тех исторических периодов, когда она подвергалась значительному реформированию.

История пенитенциарной медицины нашей страны изучена недостаточно. Полагаем, что изучение истории пенитенциарной медицины невозможно без анализа особенностей эволюции всей уголовно-исполнительной системы. Историко-медицинским проблемам становления российского здравоохранения посвящены ряд публикаций доктора медицинских наук, доктора юридических наук, профессора Б.А. Спасенникова, кандидата юридических наук, доцента Л.Ф. Пертли и их коллег [10, с. 129-

136; 15, с. 7-8; 18, с. 46-50; 20, с. 141-144; 25, с. 104-116; 31, с. 10-14; 32, с. 70-73; 33, с. 66-69].

В свете современного развития медицинской службы уголовно-исполнительной системы в соответствии с концептуальными направлениями совершенствования системы здравоохранения Российской Федерации, направленной на обеспечение лиц, лишенных свободы, гарантированным объемом бесплатной медицинской помощи, повышение ее доступности и качества, нельзя забывать об отечественном историческом опыте пенитенциарной медицины и возможностях его использования в настоящее время.

Следует сказать, что правовое регулирование и организация медицинского обеспечения заключенных в дореволюционной России были направлены на борьбу с распространенными в местах заключения острыми и хроническими болезнями, а также эпидемиями инфекционных заболеваний. Анализ архивных документов позволяет проследить тенденцию передачи медицинского обеспечения заключенных непосредственно в систему Главного тюремного управления и принятия государством обязанности по лечению и обеспечению медикаментами арестантов. Не потеряли своей актуальности положения ст. 17 Устава врачебного издания 1905 г., возлагающего надзор за лечением больных, содержащихся под стражей, на Губернские врачебные управления (ныне – министерства здравоохранения субъектов Российской Федерации).

Одним из способов эффективного обеспечения законных прав и интересов лиц, содержащихся в местах лишения свободы, на медицинскую помощь было и выведение из подчиненности начальников учреждений медицинского персонала, что предусматривалось еще Общей тюремной инструкцией 1915 г.

Таким образом, в период реформирования медико-санитарного обеспечения уголовно-исполнительной системы важно вернуться к отечественному историческому опыту пенитенциарной медицины, тем самым обеспечивая историческую преемственность и динамичное развитие отечественной системы исполнения наказаний.

Вместе с тем, требуется также разрешить проблемы, связанные с созданием оп-

тимального механизма правового регулирования организации медицинского обеспечения ФСИН России, способствующего достижению эффективных результатов деятельности уголовно-исполнительной системы в этом направлении. Необходимо добиться свободы от некоторых конъюнктурных соображений и с позиций непредвзятого наблюдателя дать развернутую картину современных реформ в медико-санитарном обеспечении уголовно-исполнительной системы. При этом не вызывает сомнения, что исследование и разрешение исторических, теоретических, организационных и правовых аспектов медицины уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) позволит повысить эффективность ее функционирования.

Принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года было обусловлено необходимостью: во-первых, провести анализ имеющихся тенденций и, во-вторых, наметить пути дальнейшего развития службы исполнения наказаний. Отдельным пунктом в данной Концепции был выделен параграф, касающийся развития пенитенциарной медицины [1, с. 26-32; 5, с. 22-25; 6, с. 10-14; 22, с. 13-17; 26, с. 252-256]. К сожалению, он не предусматривал детального плана реформирования медицинской службы УИС, давая лишь общие характеристики грядущих изменений.

Проблемы, связанные с развитием и полноценным функционированием системы медико-санитарного обеспечения уголовно-исполнительной системы весьма многообразны. Видится перспективным создание единой системы медицинского обеспечения сотрудников, находящихся на специальной (внутренней) службе. Кроме того, обеспечение лиц, страдающих социально-значимыми заболеваниями и содержащимися в местах лишения свободы, не должно осуществляться по «остаточному принципу». Необходима разработка Федеральных целевых программ, касающихся диагностики и лечения этих заболеваний в УИС.

Библиографический список:

1. Белоус В.Г., Голодов П.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Ин-

- ститута управления. 2015. № 1-2 (131-132). С. 26-32.
2. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. О научной школе медицинского права НОУ ВПО «Институт управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 11-16.
3. Белоус В.Г., Дивитаева О.А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 13-18.
4. Ветрова И.В., Воробей С.В., Спасенников Б.А. Проблемы медицинской охраны материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 18-23.
5. Ветрова И.В., Спасенников Б.А. Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 22-25.
6. Голодов П.В., Спасенников Б.А. Анализ зарубежного опыта пенитенциарной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 10-14.
7. Голодов П.В., Швырев Б.А., Кудряшов О.В. Уголовно-исполнительное законодательство: проблемы совершенствования // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3 (24). С. 57-66.
8. Костик Е.В. Критика некоторых положений «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5-6. С. 65-67.
9. Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Возникновение и развитие медицинской помощи в отечественной пенитенциарной системе (1775-1905) // Медицинское право. 2016. № 2. С. 19-24.
10. Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Медицинская помощь в пенитенциарной системе дореволюционной России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 129-136.
11. Спасенников Б.А. Архангельская больница Приказа общественного призрения (1786-1900) // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1 (21). С. 10-12.
12. Спасенников Б.А. История Первой Архангельской больницы (1786-1920) // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 113-119.
13. Спасенников Б.А. Лечебно-диагностическая тактика при расстройствах личности в практике пенитенциарной медицины // Российский медицинский журнал. 2015. Т. 21. № 6. С. 33-36.
14. Спасенников Б.А. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 36. С. 126-128.
15. Спасенников Б.А. О перспективах международного сотрудничества НИИ ФСИН России в области пенитенциарной медицины // Пенитенциарная медицина в России и за рубежом. Сборник материалов международной межведомственной конференции. 2016. С. 7-8.
16. Спасенников Б.А. От социальной гигиены к общественному здоровью (эволюция северной научной школы) // NovaInfo. 2015. Т. 1. № 38. С. 274-277.
17. Спасенников Б.А. Принудительное лечение психических расстройств (историко-медицинский аспект) // Актуальные вопросы образования и науки. 2016. № 1-2 (53-54). С. 37-43.
18. Спасенников Б.А. Принудительное психиатрическое лечение социопатических расстройств // Медицинское право. 2016. № 4. С. 46-50.
19. Спасенников Б.А. Рецензия на монографию «Основные принципы организации медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России и за рубежом» // NovaInfo. 2015. Т. 1. № 37. С. 206-208.
20. Спасенников Б.А., Воробей С.В., Черкасов С.Н. Охрана материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 3. С. 141-144.
21. Спасенников Б.А., Голодов П.В. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 1-2 (47-48). С. 56-62.
22. Спасенников Б.А., Копыткин С.А. О проблемах судебно-психиатрической экспертизы в судебно-следственной практике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 13-17.
23. Спасенников Б.А., Морозов А.С. Проблемы реализации прав и свобод человека и

гражданина в пенитенциарной системе // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1 (17). С. 23-28.

24. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. История организации медицинской помощи в отечественной пенитенциарной системе (XVIII-XIX вв.) // Вестник международного Института управления. 2016. № 1-2 (137-138). С. 67-72.

25. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII-начало XX века) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2016. № 3. С. 104-116.

26. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.

27. Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Условия содержания лиц, лишенных свободы // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3 (19). С. 63-69.

28. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. К вопросу о медико-правовом сопровождении ресоциализации лиц с нарушенным нервно-

психическим здоровьем, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 5. С. 146-148.

29. Спасенников Б.А., Смирнов А.М. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях // Социологические исследования. 2015. № 9 (377). С. 120-124.

30. Спасенников Б.А., Смирнов А.М., Тихомиров А.Н. Преступное поведение и психические расстройства: монография. М., 2016.

31. Спасенников Б.А., Фумм А.М. Развитие исправительных учреждений для несовершеннолетних во второй половине XIX-начале XX вв. // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 4 (20). С. 10-14.

32. Спасенников Б.А., Фумм А.М., Яковлева О.Н. К 100-летию принятия Общей тюремной инструкции 1915 года // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 3 (19). С. 70-73.

33. Спасенников Б.А., Швырев Б.А., Ларионова И.И. Охрана материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Охрана материнства и детства. 2015. № 1 (25). С. 66-69.

©Медведкина Л.В., 2017

М.С. Поройко

Кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Ярославского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления»

Уголовный проступок в системе Российского уголовного законодательства: каким ему быть?

В представленной научной статье автором рассматривается ряд ключевых проблем современного реформирования уголовного законодательства, предлагается теоретическая модель перевода преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы, в категорию «уголовный проступок» и формулируются предложения по совершенствованию системы наказаний и построения санкций в статьях о преступлениях небольшой тяжести.

Ключевые слова: категории преступлений, преступления небольшой тяжести, уголовный проступок, альтернативные санкции, малозначительное деяние, усмотрение суда, пенализация, принудительные работы, виды наказаний, гуманизация, принципы справедливости, равноправия

Уголовное законодательство отображает состояние исторических процессов, происходящих в жизни общества, его политической, экономической систем, нравственного развития. Вступивший в силу 20 лет назад Уголовный кодекс Российской Федерации на протяжении всего периода его действия подвергался многочисленным изменениям и неоднократно дополнялся. С одной стороны ушел в прошлое de-facto такой вид наказания как смертная казнь, в сравнении с УК РФ 1960 г., но, как справедливо замечают многие ученые, действующий УК РФ получился более жестким и репрессивным[2,с.97], чем его предшественник, так как предусматривает и более длительные сроки лишения свободы (включая по совокупности преступлений или приговоров), а также пожизненное лишение свободы не как исключительный вид, а в качестве одного из основных видов наказания.

На официальном уровне очень часто встречается мысль о том, что основным направлением текущего реформирования уголовного законодательства является его гуманизация. Вот и IX Всероссийский съезд судей, проходивший в конце 2016 года, также

призвал к дальнейшей гуманизации Уголовного закона и предложил ряд конкретных мер [9].

Однако, несмотря на отдельные новеллы прямо направленные на смягчение уголовно-правовой репрессивности закона (например, путем введения видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст.76.1,ст.76.2 УК РФ), в нем самом не все нормы являются действующими, встречаются явные противоречия, нарушающие такие фундаментальные правовые принципы как принцип справедливости и равноправия людей, что мешает и реальной гуманизации, и выполнению функций уголовно-правового регулирования. Данное мнение разделяют многие. Профессор А.И. Коробеев, например, указывает на ряд недостатков действующего УК РФ, включая «ущербность системы наказаний» . Им установлено, что по состоянию на 1 января 2015 года число актов пенализации в целом составило 958, причем в 478 случаях это было направлено на ужесточение мер уголовной ответственности и в 480 случаях — на её смягчение[4]. Выступая на IX Всероссийском съезде судей Председатель Верховного Суда РФ

В.М.Лебедев предложил развивать практику освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести и ввести в УК РФ категорию уголовного проступка, предусмотреть в качестве наказаний за совершение уголовных проступков исправительные и принудительные работы – виды наказаний, не характерные для Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[9]. Полагаем, что это предложение заслуживает поддержки.

Уголовные кодексы ряда государств не содержат категорию «уголовный проступок». Этой категории нет в уголовном законодательстве Австралии, Азербайджанской Республики, Албании, Аргентины, Венгрии, Болгарии, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Турции, Японии и других стран. Не было данной категории и в УК РФ 1960 г., который действовал в нашей стране более 40 лет. Как известно, в ст.7 УК РФ 1960 г. давалось понятие преступления и понятие малозначительного деяния, а ст.7.1 содержала понятие тяжкого преступления [13, с.27-28], отсутствовала глубокая дифференциации преступлений, все они, таким образом, делились на обычные и тяжкие, а с учетом и других статей Общей части, на умышленные и неосторожные. Последнее характерно для нашего законодательства и сейчас. Но, тема введения в Уголовный кодекс категории «уголовный проступок» обсуждалась у нас в юридической литературе не менее 25 лет еще в советское время [5]. В 1974 году группой ученых под руководством профессора В.И. Курляндского был подготовлен проект Кодекса уголовных проступков [1, с.2.]. И так как советское законодательство второй половины XX века отличалось наибольшей стабильностью и консерватизмом, то изменения не были внесены. Однако при разработке новой модели Уголовного закона ученые включили уголовный проступок в систему института преступления будущего УК РФ[11, с.240].

Введение категории уголовный проступок в отечественное законодательство требует глубокого осмысления, изучения как исторических примеров, так и зарубежного опыта. Остановимся сначала на примерах из

зарубежного права. Категория «уголовный проступок» присутствует в законодательстве стран англо-американской правовой семьи (или англосаксонской, как ее еще называют). Все преступные деяния как в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, так и в Соединенных Штатах Америки традиционно делятся на преступления и проступки. В Великобритании традиционно помимо этого деления еще предусмотрено в качестве отдельного вида такое преступление как государственная измена (наитягчайшее), а в США в целом ряде кодексов штатов в качестве отдельной особой категории — убийство при квалифицирующих обстоятельствах («первой», «второй» степеней). Специфика уголовного законодательства этих стран в контексте рассматриваемого вопроса заключается в том, что уголовные проступки там представлены несколькими видами, т. е. в свою очередь тоже делятся на категории, которые сопоставимы с такими видами преступлений в нашем законодательстве, как небольшой и средней тяжести. Так, например, Уголовный кодекс штата Пенсильвания наиболее опасным видом считает уголовный проступок первой степени и предусматривает наказание за него до пяти лет лишения свободы, что соответствует нашему варианту преступления средней тяжести. Второй и третьей степеней проступки предусматривают максимальное наказание до двух лет и до года соответственно [22]. А УК штата Вашингтон, к примеру, включает только два вида уголовных проступков, наказуемых до одного года лишения свободы или штрафом до пяти тысяч долларов и до девяноста дней и одной тысячи долларов соответственно [21]. Из этих примеров можно извлечь один несомненно полезный момент, а именно – исчисление лишения свободы в днях (УК штата Вашингтон). Само же деление уголовных проступков на виды может не представлять практического значения, т. к. существующая у нас категоризация преступлений уже включает четыре вида и пятым может стать уголовный проступок. А если изначально УК РФ не содержал более четырех категорий преступлений, то переход к шести-семи

категориям будет слишком радикальной мерой.

Уголовное законодательство многих европейских государств также интересно тем, в русле рассматриваемых проблем, что включает категорию «уголовный проступок». Наиболее далеким от состояния нашего законодательства является УК Франции 1992 г., согласно которому все преступные деяния делятся на нарушения, проступки и преступления, так как ответственность за нарушения включает полицейские меры, которые в нашем законодательстве отнесены или к административным наказаниям, или к мерам процессуального принуждения, а во Франции, к тому же, отсутствует и единый кодекс административных правонарушений [6, с. 39,40]. Категория «уголовный проступок» встречается в УК Испании и Италии, причем в УК Италии, принятом еще во времена Муссолини 1.06.1931 г. упоминается и такой вид преступлений как политические преступления, к тому же УК Италии предусматривает понятие «опасного состояния» лица (т. е. нахождения лица под подозрением в сотрудничестве с преступностью), что не характерно для российского права [3,10]. Система УК Испании также существенно отличается от УК РФ.

Из наиболее близких национальных уголовных кодексов к современному состоянию УК РФ и рассматриваемой проблеме можно назвать, например, Уголовный закон Латвии[16], УК Литовской Республики[18], УК Республики Польша[15] и УК Федеративной Республики Германия[17]. Уголовные законы Латвии, Польши и ФРГ включают в качестве верхнего предела наказания краткосрочное лишение свободы, исчисляемое или в годах, или в месяцах. И только Кодекс Литовской Республики определяет границы санкций за уголовный проступок в виде наказания, не связанного с лишением свободы, за исключением ареста. Такой вариант наиболее соответствует предлагаемому Верховным Судом РФ.

Традиции отечественного законотворчества в сфере уголовно-правового регулирования шли в общем русле развития континентальной (или романской, европейской) правовой семьи, включая, на

мой взгляд, и советский период. И мы видим, что опыт стран с похожими правовыми системами содержит и общие тенденции, и разнится. Так, в далеком XIX веке Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. вплоть до последних изменений 1885 г. включало деление всех преступлений на преступления и проступки скорее формально. Профессор Н.Ф.Кузнецова отмечает малозначимость данной категоризации в тот период, так как не было больших различий между наказаниями уголовными – за преступления и исправительными – за проступки [8, с.15]. В Уголовном уложении 1903 г. также был предусмотрен уголовный проступок, но разница между ним и преступлением была более существенной, а именно в качестве наказания за проступок предусматривался штраф («пеня») или арест. В наши дни арест, как известно наличествует в «лестнице наказаний», но не применяется.

В соответствии со статьей 4 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» такой вид наказания, как арест должен был вводиться наряду с некоторыми другими новыми видами наказаний после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и по мере создания необходимых условий для исполнения этого вида наказания, но не позднее 2006 года. Однако запланированное не удалось воплотить в жизнь и данный вид наказания оказался невостребованным, излишним при конструировании санкций, на что обращают внимание многие ученые [4]. А распространенность этого вида наказания за деяния, ответственность за которые не превышает двух лет лишения свободы, очень велика: не менее 80 раз встречается арест как вид наказания в санкциях основных составов преступлений небольшой тяжести УК РФ. Последнее должно побуждать законодателя задуматься о его возможной замене при разработке модели уголовного проступка. В сравнительно недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2015 г. о назначении наказания не случайно отсутствуют рекомендации и по аресту, и по принудительным работам, так как судебная практика пока не сложилась [19]. В целях

гуманизации мер уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, полагаем, что путь перевода их части в категорию уголовного проступка, а не административного правонарушения важен в интересах обеспечения прав потерпевших от таких преступлений [см.: также: 2, с.98], тем более, что наше законодательство об административных правонарушениях весьма обширно и включает кодифицированный нормативный акт как федерального уровня, так и аналогичные законы субъектов федерации.

В теоретической модели УК РФ конца 80-х (откуда, кстати, была позаимствована идея нормы о наделении суда правомочием менять по своему усмотрению категорию преступлений, но не более чем на одну) предлагаемая авторами модель уголовного проступка включает присущее российскому уголовному праву деление на умышленные преступления и совершенные по неосторожности [11, с.240]. И, если верхний предел для умышленных проступков — два года лишения свободы, то верхний предел для неосторожных преступлений — пять лет лишения свободы. При том, что целый ряд неосторожных преступлений связан с сознательным нарушением каких-либо правил при легкомысленном (без достаточных к тому оснований) расчетом на предотвращение наступления преступных последствий; да и сам размер наказания в виде лишения свободы — до пяти лет — говорит о том, что общественная опасность совершаемых деяний высокая. А потому, следуя традиционному делению всех преступлений по форме вины необходимо его сохранить и для проступка, но исключительно только ради правильности его квалификации и целей индивидуализации ответственности и наказания. Тем более, что в мировой практике и в истории российского уголовного законодательства при выделении категории проступка не встречаются различия именно по форме вины.

При изучении искомой группы преступлений небольшой тяжести в целях выявления их особенностей для экстраполяции этих особенностей на категорию уголовный проступок, было установлено, что всего действующий УК РФ содержит 345 статей в Особенной части, из

них 180 статей содержат основные составы преступлений санкции которых в своих нижних пределах не превышают двух лет лишения свободы или содержат только более мягкие наказания. Это составляет 52,2 % (52,1739) от всего количества статей, посчитанных по основным составам. Из 180 статей с основными составами не превышающими в санкциях двух лет лишения свободы, 72 статьи (основные составы) не имеют в санкциях лишение свободы как вид наказания. Последнее составляет 40 % от 180 основных составов с наказанием в санкциях, не превышающим двух лет лишения свободы, и статей соответственно и одновременно - 20,86% от 345 основных составов (статей по ч.1) УК РФ.

Итак, 52% преступлений в УК РФ, изложенных в основных составах, частях первых статей УК — преступления небольшой тяжести, наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы и, при этом, 21% этого массива вообще не имеет лишения свободы в качестве вида наказания в санкциях.

Штраф как основной вид наказания встречается в основных составах исследуемых преступлений небольшой тяжести с верхним пределом до двух лет лишения свободы 138 раз, что делает его *de-jure* самым популярным видом наказания за такие преступные деяния, на втором месте по распространенности в санкциях — лишение свободы — 95 раз, затем идут обязательные работы (90 раз), принудительные работы (82 раза), арест (80 раз), исправительные работы (80 раз), ограничение свободы (47 раз), содержание в дисциплинарной воинской части (15 раз), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (14 раз), ограничение по военной службе (13 раз).

По виду санкций (во внимание приняты только количественные показатели единичных и альтернативных по основным видам наказаний) преобладают с четырьмя видами основных наказаний, их насчитывается 60, на втором месте — с тремя видами (33), на третьем — с пятью видами (23), на четвертом — с двумя видами, их 19. Более редки — семи элементные — 3 состава, с одним видом наказания — 4 состава и с

шестью видами – 17 составов. Санкции с тремя видами наказания нередко кумулятивны, а именно включают (альтернативно) дополнительные к основным видам наказания, т. е. усиленные, но однако, не во всех случаях (например, ч.1 ст.237 УК РФ). Единичные санкции, до всех крупных изменений УК РФ периода «нулевых» и в дальнейшем, вообще не встречались. Они были крайне редки и в УК РСФСР 1960 г. Сейчас они присутствуют в четырех статьях, основных составах преступлений небольшой тяжести. В качестве дополнительных наказаний используются штраф и ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (альтернативно). Последний вид наказания в качестве основного часто используется законодателем в «Экологических преступлениях» (глава 26 УК РФ), что вполне объяснимо.

Известный исследователь института наказания и уголовно-правовых санкций, профессор Л.Л. Кругликов в своих работах систематизирует санкции не только по признакам вида, но и классифицирует их по типам. В действующем законодательстве им выявлено четыре типа санкций и самым оптимальным представляется следующий: альтернативная, кумулятивная, относительно-определенная. Им подчеркивается, что этот тип позволяет «...избрать тот или иной вид наказания; варировать наказание в части размеров, сроков; применить дополнительное наказание» [7, с.18]. Но, названный тип санкции видится автором предпочтительным для всей системы Особенной части УК РФ. А мы же ведем речь о преступлениях небольшой тяжести трансформируемых в уголовные проступки. Думается, что для такой категории преступных посягательств кумулятивный эффект в санкциях излишен исходя из пониженного уровня общественной опасности деяний в сравнении со всеми остальными категориями.

Произведенные исчисления показывают явное тяготение при конструировании санкций изучаемой группы преступлений к виду с четырьмя основными наказаниями, что, возможно было бы оптимально при учете некоторой вариативности подбора

видов наказаний исходя из характера общественной опасности совершаемых деяний, в особенности — признаков объективной и субъективной стороны, субъекта преступления.

Системно-юридическое толкование норм действующего УК РФ свидетельствует, что в статьях с составами преступлений небольшой тяжести принудительные работы и лишение свободы бывает, что размещаются в одной санкции, однотипно по размеру наказания, хотя по своему юридическому содержанию они должны существенно различаться. Думается, что при создании соответствующих условий и усовершенствовании принудительных работ как вида наказания он должен полностью вытеснить лишение свободы из изучаемой довольно многочисленной группы статей (что и предлагается Верховным Судом РФ), а это 31% от 52 % всех основных составов УК РФ, размер наказания за которые не превышает сейчас в санкциях двух лет лишения свободы (напомним, что 21% всех основных составов УК РФ вообще не содержат лишения свободы как вид наказания).

Интересен американский опыт исчисления лишения свободы в днях. Этот подход можно было бы применить к уголовным проступкам применительно к принудительным работам, а равно и применительно к лишению свободы на определенный срок в преступлениях небольшой тяжести, в том числе и вместо ареста (например : лишение свободы от 30 до 90 дней).

Итак, с учетом отечественного и зарубежного опыта предлагаемая модель уголовного проступка должна охватить все основные составы преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не превышает двух (а не трех) лет лишения свободы, что составит 52% всех основных составов УК РФ. Вместо лишения свободы необходимо отдать предпочтение принудительным работам и исчислять их в днях, начиная с 30 дней и до 360, например. Санкция желательна альтернативная, относительно-определенная с верхними и нижними границами размеров наказаний, с четырьмя основными видами наказаний в разных их сочетаниях (включая следующие:

ограничение свободы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, исчисляемые в днях) при допустимости в некоторых особых случаях включения и дополнительных видов.

Введение категории уголовный проступок, что совершенно правильно констатируется в научной литературе, позволит решить проблему малозначительного деяния путем исключения последнего. Практика применения ч.2 ст.14 УК РФ, как известно, весьма неоднородна. Иногда, когда этого требуют нравственные начала законодательства, эта норма не применяется, а в нравственно-нейтральных случаях бывает, что наоборот, есть разница и в характере совершенных деяний, их опасности. Так, например, в одном случае ч.2 ст.14 применяется при наличии признаков ч.3 ст.160 УК РФ[20], в другом случае при наличии признаков грабежа по ч.1 ст.161 УК РФ с ущербом в размере 165 руб.55 коп., в третьем случае при наличии признаков ч.1. п. «в» ст.256 с ущербом до 4640 руб., в то время как в другом регионе применение ч.2 ст.14 стало возможным за аналогичное деяние при ущербе не превысившем 510 рублей [1, с.3-4] Такое разнообразие, неоднородность практики по ч.2 ст.14 создают ситуацию неравенства граждан перед законом и поле для излишнего субъективизма и коррупции. Профессором Т.Д. Устиновой причины трудностей с квалификацией по ч.2 ст.14 УК РФ

объясняются отсутствием законодательно определенных критериев малозначительности[12], что правильно.

В заключение заметим, что за 20 лет действия УК РФ не только неоднократно менялись его нормы, но менялись и обстоятельства жизни, их обуславливающие. А потому, при очередном реформировании УК РФ и введении категории «уголовный проступок» было бы правильно пересмотреть и положения ряда других норм с точки зрения их адекватности современным условиям. Так, например, давно назрела проблема необходимости усиления ответственности за преступление, предусмотренное ст.245 УК РФ, что важно для профилактики, сдерживания от ухудшения ситуации в сфере нравственного здоровья общества по отношению к «братьям нашим меньшим. Кроме того, например, возвращение такого признака объективной стороны состава преступления как «причинение вреда здоровью средней тяжести» (исключенного в 2003 г.) в ч.1 ст.264 УК РФ также могло бы помочь, по нашему мнению, в профилактике данного вида преступности. Было бы полезно проанализировать еще раз составы неработающих почти некоторых экономических статей и вопросы ответственности за экологические преступления, где сейчас преобладают деяния небольшой тяжести, но, вместе с тем, весьма вредоносного характера для окружающей природной среды, многие компоненты которой трудно восстанавливаются.

Приложение 1. Понятие уголовного проступка: законодательные и теоретические модели.

Уголовный закон	Понятие уголовного проступка
Уголовное уложение 1903 г. [14, с.11]	Ст.3, абз.3: «Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание, арест или денежная пеня, именуются <i>проступками</i> »
Уголовный закон Латвийской Республики [16, с.26]	Ст.7. «Классификация преступных деяний», ч. (2) : « Уголовным проступком признается деяние, за совершение которого настоящим законом предусмотрено лишение свободы на срок не более двух лет или более мягкое наказание.»
Уголовный кодекс Литовской Республики [18, с.127]	Ст.12 «Уголовный проступок»: «Уголовным проступком является опасное и настоящим Кодексом запрещенное деяние (действие или бездействие), за совершение которого предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением

	ареста.»
Уголовный кодекс Республики Польша [15, с.8-9]	Ст.7,§ 3 : «Проступок — это запрещенное деяние, за которое предусмотрен штраф более 30 дневных ставок, наказание ограничением свободы, либо наказание лишением свободы на срок свыше одного месяца.»
Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии [17,с.125-126]	§ 12 «Преступления и проступки»: «(2) Проступками являются противоправные деяния, за совершение которых минимальным наказанием является лишение свободы на более короткий срок или денежный штраф». (Более коротким имеется ввиду срок лишения свободы менее одного года)
Уголовное законодательство США Title 18 (Crimes and Offenses) of the Unconsolidated Pennsylvania Statutes (Crimes Code)[22]	§106. Classes of offenses. 1.A crime is a <i>misdemeanor of the first degree</i> if it is so designated in this title or if a person convicted thereof may be sentenced to a term of imprisonment, the maximum of which is not more than five years. 2.A crime is a <i>misdemeanor of the second degree</i> if it is so designated in this title or if a person convicted thereof may be sentenced to a term of imprisonment, the maximum of which is not more than two years. 3.A crime is a <i>misdemeanor of the third degree</i> if it is so designated in this title or if a person convicted thereof may be sentenced to a term of imprisonment, the maximum of which is not more than one year.
Уголовное законодательство США Washington Codes Title 9A - Washington criminal code[21]	(2) Gross misdemeanor. Every person convicted of a gross misdemeanor defined in Title 9A RCW shall be punished by imprisonment in the county jail for a maximum term fixed by the court of not more than one year, or by a fine in an amount fixed by the court of not more than five thousand dollars, or by both such imprisonment and fine. (3) Misdemeanor. Every person convicted of a misdemeanor defined in Title 9A RCW shall be punished by imprisonment in the county jail for a maximum term fixed by the court of not more than ninety days, or by a fine in an amount fixed by the court of not more than one thousand dollars, or by both such imprisonment and fine.
Теоретическая модель Уголовного кодекса РФ (1987 г.)[11, с.240]	Ст.22. «Преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовный проступок).» (1) Уголовным проступком признается умышленное действие или бездействие, не представляющее большой общественной опасности, за которое по закону предусмотрено наказание в виде лишения свободы, направления в колонию-поселение, ограничения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду на срок менее двух лет или иное более мягкое наказание. (2) Уголовным проступком признается также неосторожное действие или бездействие, причинившее значительный ущерб, за которое по закону предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее пяти лет либо другое более мягкое наказание»

Библиографический список:

1.Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте	реформирования законодательства России.// юстиция.2016 г. № 1. С.2-5.	уголовного Российскойская
	2.Гавина А.А. Тенденции	развития

уголовного законодательства на современном этапе.//Журнал российского права.2016 г. № 11. С.95-106

3.Игнатова М.А. Уголовное право Италии: основные институты. Автореф. дисс... к.юр.н. Спец.12.00.08./ М.А.Игнатова; научн.рук. Ф.М.Решетников.- М., 2002.-24 с. <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=128867>

4.Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России : проблемы пенализации и депенализации.// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru

5.Коробов П.В. Уголовный проступок : «за» и «против». [http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov\(6-06-05\).htm](http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/korobov(6-06-05).htm)

6.Кругликов Л.Л. Сравнительное уголовное право: учебное пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2013.-100 с.

7.Кругликов Л.Л. Общие начала назначения наказания : учебно-методическое пособие. 3-е изд., доп. Ярославль : ЯрГУ, 2015.-44 с.

8.Кузнецова Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса.// Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты): Сб.научн.ст./Под ред. Л.Л.Кругликова.- Ярославль, 1995 г.-124 с. С.12-26.

9.«Патриотизм вырастает из уважения государства к личности...» 06.12.2016. // izvestia.ru/news/649837

10.Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : Учебник для вузов./Под ред. В.С.Комиссарова, Н.Е.Крыловой, И.М.Тяжковой. М. : Статут, 2012. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», www.consultant.ru

11.Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования./Отв.ред. В.Н.Кудрявцев, С.Г.Келина. М.: Наука,1987.-276 с.

12.Устинова Т.Д. Общественная опасность и её влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ.// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru

13.Уголовный кодекс Российской Федерации : Научно-практический комментарий/Под ред. Л.Л.Кругликова и Э.С.Тенчова.-

Ярославль ; Влад.-1994.-672 с.

14.Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.(с приложением Предметно-алфавитного указателя). С.-Петербург : Издание Каменноостровецкого Юридического книжного издания В.П.Анисимова.1903 г. <http://webprojects732.weebly.com/blog/ugolovnoe-ulozhenie-1903-god-tekst>

15.Уголовный кодекс Республики Польша./Пер. с польск.Бартович Д.А. и др. Адапт. пер. и научн. ред. Э.А.Саркисова, А.И.Лукашов./Под общ. ред. Н.Ф.Кузнецовой. Мн.: Тесей,1998.-128 с.

16.Уголовный закон Латвийской Республики / Адапт. пер. с латышск., научн. ред. и вступит. ст. А.И.Лукашова и Э.А.Саркисовой.- Мн.: Тесей,1999.-176 с.

17.Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии./Научн. ред. и вступит. ст. Д.А.Шестакова, предисл.Г.-Г. Йешека, перевод с немецк. Н.С.Рачковой.- СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс»,2003.-524 с.

18.Уголовный кодекс Литовской Республики./Научн.ред. В.Павилониса, предисл. Н.И.Мацнева, вступит. ст.В.Павилониса, А.Абрамовичюса, А.Дракшене; пер.В.П.Казанскене.-СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс,2003.-470 с.

19.Постановление № 58 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. // <https://rg.ru/2015/12/29/ugolov-dok.html>

20.Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 апреля 2015 г. № 51-УД15-1.//Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.- 2016.-№7. С.28.

21.Washington criminal code.//<http://codes.findlaw.com/wa/title-9a-washington-criminal-code/#!tid=NAC8068A09A6211DABE2EFA883A08D708>

22. Title 18 of the Unconsolidated Pennsylvania Statutes <http://www.legis.state.pa.us/wu01/li/li/ct/htm/18/18.htm>

©Поройко М.С., 2017

Р.С. Ерёмко

Студент 2-го курса очного отделения юридического факультета ЧОУ ВО «Институт управления» (г. Архангельск), помощник заместителя председателя Архангельского областного собрания депутатов, председателя комитета по науке и высшей школе И.А. Чеснокова; действительный член Русского географического общества.

Научный руководитель – Н.А. Чертова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Новации в юридическом образовании и правовом воспитании в России

В статье автор анализирует новации в юридическом образовании и правовом воспитании в России.

Ключевые слова: юридическое образование, правовое воспитание, интернационализация, законотворческая работа, экспертная работа, практическая подготовка студентов.

Модель университета будущего («Университет 4.0») «обязательно должна включать в себя, помимо образования, науки и инноваций, ещё и формирование креативной среды, – считает ректор Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» Алевтина Черникова. – Современный работодатель хочет видеть в своей компании специалистов, обладающих не только профессиональными компетенциями и навыками, но и рядом личностных качеств: умением работать в команде, принимать решения и брать на себя ответственность». [1, с.13].

1 сентября 2016 года в Санкт-Петербурге торжественно открыли Академию Следственного комитета РФ – второе подобное высшее учебное заведение в России. Согласно учебным планам курсанты (юноши и девушки) будут углублённо изучать учебные дисциплины уголовно-правовой направленности, основная специализация – «правовое обеспечение национальной безопасности». Выпускникам, прошедшим при приёме отбор на конкурсной основе в следственных органах СК РФ, присваивается квалификация «юрист». Поздравляя курсантов, глава Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин подчеркнул, что

выпускники академии окажутся на переднем крае борьбы с преступностью: им предстоит вести расследования самых сложных преступлений, наносящих ущерб экономическим и политическим основам страны, а также тяжких преступлений и особо тяжких преступлений против личности – «делом утверждать, что высшей ценностью в России является человек, гражданин, его права и свободы». [2, с.3].

Во внутреннем дворе академии рядом с плацем установлен бюст императора Александра II, который провёл в России правовые реформы: при нём впервые появились суд присяжных и мировые суды, адвокатура, судебный процесс стал состязательным. Именно тогда следственная часть была отделена от полиции и стала самостоятельной, а её главной задачей стало установление истины.

Только тот, кто осознаёт, что работа следователя – тяжёлый труд и огромная ответственность, достоин называться российским офицером.

С целью трансформации правовой и институциональной среды как внутри страны, так и на международном уровне для успешной работы стартапов и развития инновационной экосистемы России специально

создан Институт права и развития Высшей школы экономики (ВШЭ) – «Сколково».

Основная задача Института права и развития, как и Фонда «Сколково», – это стимулирование развития инновационных секторов, устранение барьеров для выхода и полноценного конкурирования компаний – участниц экосистемы на инновационные рынки. «Я бы не стал выделять нас как отдельную уникальную организацию, мы вместе занимаемся общим делом, – резюмировал директор института, директор департамента правовой политики и общественного развития Фонда «Сколково» Алексей Иванов. – Есть все основания полагать, что результатом нашей работы станут условия ведения бизнеса, наиболее приемлемые для инноваторов». В настоящее время Институт права и развития (ВШЭ) – «Сколково» – компактное научное заведение, занимающееся междисциплинарными исследованиями, которые способствуют выявлению оптимальных путей трансформации российской правовой системы. [3, с.2]. В частности, институт исследует три основных направления: «глобальные вызовы развития и правовая политика», «интеллектуальная собственность и инновационное развитие» и «антимонопольное регулирование для новой экономики».

Право (как и политика) должно своевременно и адекватно отвечать на вызовы новой экономики (экономики рынков, на которых основным товаром являются знания и информация). Удачным примером вышеизложенного является деятельность недавно созданного Института права и развития Высшей школы экономики (ВШЭ – «Сколково»).

Необходимой для вузов становится интернационализация: развитие программ обмена и двух дипломов, сетевых форм обучения. Программы двойных дипломов появились на юридическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Впервые в Институте законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ с 1 сентября 2016 года началась учёба особых юристов, чья специализация – разработка законов и других нормативных правовых актов. Уникальные профессионалы (специалисты в области правотворчества) – штучный товар. В магистратуре вуза начали

подготовку специалистов по правотворчеству. Они научатся писать законы, правительственные и ведомственные акты, готовятся к работе в юридических подразделениях органов государственной власти или исполняют ряды законодателей.

Институт – авторитетное правительственное учреждение, осуществляющее научно-правовое обеспечение деятельности как самого правительства страны, так и других высших органов власти.

В обычном юридическом вузе учат применять уже существующие законы (обучение нацелено на подготовку юристов). Их выпускники способны работать прокурорами, следователями, адвокатами. Но составлять новые нормы (профессионально подготовить проект закона или постановления правительства) – совсем другое, более сложное дело, которому научат здесь.

Институт активно включён в законотворческую работу: в соответствии с регламентными нормами правительства он проводит экспертизу проектов федеральных законов и иных актов, активно взаимодействует с Госдумой, Советом Федерации, федеральными министерствами.

«В настоящее время ощущается острый дефицит в квалифицированных кадрах, способных профессионально и эффективно решать правотворческие задачи, – говорит директор Института законодательства и сравнительного правоведения, вице-президент Российской академии наук Талия Хабриева. – Нам это хорошо известно». [4, с.7].

«Мы видим, что многие наши партнёры нуждаются в таких кадрах, но удовлетворить эту потребность в полной мере не удаётся, – говорит академик Талия Хабриева. – Это не получается сделать прежде всего потому, что в нашей стране юридические вузы и факультеты целенаправленно не готовят специалистов по правотворчеству». [4, с.7].

Для этого необходимы компетенции как классической юридической техники, так и новых юридических технологий, научная школа развития которых в институте формировалась и совершенствовалась почти столетие. Поэтому в институте открыта магистерская программа по направлению «правовая служба в органах государственной власти». Студентов учат не только проектировать нормативные правовые акты, но и правильно

их применять и использовать, что чрезвычайно важно для государственного юриста. Постигать науку правотворчества в стенах вуза может не только выпускник юридического бакалавриата, но и специалисты в других сферах – экономики, управления, медицины и др. Освоение магистерской программы позволит таким специалистам эффективно решать правотворческие задачи в различных сферах жизни, специфика которых не всегда понятна классическому юристу.

«В первую очередь наша программа преследует целью готовить специалистов для аппаратов и правовых служб органов власти, – говорит Талия Хабриева. – Сотрудники именно этих подразделений выполняют основную проектную и экспертную работу в процессе подготовки нормативных правовых актов. На них же возложена обязанность по проведению правового мониторинга». [4, с.7].

Для профессиональной подготовки проектов законов и постановлений правительства знаний юристов оказалось недостаточно. Сейчас данный пробел, думаю, будет ликвидирован.

В Госдуме, продолжая работу над повышением качества законопроектов, спикер В.В. Володин собрал руководство одиннадцати ведущих вузов и попросил их о помощи в экспертизе готовящихся и уже внесённых поправок. В частности, к экспертно-аналитическому сотрудничеству планируется привлечь МГУ им. М.В. Ломоносова, Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина, Высшую школу экономики, РАНХиГС, МГИМО, а также авторитетные профильные вузы. «Речь должна идти о научной экспертизе не только внесённых законопроектов, но и разрабатываемых законодательных инициативах, а также о расчётах конечных результатов и эффекта их правоприменения, – отметил Володин». [5, с.14].

Председатель Госдумы В.В. Володин заявил, что теперь депутаты могут не только отдавать на экспертизу готовые поправки, но и «заказывать профессионалам» саму подготовку проектов законов. «Это международный опыт в законотворческой работе, поэтому мы не изобретаем велосипед», – добавил политик. [5, с. 14].

7 сентября 2016г. на первом заседании нового дискуссионного клуба Ассоциации

юристов России «Правовая среда» именитые правоведа, в том числе ректоры ведущих юридических вузов страны, предложили свои пути повышения качества юридического образования в стране.

Ассоциация юристов России ведёт общественную аккредитацию юридических вузов, следствием чего стало существенное сокращение вузов и их филиалов, дающих юридическое образование. В конце 2015г. сопредседатель Ассоциации юристов России, ректор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина В.В. Блажеев проинформировал, что в ассоциации создан экспертный центр по оценке качества образования в юридических вузах. «Выводы профессионального общества будут в том числе использоваться Рособринадзором при государственной аккредитации вузов», – резюмирует Пётр Орлов. [6, с.2].

На встрече со студентами Российского университета дружбы народов в ноябре 2016г. Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова заявила о том, что во всех российских вузах следует ввести курс «Права человека». Пока предмет «Права человека» преподаётся на юридических факультетах в 40 вузах и в 27 субъектах РФ. «Пришло время пересматривать стандарты правового просвещения» – считает Т.Н. Москалькова [7, с. 7].

Омбудсмен предложила рассмотреть возможность грантовой поддержки правового просвещения со стороны государства.

Ректор РУДН В.М. Филиппов и Т.Н. Москалькова подписали соглашение о сотрудничестве (оно будет идти по нескольким направлениям – обмен информационными материалами, совместное проведение научных конференций, стажировки студентов и аспирантов, разработка учебных программ...). По мнению омбудсмена, Россия через просвещение поднимет на новый уровень традиции международных правовых норм и принципов.

3 декабря 2016г. День юриста на съезде Ассоциации юристов России сопредседатель АЮР С.В. Степашин сообщил, что вместе с экспертами ассоциации напишет раздел воспитания в школьный учебник обществознания. «В течение полугода мы готовы подготовить раздел учебника обществознания, посвящённый вопросам правового воспита-

ния», – сказал Степашин. Этот раздел в школьном учебнике, по его словам, должен совмещать правовое просвещение и воспитание с прикладным направлением. Это обусловлено тем, отметил Степашин, что «люди, оканчивая школу, попадают в жизнь, не зная, в каком законодательном поле они будут жить». [8, с.7].

Другой сопредседатель АЮР, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина В.В. Блажеев, добавил, что ассоциация выступает за то, чтобы право стало самостоятельной дисциплиной, которая преподаётся в школе. «Потому что молодой человек, который вступает в жизнь, должен знать основы права. [8, с.7].

К числу приоритетных направлений работы ассоциации относится оказание бесплатной юридической помощи населению (тематические конференции, форумы, семинары по обмену опытом между региональными отделениями ассоциации в этой сфере...). Участие студентов совместно с опытными юристами в таких акциях – отличный шанс в профессиональном росте и успешной карьере.

Аналогичную возможность предоставил и новый Федеральный закон № 504 от 28 декабря 2016 г. «О внесении изменений в статьи 4 и 16 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» (вступил в силу 9 января 2017 года). В соответствии с ним некоторые студенты юридических факультетов смогут работать помощниками следователей и следователей-криминалистов. Речь идёт не о повсеместном введении новой категории сыщиков. Документ строго ориентирован на конкретные должности в штатных расписаниях следственных отделов и следственных отделений Следственного комитета РФ по районам и городам.

Что будет предъявляться к кандидатам в помощники следователя? Главное, чтобы претендующие на эти должности студенты обучались по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования, относящейся к укрупнённой группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция».

Это первый строгий критерий для работы студентов следователями в профильной

сфере. Существует и второй обязательный критерий. Чтобы стать помощником следователя, нужно отучиться не менее половины срока, установленного федеральным государственным образовательным стандартом, и не иметь при этом академической задолженности.

«Имеются в виду также должности в следственных отделах и следственных отделениях. Следственного комитета по районам и городам (ч.2 ст.16 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403 – ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации») – уточняет Н. Козлова [9, с.7].

Не исключено, что студенты смогут совмещать учёбу с работой и в других сферах. В начале ноября 2016 года правительство РФ внесло в Госдуму законопроект, которым предлагается установить статус базовых подразделений вузов и ссузов как кафедр и филиалов, обеспечивающих практическую подготовку студентов.

Вузы и ссузы будут создавать такие подразделения на базе иных организаций, в том числе предприятий, но при условии, если последние ведут свою деятельность по профилю соответствующей образовательной программы. Это могут быть и научные организации или те, которые осуществляют научную или научно-исследовательскую деятельность.

В 2017 году такой законопроект готовится к рассмотрению в первом чтении.

На вышеприведённых примерах, надеюсь, убедительно продемонстрировал качественные изменения в юридическом образовании в России.

Библиографический список:

1. Тугаринова, Т. В Сколково обсудили университет будущего / Т. Тугаринова // Вузовский вестник. – 2016. – 1-15 ноября – №21(261) – С.13.
2. Голубкова, М. Установят истину / М. Голубкова // Российская газета. – 2016. – 2 сентября – №197(7069) – С.3.
3. Кочетова, Е. Право изобретать новое [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/590791>.
4. Куликов, В. Сочините кодекс / В. Куликов // Российская газета. – 2016. – 16 сентября – №209(7077) – С.7.

5. Замахина, Т. Поправки за партией Ведущие вузы помогут депутатам работать над законами / Т. Замахина // Российская газета. – 2016. – 6 декабря – № 276 (7144) – С.14.

6. Орлов, П. Отправили на учёбу Ассоциация юристов России открыла дискуссионный клуб для правоведов / П. Орлов // Российская газета. – 2016. – 8 сентября – № 201(7069) – С.2.

7. Емельяненко, В. За «Права человека» Омбудсмен Татьяна Москалькова встретила со студентами РУДН / В. Емельяненко // Российская газета. – 2016. – 9 ноября – №253 (7121) – С.7.

8. Куликов, В. Научат закону Ассоциация юристов России напишет раздел о праве в школьный учебник / В. Куликов // Российская газета. – 2016. – 5 декабря – № 275 (7143) – С.7.

9. Козлова, Н. Требуется помощник сыщика Студенты-юристы смогут работать по будущей специальности ещё до получения диплома / Н. Козлова // Российская газета. – 2017 – 9 января – №1 (7167) – С.7.

©Еременко Р.С., 2017

ЭКОНОМИКА

Р.В. Колесов

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и финансы» Ярославского филиала
Финансового университета при Правительстве РФ

Мировая экономика в 2017 году: на пути к «новой нормальности»

В работе, основываясь на формирующихся в настоящее время тенденциях в развитии отдельных государств, которые условно можно отнести к категориям экспортеров ресурсов, производителей продукции и основных ее потребителей, предпринята попытка спрогнозировать возможные перспективы развития взаимоотношений в мировой экономике на среднесрочную перспективу. Сформулировано предположение, что в ближайшее время национальные экономики станут более закрытыми, еще более острой станет борьба за контроль над ресурсным потенциалом, а существующие траектории движения капитала, технологий и рабочей силы могут претерпеть значительные изменения.

Ключевые слова: мировая экономика, финансы, ресурсы, производство, потребление, проблема, нефть, экспортеры, цена, сегмент, противоречие, кризис.

Специалисты в области мировой экономики и международных торговых и валютных отношений активно пытаются выявить или опровергнуть наличие закономерностей в тех трендах, которые наметились в мировой экономике во второй половине 2016 года. Цель подобных изысканий очевидна – максимизировать на объективной основе точность долгосрочных и среднесрочных прогнозов, сформулировать рекомендации руководству государств, отдельных компаний, повысить собственные рейтинги и, как следствие, расширить клиентскую базу и величину получаемых доходов.

Какие события в мире экономики и финансов эксперты обсуждают наиболее оживленно? На наш взгляд, исключив преимущественно политический характер процессов, происходящих сейчас в США, их можно разделить на три взаимосвязанные группы:

- меры, принимаемые в государствах-экспортерах ресурсов (ресурсоснабжающий сегмент мировой экономики);
- ситуация в экономике Китая (производящий сегмент мировой экономики);

– процессы в государствах еврозоны (потребляющий сегмент мировой экономики).

Нам представляется обоснованным попытаться дать ответ на вопрос: сталкиваемся ли мы со вполне стандартной ситуацией цикличности в мировой экономике или это нечто новое и на длительную перспективу (назовем это «новая нормальность мировой экономики»)? При этом, по нашему мнению, залог стабильного и устойчиво-поступательного развития – это взаимно сбалансированное развитие государств, относящихся к каждому из выделенных нами сегментов мировой экономической системы. В рамках логической цепочки «ресурсы – производство – потребление» рассмотрим изначально ситуацию в ресурсоснабжающем сегменте. В качестве наиболее яркого государства – представителя данного сегмента нам представляется пример Саудовской Аравии. Страна является одним из крупнейших экспортеров энергоносителей на мировой рынок и, что важно, доходы от их экспорта составляют почти три четвертых объема ее ВВП.

Столкнувшись с длительным периодом низких (менее 40\$ за баррель) на фоне недавних ценовых максимумов (более 100\$ за баррель) цен на нефть, монетарные власти Саудовской Аравии впервые за последние более чем 25 лет прорабатывают вопрос отказа от искусственной поддержки национальной валюты.

В новейшей истории привязка курса национальной валюты какого-либо из развивающихся государств к доллару США предполагала привлечение в национальную экономику иностранных инвесторов. В том числе это было характерно для России в 1990-е годы, хотя и закончилось дефолтом в августе 1998 года. Дело в том, что в развивающихся экономиках уровень рентабельности, как правило, выше. Это привлекает иностранных инвесторов, но, учитывая высокие риски, лишь при условии, что они свою прибыль смогут конвертировать из валюты развивающегося рынка в одну из ключевых мировых валют по стабильному (фактически искусственно поддерживаемому) курсу.

В Саудовской Аравии курс 1 риял ~ \$3,75 был установлен еще в 1980 году. Помимо цели привлечь инвестиции и за счет них диверсифицировать экономику, снизив, таким образом, зависимость от нефтяных доходов, также преследовалась цель снизить колебание внутренних цен в условиях традиционной нестабильности на нефтяном рынке. Однако, в настоящее время, доходы от реализации нефти в ВВП Саудовской Аравии продолжают составлять весьма значительную величину – около 75%. Поэтому падение цен на нефть более чем в 2 раза привело к росту дефицита бюджета, значительному уменьшению золотовалютных резервов, снижению заработных плат чиновникам на 15 – 20%. Не исключен рост социальной напряженности в стране.

Практика показывает, что применение нерыночных механизмов на валютном рынке, т.е. поддержание курса национальной валюты за счет золотовалютных резервов длительное время, как правило, ничем хорошим для монетарных властей государства не заканчивается. Вероятность возврата к стоимости барреля на уровне \$70 и выше в ближайшее время практически равна нулю. В связи с этим постепенный переход к рыночному ценообразованию на риял для саудитов неизбежен. Возможно, это будет осуществляться плавно.

Например, на 2017 год курс 1 рияла установят на уровне \$3,60 - \$3,75 с возможностью пересмотра диапазона раз в полугодие и при условии колебания цен на нефть на величину, превышающую, например, 20%.

Следует ожидать именно плавной девальвации рияла, т.к. существенное снижение курса, хотя и позволит исполнять принятые обязательства внутри страны при минимальном использовании резервов, однако может негативно сказаться на настроениях инвесторов, особенно иностранных и спровоцировать значительный отток капитала.

Таким образом, ситуация в мировом ресурсообеспечивающем сегменте будет являться новой для монетарных властей, требующей быстрых действий, что, в свою очередь, чревато ростом рисков и углублением кризиса. Возникает вопрос: приведет это к усиленной распродаже ресурсов (и к еще большему падению цен на них) в целях стабилизировать ситуацию внутри развивающихся экономик или станет причиной сокращения предложения ресурсов (из-за попытки стран-экспортеров договориться и объективных проблем с инвестициями в развивающихся экономиках) и росту цен на сырье и энергоносители? К рубежу 2020 года, по нашему мнению, следует скорее ожидать реализации второго сценария.

Рассмотрим ситуацию в производящем сегменте мировой экономики. Китайский юань обновляет антирекорды восьмилетней давности. Его курс по отношению к доллару США снизился почти до психологически важной отметки 7 юаней. Каких перспектив следует ждать от китайской экономики после 2016 года?

Следует обратить внимание, что дело не только в снижении курса юаня. В последние месяцы доллар США активно укрепляется на международном валютном рынке. Анализ действий и заявлений представителей Народного банка Китая позволяет сделать вывод, что его фундаментальная позиция такова:

- по отношению к другим валютам юань в целом устойчив;

- в ближайшее время следует ожидать продолжения ослабления большинства валют по отношению к доллару, в т.ч. и в силу того, что укрепляющийся доллар приводит к удорожанию долгов (в долларах США номинированы долги на сумму более \$10 трлн., в т.ч.

долги развивающихся экономик около \$3,5 трлн.) и юань должен быть «в тренде»;

– монетарными методами следует стремиться поддерживать годовые темпы роста ВВП КНР в диапазоне 7 – 8%.

Последний показатель особенно важен. Но для его достижения ситуация неутешительна: рост промышленного производства + 6,1%, прямые иностранные инвестиции в экономику КНР + 4,2%, а прямые инвестиции Китая в другие экономики в 2016 году уже \$142 млрд. (планировалось не более \$130 млрд.) и все это на фоне консолидированного долга КНР, превышающего 300% ВВП страны. Тенденция к ослаблению юаня, скорее всего, сохранится на треке до 2017 года, хотя девальвация будет плавной, т.к. существенная девальвация в моменте усилит отток капитала из китайской экономики. В этих целях только в конце 2016 года для увеличения предложения долларов США было реализовано американских трежерис на сумму около \$28 млрд.

Тем не менее, темпы роста экономики Китая не превысят 5 – 6%. Тенденция здесь скорее негативная. Курс Народного банка Китая на девальвацию юаня, скорее всего, заставит ФРС США в перспективе поменять риторику и заявить об отказе от идеи повышения ключевой ставки, как минимум, для поддержания конкурентоспособности американских товаров на внутреннем рынке США.

Продолжение политики дешевых денег до 2020 года, скорее всего, станет общим для всех государств потребляющего сегмента. В конце 2016 года инфляция в еврозоне наконец-то стала набирать обороты. Отметим, что ее уровень в государствах еврозоны различается. Например, для Болгарии и Кипра в 2016 году характерна дефляция на уровне 1%, в Германии цены выросли на 0,8%, а в Бельгии больше всего – на 1,9%. В качестве целевого ориентира, при котором рост цен обеспечит достаточную прибыль предприятий и предоставит им инвестиционный ресурс, необходимый для выхода на темпы роста экономики на 2,5 – 3% в год (вместо сегодняшних 1 – 1,5%), Европейский Центральный банк (далее – ЕЦБ) заявляет инфляцию в 1,9 – 2%.

Прогноз ЕЦБ по инфляции в еврозоне на 2016 год – 0,3% (в 2015 году она составила 0%). На 2017 год ЕЦБ прогнозирует инфляцию 1,5%, а на 2018 год – 1,7%. Сейчас прогнозы аналитиков ЕЦБ в целом можно счи-

тать весьма точными, а ситуацию достаточно стабильной. Однако многое будет зависеть от развития взаимоотношений между США и Китаем. Есть опасения, что анонсированные вновь избранным Президентом США господином Д. Трампом протекционистские меры приведут к тому, что значительный объем китайских товаров начнет поступать на рынок Европы. Это может стать проблемой для стран ЕС, не меньшей по своим масштабам, чем проблема беженцев.

В этих условиях курс ЕЦБ на реализацию программ количественного смягчения, скорее всего, будет продолжен. Ключевая ставка ЕЦБ сохранится на уровне 0%. Что касается продолжения выкупа ЕЦБ ценных бумаг ежемесячно на сумму 80 млрд. евро, то здесь обращает внимание позиция представителей Банка Германии (Бундесбанка), заявивших, что уже в феврале 2017 года еврозона может выйти на годовую инфляцию около 1,5%. Как минимум, это может означать, что представители Бундесбанка выступают за снижение ЕЦБ объемов ежемесячного выкупа ценных бумаг с апреля 2017 года с сегодняшних 80 млрд. до 65 – 70 млрд. евро. Но в целом реализация политики монетарных властей экономически развитых государств по наполнению экономики дешевой ликвидностью до 2020 года будет продолжена.

Итак, подведем промежуточные итоги. Безусловно, возможных сценариев развития может реализоваться множество. Однако отдельные тренды представляются вполне очевидными.

1. Государства ресурсобеспечивающего сегмента начнут искать выход непосредственно на насыщенные ликвидностью рынки государств – потребителей. Вместе с тем, общий объем их поставок сократится, хотя в условиях падения спроса это не приведет к существенному росту цен и, имеющиеся средства будут направляться преимущественно на развитие внутреннего производства и стимулирование внутреннего потребления. Важно, чтобы их взаимодействие с производственным сегментом и потребителями строилось на стремлении получить от контрагентов не столько деньги, сколько современные технологии. А главным аргументом в этом взаимодействии должно стать понимание неизбежного, пусть и в среднесрочной перспективе, обострения борьбы за ресурсы.

2. Государства-производители будут отчасти в состоянии изоляции, а их проблемы с избыточными производственными мощностями и высокой корпоративной закрежденностью будут нарастать. Скорее всего, страны-потребители постараются использовать весь инструментарий, чтобы защитить свои рынки от дешевых товаров, производимых сегодняшними мировыми фабриками. В этих целях возможна попытка пересмотра или одностороннего отказа от существующих соглашений в рамках ВТО. Главной траекторией развития производителей станет продолжение плавной девальвации национальных валют, стремление выйти на новые для себе рынки ресурсоснабжающих государств (в том числе с предложением имеющихся технологий и рабочей силы), попытка простимулировать внутреннее потребление. Вполне возможно, что эти процессы зададут новый вектор миграции из стран – основных производителей в страны экспортеры ресурсов.

3. Государства-потребители будут продолжать наращивать объемы денежной эмиссии в целях оживления инвестиционной активности и выхода на темпы экономического роста в 2,5 – 3,5% в год. Учитывая ожидаемое обострение долгового кризиса в мире, в том числе и вследствие девальвации валют развивающихся государств, это не приведет на горизонте ближайших 10 лет к угрозе возникновения неконтролируемой инфляции. В этом плане серьезной опасностью станет вероятность появления «пузырей» в различных сегментах экономики и последующих локальных и глобальных кризисов. Еще одной проблемой может стать трудно прогнозируемый по своим объемам приток капитала с развивающихся рынков в условиях неопределенности для инвесторов. Более того, на фоне существенных социально-экономических перемен, которые ожидают развивающиеся государства, данная проблема может еще более обостриться трудно контролируемым притоком мигрантов, движущихся вслед за капиталом.

Наиболее вероятным сценарием для государств потребителей может стать расширение связей с поставщиками дешевых ресурсов, попытка получить полномасштабный контроль над этими ресурсами в местах их залегания, агрессивная защита своего рынка от поставок дешевых товаров, стимулирова-

ние развития собственных производственных мощностей.

В заключение отметим, что наличие крайне острых противоречий между участниками международного разделения труда в среднесрочной перспективе может стать «новой экономической нормальностью», к которой России следует быть готовой. Возможны кардинальные изменения в экономической политике государств, изменение устоявшейся в последние десятилетия системы международных хозяйственных связей. Приоритетом станет ориентация на внутренний спрос и стремление локализовать производство на собственной территории. Еще более приоритетной целью для развитых государств-потребителей станет стремление установить преимущественно прямые контакты с поставщиками ресурсов, и, в конечном итоге, максимизировать контроль за мировым ресурсным потенциалом. Защитным инструментарием производителей станут валютные войны, и попытки выйти на новые рынки (преимущественно ресурсодобывающих государств), в том числе, предлагая свои наиболее передовые технологии – возможно менее эффективные в сравнении с технологиями развитых государств, но более привлекательные по критерию «цена – качество».

Ближайшее будущее – это время серьезных вызовов для всех государств, включая Россию. Но это и окно возможностей. Мы продолжаем обладать мощнейшим в мире ресурсным потенциалом, передовыми технологиями в ряде весьма значимых отраслей, наша страна и те экономико-политические объединения, в которые интегрирована Россия в настоящее время – уникальный по своим масштабам, спектру потребностей и перспективам роста рынок сбыта для отечественных производителей продукции с высокой добавленной стоимостью. Необходимо четко осознать наше место в существующей системе координат, перспективы ожидаемых тектонических изменений в системе мирового хозяйства, и, исходя из того, что все без исключения – это наши партнеры, прагматично строить партнерские отношения, основываясь исключительно на взаимной выгоде от этого сотрудничества.

©Колесов Р.В., 2017

Химическая промышленность России в условиях санкций: проблемы и возможности

В статье рассматривается ситуация в одной из наиболее активно развивающихся в последние годы, в том числе, несмотря на незаконно проводимую политику санкционных ограничений со стороны ряда государств, отраслей национальной экономики – химической промышленности. Рассматриваются ключевые проблемы отрасли, такие как отсутствие четко сформулированных на государственном уровне приоритетов развития, недостаточная согласованность в действиях различных ветвей власти, отсутствие достаточных по объему источников инвестиций в отрасль. Также рассмотрены важнейшие, по мнению автора, предпосылки для обеспечения высоких темпов развития отрасли и превращения ее в один из драйверов роста отечественной экономики.

Ключевые слова: химическая промышленность, развитие, отрасль, мощность, продукция, предприятие, производство, рынок, импорт, фактор, экономика, рост.

Химическая индустрия России включает два десятка подотраслей, производя при этом примерно 16 тыс. видов продукции. В общей сложности на территории государства на данный момент насчитывается около 7,6 тыс. предприятий химического производства.

Существует ряд фундаментальных факторов для обеспечения конкурентоспособности отечественной химической промышленности на мировом рынке, таких, как доступ к сырью, крупный внутренний рынок, задел для развития отраслевой науки и кадрового состава. Основное сырье для получения продукции на химпроизводстве – горючие ископаемые (природный газ и нефть). В связи с этим, основные предприятия, как правило, расположены вдоль газо- и нефтепроводов. Учитывается не только близость к сырью, но и ориентация на потребителя. Крупнейшие центры производства азотных удобрений находятся в Кемерово, Липецке, фосфатных – в Ленинградской области, Тольятти, Самарском районе. Калийные удобрения изготавливаются непосредственно в местах добычи сырья: Березники, Соликамск. Стратегия развития отрасли, которой руководствуется на данный момент РФ, включает следующие пункты:

- определение приоритетных направлений развития комплекса производства, пути реализации продукции;
- привлечение инвестиций из государственно-частного сегмента производства;
- обеспечить согласованность действий с представителями законодательного и исполнительного секторов власти;
- быть основой для принятия решений, касательно разработки программ по развитию секторов производства, зависящих от индустрии, на государственном уровне [1].

Современный рынок химической продукции подстроился под постоянно меняющиеся вкусы потребителей, качество исходной продукции стало на порядок выше. Многие производители значительно продвинулись в производстве оснащения из-за постоянно растущих требований госнадзора за выпускаемой продукцией и самих потребителей. Все это приводит к постоянным изменениям в производстве не только на государственном уровне, но и на международной арене.

На протяжении всего 2015 г. российская промышленность в условиях неблагоприятной макроэкономической ситуации демонстрировала непрерывную отрицательную динамику. При этом лишь незначительное ко-

личество отраслей увеличило производство, но у большинства из них темпы роста были сравнительно небольшими. На фоне остальных отраслей самый высокий показатель отмечен именно в химической промышленности, рост производства в которой, по оценке экспертов РИА Рейтинг [2], составил не менее 6,5%, что стало лучшим результатом для отрасли за последние пять лет.

По мнению экспертов, успешный результат отрасли на фоне довольно слабых итогов промышленности в целом можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, российская химическая промышленность с максимальной эффективностью воспользовалась представившимися возможностями после девальвации рубля. С одной стороны, предприятия отрасли за счет возросших ценовых преимуществ смогли увеличить экспорт своей продукции. С другой стороны, девальвация рубля позволила потеснить импортную продукцию на внутреннем рынке. В результате, российские производители смогли увеличить выпуск продукции, несмотря на сокращение внутреннего спроса. В наибольшей степени замещение импорта произошло по линии фармацевтической продукции, бытовой химии и производства пластмасс.

Во-вторых, определенное влияние на положительный результат отрасли оказал фактор низкой базы. В прошлом году рост производства в отрасли был незначительным из-за аварии на предприятии «Ставролен» в Ставропольском крае. В текущем году деятельность этого предприятия была полностью восстановлена, в результате чего резко выросло производство этилена и полиэтилена.

В-третьих, в предыдущие два года в России было запущено в эксплуатацию несколько новых заводов по производству полимеров – «Полиом», «Тобольск-Полимер», «РусВинил». В связи с этим выпуск полимеров в текущем году рос быстрее, чем производство других видов химической продукции. Кроме того, в 2016 г. были введены в эксплуатацию новые мощности по производству минеральных удобрений, что позволило сохранить уровень производства этой продукции на уровне 2014 – 2015 гг., несмотря на аварию на шахте «Уралкалия», которая случилась в конце 2014 г. За счет запуска новых мощностей в отрасли в 2015 – 2016 гг. произ-

водство некоторых видов продукции достигло рекордного уровня. Так, исторический рекорд установлен в производстве полиэтилена, полипропилена, поливинилхлорида. Кроме того, возможен небольшой прирост производства минеральных удобрений, что обеспечит рекордный показатель в этом секторе химической промышленности.

По нашему мнению, в 2016 – 2017 гг. в отрасли сохранится положительная динамика производства, так как внутренний спрос на химическую продукцию останется примерно на уровне текущего года, при этом российская продукция продолжит вытеснять импорт. Вместе с тем, темпы роста в отрасли по итогам 2016 г. могут несколько снизиться в силу того, что некоторые из тех факторов, которые благоприятствовали химической промышленности, работают с меньшей силой. В частности, фактор низкой базы сменится фактором высокой базы, а эффект от ввода новых заводов будет уже не таким мощным, как в текущем году. В данных условиях особую роль следует отвести качеству планирования деятельности предприятий отрасли [3, с. 50].

Таким образом, химическая промышленность России, несмотря на имеющиеся трудности, по итогам 2015 – 2016 гг. по праву может считаться одним из драйверов развития национальной экономики в условиях санкционного давления со стороны отдельных государств. Данный факт, безусловно, нельзя не учитывать органам государственной власти, осуществляя разработку документов стратегического планирования экономики.

Библиографический список:

1. Химическая промышленность России 2015. Перспективы развития. TOPNEFTEGAZ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://topneftegaz.ru/news/view/108378>.
2. Официальные данные РИА «Рейтинг». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://riarating.ru/>.
3. Колесов Р.В., Бурыкин А.Д. Разработка методики планирования и привлечения финансовых ресурсов промышленными предприятиями // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 1 (30). С. 49-59.

©Катаниди К.Г., 2017

А.В. Иевлев

Аспирант, Международный Университет Бизнеса и Новых
Технологий (Академия МУБиНТ)

Анализ состояния энергетического оборудования в России в 2007 – 2014 годах

В статье, основываясь на актуальных статистических данных, проведен анализ динамики состояния энергетического оборудования в Российской Федерации в период с 2007 по 2014 годы. Автором, исходя из результатов проведенного анализа, определены ключевые факторы, которые существенно снижают возможности энергетиков по обновлению и модернизации основных фондов отрасли. Особую озабоченность вызывает то, что состояние и перспективы развития энергообеспечения в современных условиях рассматриваются отечественными и зарубежными инвесторами как одно из важнейших конкурентных преимуществ не только отдельных экономических субъектов, но и целых регионов России.

Ключевые слова: анализ, энергетическое оборудование, износ, экономика, инвестиции, основные фонды, энергообеспеченность, энергетический комплекс, промышленность, модернизация.

В настоящее время состояние и уровень развития энергетического комплекса представляет собой один из важнейших видов конкурентных преимуществ и характеристик перспектив развития экономики любой территории. При принятии решений о возможности инвестирования средств потенциальные инвесторы первоочередное внимание уделяют состоянию и перспективным планам энергообеспечения объектов инвестиций, участию в реализации проектов органов государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем, ситуация в данной области в российской экономике представляется нам неутешительной.

Важным фактором, снижающим интерес отечественных и иностранных инвесторов к вложению средств во все без исключения отрасли материального производства российской экономики является высокий уровень изношенности оборудования. На рисунке 1 представлены данные об уровне износа оборудования, сформированные органами государственной статистики РФ на основе данных бухгалтерской отчетности экономических субъектов, относящихся к груп-

пе «Производство и распределение энергии, газа и воды» за 2007 – 2015 годы [1].

Рисунок 1 – Начисленный учетный износ (млн. руб.) по группе предприятий «Производство и распределение энергии, газа и воды»

За рассмотренный период показатель начисленного учетного износа существенно увеличился – при этом можно заметить моменты времени снижения объемов начислен-

ной амортизации (2008 – 2009 годы), которые совпадают с циклическим спадом в российской экономике.

Степень износа основных фондов представляет процент, который отражаетработанное машинами и оборудованием время. Показатели учетного износа (в %) за 2007 – 2014 годы представлены на рисунке 2 [1].

Рисунок 2 – Степень износа основных фондов

По данным рисунка 2 можно сделать вывод о сокращении износа основных фондов по рассматриваемой категории в 2007 – 2014 годах. Однако говорить о существенной модернизации в энергетическом комплексе в целом по представленным статистическим данным нельзя – следует учитывать, что в группировку попадает и производство газа. Итоговый положительный результат объясняется преимущественно масштабной модернизацией исключительно газовой промышленности на фоне исторических максимумов в рассматриваемом периоде цен на природный газ, привязанных к ценам на нефть.

Ввод в действие новых основных фондов энергетического комплекса отражен на рисунке 3.

Можно сделать вывод о сокращении ввода новых основных фондов в 2014 году.

Следует отметить, что органы государственной статистики оперируют в отчетах номинальными показателями, не учитывая уровень инфляции в национальной экономике. Например, сокращение объемов ввода основных фондов с 1070,8 млрд. руб. в 2013 года до 1012,8 млрд. руб. в 2014 году номинально составило 5,73%. Однако, если учесть влияние фактора инфляции, официальный уровень которой в 2014 году составил 11,4%, то реальное сокращение объемов ввода в эксплуатацию основных фондов отрасли составит уже более 20,5%.

По нашему мнению, сокращение ввода основных средств в энергетической отрасли объясняется следующими факторами:

а) экономическим кризисом на фоне резкого падения цен на нефть, который характеризуется:

- падением курса рубля с 30 – 35 рублей за доллар США до 60 – 65 рублей за доллар США, которое препятствует закупке компаниями нового энергетического оборудования иностранного производства;

- снижением доходов бюджетов различного уровня бюджетной системы РФ, которое приводит к сокращению финансирования программ модернизации энергетического оборудования и повышения энергообеспеченности территорий (в целях повышения надежности финансового обеспечения деятельности органов власти различного уровня уместно использовать механизмы, рассматриваемые отдельными авторами [2, с. 338]);

- низкому уровню инвестиций в финансирование НИОКР и, как следствие, отсутствием в современных условиях отечественных техники и технологий в энергетике, способных составить альтернативу не только физически, но даже морально устаревшему энергетическому оборудованию зарубежных производителей.

Последним исследованием об остаточном сроке службы оборудования и других объектов основных средств, стало выборочное исследование 2008 года (таблица 1) [1].

Рисунок 3 – Ввод основных фондов (млн. руб.) (рассчитано автором)

Таблица 1 – Остаточный срок службы основных фондов в 2008 году

Группы основных фондов	Средние сроки службы и возраст основных фондов, имеющихся на конец 2008 года				Средний фактический срок службы (возраст) ликвидированных основных фондов в 2008 году, лет
	Количество обследованных объектов основных фондов	Средний фактический срок службы (возраст) на конец 2008 года, лет	Средний оставшийся срок службы на конец 2008 года, лет	Средний ожидаемый срок службы на конец 2008 года, лет	
А	1	2	3	4	5
Жилые здания	272	28	45	73	63
Нежилые здания	1584	21	43	64	32
Сооружения	3173	26	40	66	18
Машины и оборудование	4805	17	15	32	16
Транспортные средства	2881	4	5	9	12

В соответствии с выборочным обследованием был проведен мониторинг состояния 4805 машин и оборудования энергетической промышленности. Остаточный срок службы оборудования и машин составил 15 лет (к 2016 году прошло уже 8 лет). Низкие темпы модернизации, которые отмечаются в настоящее время, могут привести к тому, что к 2023 – 2025 годам большая часть оборудования выработает собственный ресурс, что мо-

жет привести к необратимым отрицательным сдвигам во всей энергетической промышленности. Например, такой вид энергии, как тепло, может быть полностью замещен электрической энергией и энергией газа – на смену батарейному отоплению придут газовые котлы и электрические обогреватели. Проблема состоит не только в изношенном энергетическом оборудовании, но и в износе тепловых сетей. По оценкам экспертов, износ

тепловых сетей составляет порядка 60%, потери тепла вследствие износа составляют 20 – 40% [3, с. 19]. Специалисты Минэкономики России называют необходимой суммой для модернизации только тепловых коммуникаций сумму в 500 млрд. руб. – при ограниченности доходов федерального бюджета, данные средства изыскать в настоящее время не представляется возможным.

По результатам рассуждений возможно заключить следующее утверждение: затраты на ремонт энергетического оборудования с каждым годом будут повышаться, а модернизация основных средств в условиях недофинансирования не представляется возможной в том объеме, в котором это необходимо.

Именно поэтому актуальной в настоящее время станет модель, которая способна повысить эффективность ремонта энергетического оборудования, модель, которая будет основана как на опыте отечественных и зарубежных исследований, так и на инноваци-

онных векторах, столь необходимых российской энергетике в непростой экономический период.

Библиографический список:

1. Материал официального сайта Федеральной государственной службы статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#.
2. Колесов Р.В. Основы методологии оценки надежности, устойчивости и стабильности финансового обеспечения органов власти региона // [Научные труды Вольного экономического общества России](#). 2012. Т. 163. С. 338-351.
3. Сазонов С.П., Завьялов Д.Ю. Жилищно-коммунальное хозяйство: проблемы и решения // *Финансы*. 2014. № 6. С. 19-21.

©Иевлев А.В., 2017